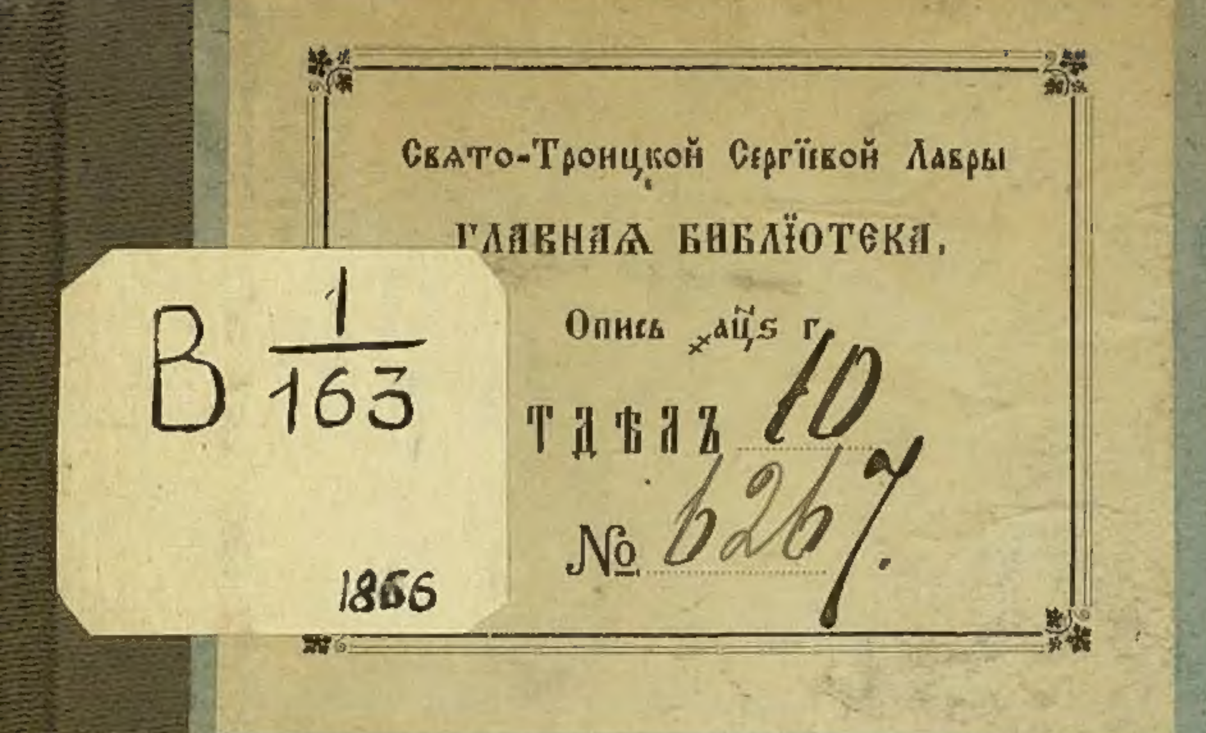
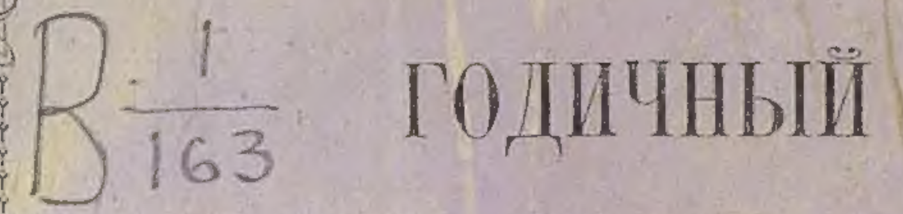

ГОДИЧНЫЙ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ НОВОРОССІЙСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

30-го Августа 1866 года.

ОДЕССА,
ВЪ ГОР. ТИП. СОД. Х. АЛЕКСОМАТИ.
1866.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

о

СОСТОЯНІИ И ДѢЙСТВІЯХЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

въ $186^{5}/_{6}$ академическомъ году.

СОСТАВЛЕНЪ СЕКРЕТАРЕМЪ СОВѢТА

В. Орловымъ.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета.
1866 года, Августа 30-го дня.

Секретарь Совѣта *Орловъ*.

Мм. Гг.

Новороссійскій университетъ настоящимъ торжественнымъ собраніемъ завершаетъ первый годъ своей дѣятельности, краткій отчетъ о которой онъ считаетъ долгомъ представить вашему благосклонному вниманію.

Озираясь назадъ, ко дню своего открытія, состоявшагося 1 мая прошлаго 1865 г., онъ первымъ и священнымъ своимъ долгомъ считаетъ принести дань вѣрноподданнической преданности и глубокой благодарности Монарху, просвѣщенной волѣ котораго, выраженной въ указѣ сенату отъ 11-го Іюля 1864 г., онъ обязанъ своимъ существованіемъ. Новый разсадникъ науки въ странѣ—есть великое благодѣяніе;—не сознавать этого можетъ только тотъ, кто не сознаетъ всей практической важности распространенія свѣта науки среди роднаго народа.

Съ признательностію долженъ вспомнить въ настоящую минуту новорожденный университетъ и о тѣхъ государственныхъ дѣятеляхъ, заботами и умомъ которыхъ выработана была какъ первая мысль объ университетѣ, такъ и дальнѣйшее проведеніе ея въ жизнь. Побуждаемый этимъ чувствомъ совѣтъ профессоровъ Новороссійскаго университета въ первый же день своего существованія избралъ почетными членами: бывшаго министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Е. П. Ковалевскаго, бывшаго Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора А. Г. Строгонова, Новороссійскаго

и Бессарабскаго генералъ-губернатора П. Е. Коцебу, и бывшихъ попечителей Одесскаго учебнаго округа, тайныхъ совѣтниковъ Н. И. Пирогова и М. М. Могилянскаго. Рядомъ съ этими высоко почтенными именами и съ тѣмъ же чувствомъ должны быть теперь помянуты и имена— бывшаго министра народнаго просвѣщенія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. В. Головнина и бывшаго попечителя Одесскаго учебнаго округа дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. А. Арцимовича.

Такимъ образомъ прежде всего просвѣщенному Государю нашему и потомъ вышепоименованнымъ государственнымъ людямъ южный край Россіи обязанъ новымъ университетомъ, этимъ могущественнымъ средствомъ къ распространенію въ немъ главнаго условія всякаго благоденствія, — просвѣщенія народнаго. На сколько могъ втеченіе только годичной своей жизни замѣтить Новороссійскій университетъ, мѣстное общество не осталось равнодушнымъ къ этому новому благодѣянію Монарха: какъ отъ разныхъ властей и учрежденій, такъ и отъ частныхъ лицъ онъ уже не разъ видѣлъ готовность содѣйствовать ему, по мѣрѣ средствъ ихъ, къ достиженію высокихъ его цѣлей. И университетъ не останется неблагодарнымъ къ вниманію общества. Добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей по отношенію къ преподаванію наукъ молодому поколѣнію здѣшняго края, изслѣдованіемъ и изученіемъ, по мѣрѣ силъ своихъ, всѣхъ особенностей, всѣхъ нуждъ и потребностей богатой по природѣ, но далеко еще необслѣдованной полосы Россіи, онъ надѣется воздать обществу за его теплыя отношенія къ себѣ.

I. Составъ университета.

А. Составъ по факультетамъ и отдѣленіямъ.

Новороссійскій университетъ состоитъ изъ трехъ факультетовъ: 1. историко-филологическаго, 2. физико-математическаго и 3. юридическаго, изъ коихъ второй раздѣляется на два отдѣленія: а) отдѣленіе физико-математическихъ наукъ и б) отдѣленіе наукъ естественныхъ.

Въ составъ *историко-филологическаго факультета* входятъ слѣдующія каѳедры: 1. философіи, 2, греческой словесности, 3. римской словесности, 4. сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, 5. исторіи русскаго языка и русской литературы, 6. исторіи всеобщей литературы, 7. славянской филологіи, 8. всеобщей исторіи, 9. русской исторіи, 10. церковной исторіи и 11. теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ,

Въ *физико-математическомъ факультетѣ къ разряду физико-математическихъ наукъ отнесены*: 1. чистая математика, 2. механика, 3. астрономія съ геодезіей, 4. физика, 5. физическая географія съ метеорологіей, какъ предметы главные и 6. химія неорганическая, какъ предметъ дополнительный; къ *разряду естественныхъ наукъ*: 1. химія въ полномъ ея составѣ, 2. минералогія съ геогнозіей и палеонтологіей, 3. ботаника, 4. зоологія, 5. опытная физика, 6 физическая географія съ метеорологіей, какъ предметы главные и 7. сельское хозяйство, которое предположено читать только желающимъ изъ студентовъ.

Въ составъ *юридическаго факультета* входятъ каѳедры: 1. энциклопедіи права, 2. исторіи важнѣйшихъ

иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ, 3. исторіи русскаго права, 4. исторіи славянскихъ законодательствъ, 5. римскаго права, 6. государственнаго права, 7. гражданскаго права и гражданскаго судоустройства и судопроизводства, 8. уголовнаго права и уголовнаго судоустройства и судопроизводства, 9. полицейскаго права, 10. финансоваго права, 11. международнаго права, 12. политической экономіи и статистики и 13. церковнаго законовѣденія. Кромѣ того совѣтъ университета призналъ полезнымъ ввести преподаваніе въ этомъ факультетѣ и 14. русской исторіи, какъ предмета дополнительнаго.

Б. Личный составъ.

I. Преподаватели.

1. На основаніи Высочайше утвержденнаго 11 іюля 1864 г. мнѣнія государственнаго совѣта объ учрежденіи Новороссійскаго университета, — въ сей университетъ назначены приказомъ г. министра народнаго просвѣщенія.

а) ординарными профессорами.

Профессоръ бывшаго Ришельевскаго лицея по каѳедрѣ православнаго богословія, магистръ протоіерей Павловскій— по той же каѳедрѣ.

Заслуженный профессоръ Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ, докторъ Соколовъ— по каѳедрѣ прикладной математики.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ, докторъ Лапшинъ—по каѳедрѣ физики.

Статскій совѣтникъ, докторъ Струве—по каѳедрѣ греческой словесности.

Статскій совѣтникъ, докторъ Григоровичъ—по каѳедрѣ славянской филологіи.

Коллежскій совѣтникъ, докторъ Ценковскій—по каѳедрѣ ботаники.

Надворный совѣтникъ, докторъ Маркузенъ—по каѳедрѣ зоологіи и сравнительной анатоміи.

Экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, надворный совѣтникъ Билярскій—по каѳедрѣ исторіи русскаго языка и русской литературы,

Экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета, коллежскій ассесоръ докторъ Соколовъ—по каѳедрѣ химіи.

б) исправляющими должность экстраординарныхъ профессоровъ:

Бывшіе преподаватели Ришельевскаго лицея профессоры:

Коллежскій совѣтникъ Богдановскій—по каѳедрѣ уголовнаго права.

Статскій совѣтникъ Юргевичъ—по каѳедрѣ римской словесности.

Статскій совѣтникъ Байковъ—по каѳедрѣ зоологіи и сравнительной анатоміи.

Надворный, нынѣ коллежскій, совѣтникъ Смирновъ—по каѳедрѣ русской исторіи.

Надворный, нынѣ коллежскій, совѣтникъ Карастелевъ—по каѳедрѣ прикладной математики.

Надворный, нынѣ коллежскій, совѣтникъ Власьевъ—по каѳедрѣ энциклопедіи права.

Исправляющій должность адъюнкта, надворный совѣтникъ Палимпсестовъ—по каѳедрѣ агрономіи, и

Исправляющій должность адъюнкта Орбинскій, —по каѳедрѣ философіи.

в) доцентами:

Приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета, магистръ Полевой—по каѳедрѣ исторіи русскаго языка и русской литературы.

Приватъ-доцентъ университета св. Владиміра, магистръ Леонтовичъ—по каѳедрѣ исторіи русскаго права.

Причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія:

Магистръ Яновичъ—по каѳедрѣ ботаники.

Магистръ Модестовъ—по каѳедрѣ римской словесности, и

Коллежскій ассесоръ, магистръ Беркевичъ—по каѳедрѣ астрономіи.

Надворный совѣтникъ, магистръ Абашевъ—по каѳедрѣ агрономіи.

Магистръ политической экономіи Вольскій—по каѳедрѣ политической экономіи и статистики.

Докторъ медицины Бернштейнъ—по каѳедрѣ анатоміи человѣка и физіологіи животныхъ.

На основаніи того же Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта объ учрежденіи Новороссійскаго университета, назначены г. попечителемъ одесскаго учебнаго округа, служившіе въ Ришельевскомъ лицеѣ лекторами языковъ: французскаго—Вишневскій де Турнефоръ, итальянскаго—Вланди и англійскаго—Рандель на тѣже должности въ Новороссійскомъ университетѣ; провизоръ Либекъ—лаборантомъ.

Вотъ личный составъ преподавателей, на долю которыхъ выпало счастіе быть первыми дѣятелями науки въ Новороссійскомъ университетѣ.

Къ нимъ присоединились въ теченіе прошлаго академическаго года опредѣленные по избранію совѣта: лаборантъ химической лабораторіи, кандидатъ естественныхъ наукъ Вериго, лекторъ нѣмецкаго языка, надворный совѣтникъ Топоровъ и приватъ-доцентъ по предмету чистой математики, кандидатъ Алексѣевъ.

2. Изъ числа вышепоименованныхъ преподавателей возведены въ высшія званія: исправлявшій должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ прикладной математики Карастелевъ въ ординарные профессоры и доцентъ по каѳедрѣ ботаники Яновичъ въ экстраординарные профессоры.

3. Такимъ образомъ общее число наличныхъ преподавателей состоитъ изъ 10 ординарныхъ профессоровъ, 8 экстраординарныхъ, 7 доцентовъ, 4 лекторовъ, 2 лаборантовъ и 1 приватъ-доцента.

4. По факультетамъ эти преподаватели распредѣляются слѣдующимъ образомъ: по историко-филологическому факультету: 3 ординарные профессора, 3 экстраординарные и 2 доцента; по физико-математическому: 6 ординарныхъ профессоровъ, 3 экстраординарныхъ, 3 доцента и 2 лаборанта; по юридическому: 2 экстраординарныхъ профессора и 2 доцента.

Непричисленные ни къ какому факультету: 1 ординарный профессоръ православнаго богословія и 4 лектора иностранныхъ языковъ.

5. А такъ какъ по временному штату Новороссійскаго университета, нынѣ дѣйствующему, положено: профессоръ

православнаго богословія 1, ординарныхъ профессоровъ 21, экстраординарныхъ 10, доцентовъ 10, лекторовъ иностранныхъ языковъ 4 и лаборантовъ 2., а по постоянному: 1 профессоръ православнаго богословія, 28 ординарныхъ профессоровъ, 10 экстраординарныхъ, 16 доцентовъ, 4 лектора и 4 лаборанта; слѣдовательно остаются вакантными, по временному штату, 12 мѣстъ ординарнаго профессора, 2 экстраординарнаго и 3 доцента, всего 17; а по постоянному 19 мѣстъ ординарнаго профессора, 2— экстраординарнаго, 8—доцента, и 2—лаборанта, всего 32.

6. Оставались незамѣщенными со времени открытія университета до настоящаго времени слѣдующія каѳедры.

Въ историко-филологическомъ факультетѣ:

1. Сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ.
2. Исторіи всеобщей литературы
3. Всеобщей исторіи.
4. Церковной исторіи и
5. Теоріи и исторіи искусствъ.

Въ физико-математическомъ факультетѣ:

1. Чистой математики.
2. Минералогіи.
3. Физической географіи.
4. Геогнозіи и палеонтологіи и
5. Технической химіи.

Въ юридическомъ факультетѣ:

1. Исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ.

2. Исторіи славянскихъ законодательствъ.
3. Римскаго права.
4. Государственнаго права.
5. Гражданскаго права и гражданскаго судоустройства и судопроизводства.
6. Полицейскаго права.
7. Финансоваго права.
8. Международнаго права.
9. Церковнаго законовѣденія.

Чтобы, по возможности, пополнить пробѣлы, естественно происходящіе въ преподаваніи отъ незамѣщенія вакантныхъ каѳедръ, по нѣкоторымъ изъ нихъ поручено временное чтеніе лекцій другимъ наличнымъ преподавателямъ. Такъ, въ *историко-филологическомъ* факультетѣ исторію всеобщей литературы преподаетъ доцентъ исторіи русскаго языка и русской литературы Полевой; въ *физико-математическомъ факультетѣ* преподаваніе чистой математики раздѣлено между ординарными профессорами прикладной математики Соколовымъ и Карастелевымъ, доцентомъ астрономіи Беркевичемъ и приватъ-доцентомъ Алексѣевымъ; физическую географію читаетъ профессоръ физики Лапшинъ; въ *юридическомъ факультетѣ* исправляющій должность экстраординарнаго профессора Юргевичъ объясняетъ источники римскаго права, а доценту исторіи русскаго права Леонтовичу поручено преподаваніе и теоріи государственнаго права.

II. Чиновники по учебно-административной и другимъ частямъ.

1. Ректоръ университета, ординарный профессоръ по каѳедрѣ прикладной математики, докторъ математичес-

кихъ наукъ, заслуженный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ И. Д. Соколовъ.

Проректоръ, исправляющій должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ уголовнаго права, магистръ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, коллежскій совѣтникъ А. М. Богдановскій,

2. Прочихъ чиновниковъ: а) положено по временному штату 13 и неопредѣленное штатомъ число хранителей кабинетовъ, а по постоянному 16 и также неопредѣленное штатомъ число хранителей кабинетовъ; б) на лицо же состоитъ: 1 библіотекарь, 2 помощника его, 1 механикъ, 2 хранителя кабинетовъ, 2 помощника проректора, 1 секретарь совѣта, 1 секретарь правленія и по студентскимъ дѣламъ, 1 казначей, 1 бухгалтеръ, 1 экзекуторъ, 1 архитекторъ и 1 врачъ.

За тѣмъ остаются вакантными, по временному штату, должность управляющаго учебной фермой, а по постоянному, кромѣ означенной, еще должности 1 помощника проректора и 1 архиваріуса.

II. О занятіяхъ факультетовъ.

Приступая къ изложенію дѣятельности факультетовъ, совѣтъ университета считаетъ необходимымъ объяснить, что правильныя факультетскія собранія могли быть учреждены не ранѣе второй половины ноября прошлаго года, когда были избраны и утверждены деканы.

До того же времени съ самаго открытія университета члены факультетовъ собирались то, по назначенію совѣта, въ смѣшанныя коммисіи для обсужденія разнообразныхъ вопросовъ по общей организаціи вновь открытаго

университета равно какъ и для составленія различныхъ правилъ, то на частныя совѣщанія по дѣламъ собственно факультетскимъ, какъ напр для опредѣленія порядка преподаванія и т. п.

При такихъ общихъ занятіяхъ, каждый изъ преподавателей старался ближе ознакомиться съ наличными пособіями по своимъ предметамъ, въ слѣдствіе чего представлены были всѣми ими особыя донесенія въ совѣтъ о необходимости увеличить эти пособія, а нѣкоторыя учебно-вспомогательныя учрежденія и вновь устроить.

1. Со времени же утвержденія декановъ по 1-е іюня настоящаго 1866 г. историко-филологическій факультетъ имѣлъ 14 засѣданій, физико-математическій 11 и юридическій 11 засѣданій.

2. Съ разрѣшенія совѣта, въ число предметовъ, преподаваемыхъ на юридическомъ факультетѣ, поставлена и русская исторія, какъ предметъ дополнительный. Кромѣ того, съ разрѣшенія совѣта, и. д. экстраординарнаго профессора римской словесности Юргевичъ принялъ на себя обязанность объяснять студентамъ 1 курса юридическаго факультета источники римскаго права, по которому вовсе нѣтъ преподавателя. Съ цѣлію же устранить, по возможности, недостатки въ преподаваніи, происходящіе отъ незамѣщенія многихъ вакантныхъ каѳедръ, сдѣланы и тѣ временныя распредѣленія въ преподаваніи, которыя означены выше въ отдѣлѣ подъ лит. Б. пунктъ 6.

3. Имѣя въ виду недостаточность состава преподавателей юридическаго факультета, члены его озабочивались пріисканіемъ достойныхъ профессоровъ. Такимъ образомъ былъ предложенъ факультетомъ, по устному заявленію

одного изъ его членовъ, и избранъ совѣтомъ на каѳедру гражданскаго права и. д. экстраординарнаго профессора университета св. Владиміра Демченко, впослѣдствіи неизъявившій желанія перемѣститься въ Новороссійскій университетъ. Потомъ факультетъ рекомендовалъ совѣту: a) на каѳедру гражданскаго права бывшаго профессора Харьковскаго университета Куницына, въ качествѣ ординарнаго профессора, на 5 лѣтъ; b) на каѳедру государственнаго права—профессора университета св. Владиміра Романовича-Славатинскаго, въ качествѣ исправляющагодолжность экстраординарнаго профессора; c) на каѳедру полицейскаго права—кандидата Московскаго университета Шпилевскаго, въ качествѣ исправляющаго должность штатнаго доцента; d) на каѳедру финансоваго права—исправляющаго должность профессора законовъ казеннаго управленія въ Нѣжинскомъ лицеѣ кандидата Патлаевскаго, въ качествѣ исправляющаго должность штатнаго доцента. Точно такъ же историко-филологическій факультетъ рекомендовалъ совѣту бывшаго профессора Ришельевскаго лицея Ф. Бруна для преподаванія въ университетѣ всеобщей исторіи. Сверхъ того историко-филологическій и юридическій факультеты, имѣя въ виду замѣщеніе каѳедръ церковной исторіи и церковнаго законовѣденія и не находя лицъ спеціально подготовленныхъ для занятія этихъ каѳедръ, обратились въ совѣтъ университета съ предложеніемъ о замѣщеніи означенныхъ каѳедръ лицами, получившими степень магистра духовныхъ академій.

4. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ, историко-филологическій факультетъ призналъ необходимымъ требовать отъ нихъ письменныхъ упражненій. Что же касается контроля надъ занятіями ихъ, всѣ факультеты слѣ-

молебствія по случаю сохраненія драгоцѣнныхъ дней **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА** и слово, сказанное въ соборѣ 17 апрѣля, въ день рожденія Его Величества.

Заслуженный профессоръ Соколовъ приготовилъ статью подъ заглавіемъ «о дифференціальныхъ уравненіяхъ движенія свободной точки», которая будетъ напечатана въ предположенномъ къ изданію отъ университета сборникѣ.

Ординарный профессоръ Лапшинъ приготовилъ для напечатанія въ запискахъ Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи статью «о матеорологическомъ движеніи въ настоящее время у насъ въ Россіи, въ Англіи и Франціи и 2., для прочтенія на актѣ записку о вулканическихъ изверженіяхъ, совершающихся въ бассейнѣ водъ острова Санторино.

Ординарный профессоръ Григоровичъ помѣстилъ въ Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ статью подъ заглавіемъ «историческіе намеки о Херсонѣ и его епархіи» и напечаталъ для университетскаго торжественнаго акта рѣчь «какъ выражались отношенія Константинопольской церкви къ сѣвернымъ народамъ въ X вѣкѣ» съ приложеніемъ четырехъ посланій патріарха Николая къ Симеону Болгарскому.

Ординарный профессоръ Струве напечаталъ въ VI томѣ записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей статью о двухъ новыхъ надписяхъ ольвійскихъ.

Ординарный профессоръ Маркузенъ приготовилъ къ изданію сочиненіе о «Branchiostoma lubricum», извлеченіе изъ котораго представлено было Парижской академіи (см. Comptes rendus des séances de l'academie des sciences, tom. LVII, № 10 и tom. LIX № 2).

наукъ Вериго, который устное испытаніе окончилъ удовлетворительно, но диссертаціи еще не представилъ; b) на степень доктора ботаники доцентъ Яновичъ. Диссертація его на эту степень «о развитіи перитецієвъ у плеоспоры» была разсмотрѣна и одобрена, публичное защищеніе ея признано удовлетворительнымъ и диспутантъ удостоенъ искомой степени.

Диссертаціи pro venia legendi были представлены двѣ: 1, кандидатомъ Алексѣевымъ для полученія званія приватъ-доцента по предмету чистой математики, подъ заглавіемъ «интегрированіе дифференціальныхъ уравненій перваго порядка посредствомъ интегрирующихъ множителей.» По одобреніи ея физико математическимъ факультетомъ г. Алексѣевъ публично защищалъ ее съ удовлетвотительнымъ успѣхомъ и утвержденъ въ званіи приватъ доцента; и 2, докторомъ Лейпцигскаго университета, кандидатомъ Дерптскаго, Пфафомъ для полученія же званія приватъ-доцента для чтенія римскаго права «о формальныхъ договорахъ древняго римскаго права.» По разсмотрѣніи этой диссертаціи, юридическій факультетъ призналъ ее удовлетворительною и допустилъ автора къ публичному ея защищенію. Но диспутъ привелъ членовъ факультета къ единогласному заключенію, что г. Пфафъ ни по способу изложенія, ни по полемическимъ пріемамъ, ни по возраженіямъ, которыми онъ защищался, не можетъ быть удостоенъ званія приватъ-доцента.

III. *О занятіяхъ совѣта*:

1. Съ 1-го мая 1865 по 1-е іюня 1866 года совѣтъ Новороссійскаго университета имѣлъ 23 засѣданія.

2. Сознавая всю важность разумной спеціализаціи

Ординарный профессоръ Билярскій собралъ «матеріалы для біографіи Ломоносова», которые и изданы академіею наукъ отдѣльною книгою.

Ординарный профессоръ Карастелевъ напечаталъ диссертацію на степень доктора подъ заглавіемъ «теорія измѣненій произвольныхъ постоянныхъ и приложеніе ея къ вычисленію измѣненій элементовъ планетъ по способамъ Лагранжа и Пуассона.

Ординарный профессоръ Ценковскій напечатамъ въ Botanische Zeitung «uber einige chlorophyllaltige Gloeocapsen и въ Archiv für mikroskopische anatomie M. Schultz' а статью «Beiträge zur Kentniss der Monaden».

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Юргевичъ печатаетъ въ VI т. записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей статью «о мнимыхъ норманскихъ именахъ въ русской исторіи».

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Палимпсестовъ занимался изданіемъ записокъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи, гдѣ, кромѣ другихъ, помѣстилъ статью «права на лѣсъ».

Экстраординарный профессоръ Яновичъ напечаталъ докторскую диссертацію «о развитіи перитецієвъ у Pleospora herbarum Tu и изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: Ueber die Entwickelung der Fructificationsorgane von Nectria, въ Botanische Zeitung, herausg. von Mohl и Schlentendal, № 19.

Доцентъ Абашевъ напечаталъ въ русскомъ вѣстникѣ обширную учено-популярную статью «земледѣліе въ Англіи».

Доцентъ Беркевичъ напечаталъ магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ «изслѣдованіе движенія планеты

Юноны, происходящаго отъ дѣйствія на нее планеты Юпитера.

Доцентъ Модестовъ помѣстилъ въ С.—Петербургскихъ вѣдомостяхъ, кромѣ другихъ мелкихъ, двѣ статьи: 1., рецензію на сочиненіе Наполеона III «Histoire de Iules César» и 2., «политическая исповѣдь Августа» по поводу изданія Моммзеномъ Monumentum ancyranum.

Доцентъ Полевой напечаталъ 1, изслѣдованіе подъ заглавіемъ «историческіе очерки средневѣковой драмы» и 2, предисловія къ отдѣленнымъ пьесамъ Шекспира въ I и II томахъ изданія Гербеля «Шекспиръ въ переводѣ русскихъ писателей».

Доцентъ Вольскій напечаталъ магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ «историческое и народно-хозяйственное значеніе обработки крестьянами собственниками» и помѣстилъ извлеченіе изъ нея въ русскомъ вѣстникѣ.

Доцентъ Бернштейнъ помѣстилъ въ архивѣ судебной медицины и общественной гигіены статью «о тифѣ и возвратной горячкѣ.

Лаборантъ Вериго напечаталъ въ Zeitschrift für Chèmie und Pharmacie продолженіе своей работы» Ueber neue Derivate des Axofolecid.

Лекторъ нѣмецкаго языка Топоровъ напечаталъ 4-мъ изданіемъ «гимназическій курсъ постепенныхъ грамматическихъ и практическихъ упражненій въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій и французскій».

7. Доцентъ Полевой прочелъ 29 публичныхъ лекцій о русскомъ языкѣ.

8. Въ физико-математическомъ факультетѣ подвергались испытанію: а) на степень магистра химіи лаборантъ Новороссійскаго университета, кандидатъ естественныхъ

Ῥωμαίων βασιλεία πρὸς ἑσπέραν ἐν εὐπραγίᾳ καὶ γαλήνῃ τὰ πράγματα, καὶ ἀντὶ τῆς πρὶν ἐνδείας ἐσφιλῆ τὴν ἄφθονίον καὶ τὴν εὐκληρίαν εὐθύμως ἀπειλήφεν.

10. Объ этомъ заключаю изъ слѣдующихъ словъ писемъ Николая, Патріарха: *μὴ γράφε τοῦ δέξασθαι σε.*(Симеона) *βασιλέα καὶ κύριον τοὺς ἄρχοντας τῆς* Ῥωμαικῆς *βασιλείας* (письмо XIX стр. 235)—*ὅπου γε καὶ νῦν, ἵνα μὴ λέγω πάντες, ἀλλὰ πολλοί ὥς γε ἀκούομεν τοῦ σοῦ λαοῦ, τοῦ σοῦ γένους, μέμφονται τοῦ απαύστου πολεμου καὶ τοῖς γινομένοις ἐπιστενάζουσιν* (писмо XX стр. 241).

11. Кажется, что преданіе о многихъ славянскихъ труженикахъ, участвовавшихъ въ переводахъ съ греческаго, сохранялось долго на югѣ. Еще въ XIV ст. Константинъ Костенътскій, воспитанный въ Солунѣ, такъ передаетъ это преданіе:—Ови бо глаголють бьлгарскимь езыкомъ издасе (свящ. пис.), како бо тьикота елинска или сирска или еврейска можааше издатисе дебелымь езыкомь, но ни срьбкимь высокимь гласомь и тѣснымъ, нъ роушкимь тьнчайшимь езыкомъ —взеше и от бьлгарскаго езика, взеше и от срьбскаго езыка—прочеже недостатки чешскимь езыкомъ и словенскимь—Того ради книжевии отроци не глаголють сію книгу бьлгарску или срьбску, нъ словенску, понеже отъ ꙁ езыкъ състависе, философь наче и съ нымь до ꙋ мужи изда.—Это преданіе указываетъ на участіе тружениковъ изъ другихъ словянскихъ племенъ.

12) Такое понятіе о чужихъ народахъ считалось въ Византіи политеческою мудростію. *Συγκροῦσαι δὲ πολεμίους ἀλλήλοις καὶ ἡμᾶς ἐν ἀταράχῳ καταστῆσαι, καὶ τὸ ἐν εἰρήνῃ γαλήνιον καταπράξασθαι, τίς ἄρα κατ' ἐκεῖνον δεινότατος;* Μεθοδον *γαρ καὶ ταύτην στρατηγικὴν ἐτεχνου—προσαράσσειν τοὺς πολεμίους ἑαυτοῖς καὶ ἐκπολεμοῦν τοῖς ἀλλοφύλλοις τὸ σφίσιν αὐτοῖς ὁμόφυλον—ἡμῖν τε ἀπονενεμῆσθαι τὸν βροτολοίγον — οὕτω* Πέρσαι *Πέρσαις ἀντίμαχοι μεθόδοις βασιλικαῖς καὶ ἡ εἰς εὐηναῖον ἐπαιονίζομεν, οὕτω Σκύται Σκύτας εἰς γῆν κατεστρώννυον καὶ ἡμεῖς ὄρθιοι.* Eustath laud. Manuel. Jmper. ed. Tafel p. 190, v. 70—90.

13. Чужіе елементы въ Болгаріи прививались народу Словянскому искони. О сознательномъ сближеніи съ чужими свидѣтельствуетъ патріархъ Николай въ 7-мъ письмѣ: *ὥστε καὶ γάμου κοινωνίᾳ τῶν οἰκείων παί—*

занятій студентовъ, для болѣе основательнаго изученія ими науки, совѣтъ университета, по представленію факультетовъ, нашелъ необходимымъ раздѣлить:

А. историко-филологическій факультетъ на три разряда:

Въ каждомъ разрядѣ слѣдующіе предметы считаются главными и вспомогательными:

I. Въ отдѣленіи классической филологіи главными будутъ:

а) Греческая словесность (языкъ древности и исторія литературы).

б) Латинская словесность (языкъ, древности и исторія литературы).

в) Теорія и исторія искусствъ.

г) Древняя исторія (изъ всеобщей исторіи).

д) Исторія древней философіи.

Побочными:

а) Сравнительная грамматика индо-европѣйскихъ языковъ.

б) Славянскія нарѣчія.

в) Исторія всеобщей литературы.

г) Исторія русской литературы.

II. Въ отдѣленіи русско-славянской филологіи главными предметами будутъ:

а) Сравнитальная грамматика индо-европѣйскихъ языковъ,

б) Славянскія нарѣчія (церковно-славянскій и друг. языки).

в) Русская словесность.

г) Исторія славянскихъ литературъ.

д) Исторія всеобщей литературы.

і) Древняя русская исторія.

Побочными:

а) Классическіе языки: гречей и латинскій.

б) Древности славянскія.

в) Философія (логика, психологія).

г) Всеобщая исторія.

III. Въ отдѣленіи историческихъ наукъ главными предметами будутъ:

а) Исторія всеобщая.

б) Исторія русская.

в) Исторія всеобщей литературы.

г) Исторія русской литературы.

д) Исторія философіи.

е) Церковная исторія.

Побочными:

а) Классическіе языки.

б) Славянскія нарѣчія (церковно-славянскій и друг. якыки).

в) Древности славянскія.

Сверхъ сего, признано полезнымъ, чтобы слушатели сего отдѣленія записывались на курсы:

г) Исторіи русскаго права.

д) Международнаго права и

е) Политической экономіи.

Такое дополнительное посѣщеніе только что упомянутыхъ курсовъ было бы полезно для тѣхъ особенно, которыхъ познанія и дарованія дали бы возможность достигнуть высшихъ степеней, магистра и доктора историческихъ наукъ, ибо эти науки составляютъ необходимое условіе пріобрѣтенія названныхъ степеней.

Раздѣленіе историко филологическаго факультета для лицъ, слушающихъ курсъ, должно имѣть мѣсто только съ третьяго курса. Въ первыхъ двухъ курсахъ студенты, посвящаясь преимущественно приготовленію къ одному изъ трехъ разрядовъ, своими успѣхами обязаны доказать сколько возможно равномѣрное вниманіе къ наукамъ, преподаваемымъ въ продолженіе этихъ курсовъ. Съ третьяго уже они объясняютъ о желаніи продолжать въ одномъ изъ перечисленныхъ трехъ разрядовъ свои труды. Тогда, по отношенію къ каждому изъ этихъ разрядовъ, признается и дѣленіе на главные и вспомогательные предметы.

В. Физико-математическій факультетъ на слѣдующія четыре отдѣленія:

I Отдѣленіе математическихъ наукъ:

Предметы главные:

а) Чистая математика.
б) Механика.
в) Астрономія и Геодезія.
г) Математическая физика.

Предметы вспомогательные:

а) Опытная физика.

б) Химія, которая предполагается предметомъ необязательнымъ

II. Отдѣленіе физико-математическихъ наукъ:

Предметы главные:

а) Физика.

б) Химія въ полномъ ея составѣ,

в) Минералогія и кристаллографія.

Предметы вспомогательные:

а) Алгебра.

б) Дифференціальное и интегральное исчисленіе до интегрированія дифференціальныхъ уравненій

в) Физическая географія.

г) Геологія.

д) Анатомія и физіологія растеній.

е) Анатомія и физіологія животныхъ.

III. Отдѣленіе естественно-историческихъ наукъ:

Предметы главные:

а) Зоологія.

б) Ботаника.

в) Геогнозія и палеонтологія.

г) Минералогія

Предметы вспомогательные:

а) Опытная физика.

б) Опытная химія.

в) Физическая географія.

VI. Отдѣленіе техническихъ наукъ и агрономіи.

Предметы главные:

а) Агрономія или агрономическая химія

б) Технологія или техническая химія.

в) Опытная химія.

г) Опытная физика

Предметы вспомогательные:

а) Техничнская механика.

б) Физическая географія.

в) Зоологія.

г) Ботаника.

д) Минералогія и геогнозія.

Представленіе совѣта о такомъ раздѣленіи историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ еще не утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія.

3. Составлены правила:

а) О порядкѣ взиманія, распредѣленіи и употребленіи суммы, собираемой за слушаніе лекцій.

б) О пріемѣ студентовъ въ университетъ.

в) О допущеніи постороннихъ лицъ къ слушанію лекцій и о взиманіи за сіи лекціи платы согласно примѣч. къ § 105 универс. устава;

г) объ обязанностяхъ учащихся и о порядкѣ въ университетѣ;

д) о взысканіяхъ за нарушеніе этихъ обязанностей и порядка;

е) о дѣлопроизводствѣ въ университетскомъ судѣ;

ж) о контрольныхъ испытаніяхъ;

з) для завѣдующихъ и пользующихся библіотекой и кабинетомъ журналовъ и газетъ, и

и) о порядкѣ испытаній на званіе дѣйствительнаго студента и степень кандидата.

4. Избраны: исправляющій д. экстраординарнаго про-

фессора по каѳедрѣ гражданскаго права въ университетѣ св. Владимира Демченко на туже каѳедру въ Новороссійскій университетъ. Но послѣ избранія, какъ упомянуто было выше, г. Демченко отказался отъ изъявленнаго имъ согласія на перемѣщеніе; испр. д. профессора законовъ казеннаго управленія въ Нѣжинскомъ лицеѣ кандидатъ Патлаевскій исправляющимъ должность доцента по каѳедрѣ финансоваго права; бывшій профессоръ Ришельевскаго лицея Ф. Брунъ—исправляющимъ должность доцента по каѳедрѣ всеобщей исторіи; заслуженный профессоръ Харьковскаго университета Куницынъ—ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ гражданскаго права; старшій учитель нѣмецкаго языка Одесской второй гимназіи Топоровъ—лекторомъ нѣмецкаго языка, лекторъ итальянскаго языка Вланди, по выслугѣ положеннаго для полученія полной пенсіи 25-лѣтняго срока, оставленъ на службѣ еще на 5 лѣтъ.

5. Въ учебно-административныя должности избраны: испр. долж. экстраординарнаго профессора Богдановскій проректоромъ университета; ординарные профессоры Григоровичъ и Н. Соколовъ деканами-первый историко-филологическаго, а второй физико-математическаго факультетовъ; ординарный профессоръ Богословія Павловскій, ординарный профессоръ Карастелевъ и испр. долж экстраординарнаго профессора Смирновъ—членами испытательнаго комитета а ректоръ университета, ординарный профессоръ Н. Д. Соколовъ председателемъ онаго: испр. долж. экстраординарнаго профессора Власьевъ, ординарный профессоръ Лапшинъ и испр. долж. экстраординарнаго профессора Орбинскій въ университетскіе судьи, а испр. долж. экстраординарнаго профессора Смирновъ и ординарный профессоръ Ценковскій—кандидатами къ нимъ; и. д. экстраор-

динарныхъ профессоровъ Юргевичъ, Власьевъ и ординарный профессоръ Карастелевъ—секретарями факультетовъ—первый историко-филологическаго, второй юридическаго и третій физико-математическаго, а когда послѣдній изъ нихъ отказался впослѣдствіи отъ исправленія этой должности, то избранъ былъ и. д. секретаря физико-математическаго факультета экстраординарный профессоръ Яновичъ; Одесскій оптикъ Штейнгартъ-механикомъ университета: кандидатъ естественныхъ наукъ Вериго-лаборантомъ въ химическую лабораторію; отставной штабсъ-капитанъ артиллеріи Кузьминскій вольнонаемнымъ помощникомъ библіотекаря, кандидатъ Харьковскаго университета Сталевичъ—хранителемъ физическаго кабинета; отставной губернскій секретарь Селивановъ казначеемъ, а казначей университета Коссобудскій перемѣщенъ, по прошенію, на должность секретаря правленія.

1. Къ статьѣ объ избраніяхъ совѣтъ университета считаетъ нужнымъ присовокупить:

Что въ теченіе прошлаго академическаго года избраны: въ почетные члены Новороссійскаго университета: членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ Е. П. Ковалевскій, тайные совѣтники: Н. И. Пироговъ, Н. Р. Ребиндеръ (въ томъ же году скончавшійся) М. М. Могилянскій, генералъ-адъютанты: графъ А. Г. Строгановъ и П. Е. Коцебу; въ члены-корреспонденты: дѣйствительный статскій совѣтникъ Беккеръ и въ коммиссіонеры: двора Его Императорскаго Величества оптикъ и коммиссіонеръ Харьковскаго университета Эдельберъ и Одесскій книгопродавецъ Лейбнеръ; 2, изъ числа преподавателей Новороссійскаго университета ректоръ и ординарный профессоръ Григоровичъ избраны въ почетные члены—первый

Харьковскаго, а второй Казанскаго университетовъ; ординарный профессоръ Лапшинъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго общества сельскаго хозяйства Южной Россіи, ординарный профессоръ Струве—членомъ—корресподентомъ «Instituto Romano di correspodenza archeologica» и дѣйствительнымъ членомъ одесскаго общества исторіи и древностей, ординарный профессоръ Маркузенъ — дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи, и. д. экстраординарнаго профессора Богдановскій—дѣйствительнымъ членомъ Бессарабскаго областнаго статистическаго комитета; и. д. экстраординарнаго профессора Юргевичъ—товарищемъ секретаря Одесскаго общества исторіи и древностей; и. д. экстраординарнаго профессора Палимпсестовъ—дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній въ Москвѣ, и членомъ—корресподентомъ Кавказскаго общества сельскаго хозяйства, экстраординарный профессоръ Яновичъ, доценты Абашевъ и Вольскій—дѣйствительными членами Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи.

6. Кандидатъ математическихъ наукъ Алексѣевъ утвержденъ въ званіи приватъ-доцента и допущенъ къ чтенію лекцій по предмету чистой математики.

7. Опредѣленіемъ совѣта 4 апрѣля одобренъ планъ изданія ученыхъ трудовъ Новороссійскаго университета подъ названіемъ «записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета», которыя будутъ выходить въ неопредѣленное время, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, отдѣльными выпусками. Въ запискахъ будутъ помѣщаться ученые труды лицъ, принадлежащихъ къ университету, по одобреніи ихъ,

всякій разъ къ печати подлежащимъ факультетомъ. Члены факультетовъ могутъ представлять въ факультетъ и статьи постороннихъ лицъ для напечатанія ихъ въ «запискахъ». Что касается языка, на которомъ должны быть писаны помѣщаемыя въ «запискахъ» статьи, то они могутъ быть печатаемы, по желанію авторовъ, какъ на русскомъ, такъ и на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Общій надзоръ за изданіемъ и главныя по этому предмету распоряженія предоставлены ректору. Независимо отъ сего печатаются отдѣльно, съ самаго открытія университета, протоколы засѣданій совѣта.

8. Доцентъ ботаники, магистръ Яновичъ утвержденъ совѣтомъ въ степени доктора.

9. По назначенію г. попечителя Одесскаго учебнаго округа и. д. экстраординарнаго профессора Богдановскій исправлялъ, съ 1-го мая по 7-е декабря 1865 года, *временно* должность проректора университета, ординарный профессоръ Лапшинъ и исправляющіе должность экстраординарныхъ профессоровъ Юргевичъ и Власьевъ съ 1-го же мая допущены были къ засѣданію въ правленіи, для рѣшенія въ ономъ дѣлъ, въ качествѣ *временныхъ* членовъ правленія до вступленіе въ должность декановъ, которое послѣдовало 11-го ноября 1865 года; ординарные профессоры Струве, Маркузенъ и Карастелевъ и и. д. экстраординарнаго профессора Смирновъ, по предложенію попечителя, исполняли, съ 25-го іюня 1865 по 20-е января 1866 года, обязанности членовъ попечительскаго совѣта; ординарные профессоры: Григоровичъ и Билярскій и исправляющіе д. экстраординарныхъ профессоровъ: Богдановскій, Юргевичъ и Смирновъ, экстраординарный профессоръ Яновичъ, доценты: Полевой и Модестовъ и лекторъ

французскаго языка Вишневскій-де-Турнефоръ предложеніемъ попечителя приглашены были присутствовать на окончательныхъ испытаніяхъ въ Ришельевской и Одесской 2-й гимназіяхъ въ 1864-65 учебномъ году.

Ординарные профессоры: Павловскій, Билярскій, Григоровичъ, Струве, Маркузенъ, Лапшинъ и Карастелевъ, исправляющіе должность экстраординарныхъ профессоровъ Богдановскій, Юргевичъ, Смирновъ и Орбинскій, экстраординарный профессоръ Яновичъ и доценты: Полевой, Модестовъ, Беркевичъ и Абашевъ, по предложенію попечителя, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, обревизовали въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ настоящаго года Ришельевскую и Одесскую 2-ю гимназіи; ординарные профессоры: Билярскій, Лапшинъ, Струве, Карастелевъ, испр. должн. экстраординарнаго профессора Смирновъ, доцентъ Вольскій, лекторы: Вишневскій-де-Турнефоръ и Топоровъ назначались попечителемъ присутствоватъ при окончательныхъ испытаніяхъ въ настоящемъ академическомъ году въ Ришельевской и Одесской 2-й гимназіяхъ.

Коммандированы были: съ разрѣшенія министра просвѣщенія, попечителемъ округа: ординарный профессоръ Григоровичъ въ Варшаву для разсмотрѣнія и пріема купленной у г-жи Вержбовской библіотеки перваго ея мужа Кухарскаго; совѣтомъ университета: доцентъ Полевой въ С.-Петербургъ для закупки книгъ, необходимыхъ на пополненіе университетской библіотеки, доцентъ Леонтовичъ въ Кіевъ для представленія и защищенія въ университетѣ св. Владиміра диссертаціи на степень доктора, доцентъ Беркевичъ въ Германію для участія въ засѣданіяхъ общества германскихъ астрономовъ и для пріобрѣтенія

книгъ и заказа астрономическихъ инструментовъ; доцентъ Бернштейнъ съ ученою цѣлію за границу.

Профессоръ Лапшинъ совершилъ поѣздку въ Сулину, гдѣ, между прочими занятіями, по устройству устьевъ Дуная для судоходства, Сиръ Гартлей, членъ между-европейской коммисіи по этому дѣлу, завѣдываетъ метеорологическими наблюденіями. Сиръ Гартлей пріѣзжалъ въ Одессу съ предложеніемъ соединить всѣ берега чернаго моря связью метеорологическихъ обсерватотій въ извѣстныхъ гаваняхъ, общею системою наблюденій и сигнальныхъ телеграфовъ для сообщенія своевременныхъ предупрежденій о предстоящихъ буряхъ съ тѣмъ, чтобы предохранять суда отъ гибельныхъ послѣдствій. Сиръ Гартлей вошелъ съ представленіемъ своего проэкта къ г. Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту Коцебу, который, получивъ согласіе профессора Лапшина на участіе въ этомъ полезномъ предпріятіи, а равно и директора метеорологическихъ станцій на Кавказѣ, г. Марица, передалъ это дѣло куда слѣдуетъ. Въ ожиданіи разрѣшенія проэкта, профессоръ Лапшинъ счелъ нужнымъ ознакомится съ средствами, способами и временемъ наблюденій, производимыхъ въ Сулинѣ, чтобы впослѣдствіи согласить ихъ съ нашими. Изъ Сулины, чрезъ Константинополь и Сару, профессоръ отправился къ острову Сантурину, въ бассейнѣ водъ котораго совершается вулканическое изверженіе, начавшееся еще въ половинѣ января настоящаго года. Результаты этой последней поѣздки изложены въ особой запискѣ, которая и будетъ предложена, вслѣдъ за этимъ отчетомъ вашему, мм. гг., вниманію.

10. 1. По финансовой смѣтѣ Новороссійскаго универси-

тета на 1865 годъ назначено на расходы съ 1-го мая со дня открытія университета по 1-е января 1866 года: 1-е, на содержаніе личнаго состава, безъ вычета на пенсіи, 81,500 руб., 2-е, на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы 30,100 руб. а всего 111.600 рублей. Изъ сего числа израсходовано: на личный составъ, за вычетомъ на пенсіи и въ инвалидный капиталъ, 47,563 руб. 70½ коп., обращено на пенсіи и въ инвалидный капиталъ 838 руб. 49 к., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы 39,076 руб. 92¾ коп., на стипендіи и пособія студентамъ 1531 руб. 55 коп. а всего 89,010 руб. 67¼ коп. за тѣмъ въ остаткѣ 22,589 руб. 32¾ коп., которыя съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія дозволено израсходовать на пріобрѣтеніе для Новороссійскаго университета учебно-вспомогательныхъ пособій.

2. По финансовой смѣтѣ Новороссійскаго университета на 1866 годъ назначено на расходы: 1-е, на содержаніе личнаго состава, за вычетомъ на пенсіи и въ инвалидный капиталъ, 120,081 руб. 2-е, на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы 35,150 руб. 3-е, на стипендіи и пособія студентамъ 10,250 руб. а всего 165,481 рубль. Изъ сего числа израсходовано: на личный составъ 33,233 руб. 12½ коп., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы 8,158 руб. 50½ коп., на стипендіи и пособія студентамъ 3,788 руб. 2 коп., а всего 45.179 руб. 65 коп, за тѣмъ въ остаткѣ къ 1-му іюня 120,301 рубль 35 коп.

3. Доходовъ и расходовъ спеціальныхъ суммъ университета: а) доходовъ: сбора за слушаніе лекцій 4,335 руб., суммы сбора за матрикулы 516 руб., суммъ пожер-

твованныхъ 70 руб. а всего 4,921 руб. б) расходовъ 1-е, изъ суммы сбора за слушаніе лекцій: на пособія студентамъ 120 руб., двухъ процентнаго вычета отчисленнаго въ сумму ученаго комитета 86 руб. 70 коп. и расходовъ по усмотрѣнію совѣта, на основаніи §§ 42 и 108 устава университетовъ, 2,240 руб. 99 коп. итого 2447 руб. 69 коп., 2-е, изъ суммы сбора за матрикулы расхода 155 руб. 11 коп., а всего 2.602 руб, 80 коп., за тѣмъ въ остаткѣ къ 1-му іюня 1866 года 2,318 рублей 20 коп.

Въ теченіи отчетнаго времени обсуждались совѣтомъ, по предложеніямъ высшаго начальства, слѣдующіе дѣла.

1. По предложенію попечителя, основанному на отношеніи департамента народнаго просвѣщенія, вопросъ объ измѣненіи порядка испытанія изъ математики лицъ, желающихъ пріобрѣсти званіе учителя. Донесено, что, по мнѣнію совѣта, основанному на отзывѣ физико-математическаго факультета, математика должна быть принимаема за одинъ предметъ и что по этому и обязательное число словесныхъ и письменныхъ вопросовъ должно быть не больше того, какое требуется по одному предмету.

2. По предложенію попечителя объ опредѣленіи въ точности размѣра суммы, нужной на первоначальное устройство университета и преимущественно на учебныя пособія. Назначенною особо для сего коммисіею изъ профессоровъ, завѣдывающихъ учебно-вспомогательными учрежденіями, и техниковъ исчислена необходимая для этого сумма въ 88,104 руб. 80 коп.

3. По отношенію департамента народнаго просвѣщенія возникшій въ Харьковскомъ университетѣ вопросъ, кѣмъ

и на какой срокъ должны быть утверждаемы секретари факультетовъ. Донесено, что, по мнѣнію совѣта, секретари факультетовъ должны быть избираемы на тотъ же срокъ, на который, по 8 § унив. устава, избираются деканы, именно на 3 года Что касается вопроса, кѣмъ секретари факультетовъ должны быть утверждаемы, то совѣтъ университета, основываясь на томъ, что по § 23 лит. Б. п. 1. устава «избраніе декана и секретаря факультета» отнесено къ предметамъ занятій факультетскихъ собраній, представляемыхъ на разсмотрѣніе и утвержденіе совѣта, по 42 же §, въ которомъ исчислены предметы занятій совѣта, о деканахъ ясно выражено, лит. В. п. 1, что объ утвержденіи ихъ совѣтъ представляетъ, чрезъ попечителя, г. министру народнаго просвѣщенія, а утвержденіе секретарей факультетскихъ ни между дѣлами, представляемыми на утвержденіе попечителя, означенными подъ лит. Б. ни между дѣлами, требующими утвержденія министра, подъ лит. В. не поименовано, полагаетъ, что § 23 унив. устава лит. Б. п. 1. утвержденіе ихъ (секретарей факультетовъ) предоставлено совѣту, и

4. По предложенію г. министра народнаго просвѣщенія разсмотрѣно было предположеніе С.-Петербургскаго университета о распредѣленіи преподаванія въ ономъ естественныхъ наукъ.

О занятіяхъ правленія.

1. Въ 1865-66 году поставки и подряды были заключены:

а) Съ утвержденія правленія: 1, на поставку 8000 пудовъ грушевскаго антрацита для отопленія зданій университета въ 1865 году, на сумму 1840 руб.; 2) на по-

стройку 20-ти шкафовъ большихъ и одной лѣстницы для библіотеки университета, на сумму 1832 рубля; 3) на поставку 35 куб. саженей дровъ для отопленія зданій университета въ 1865 году, на сумму 1102 руб. 50 коп.; 4) на устройство двухъ погребовъ при флигеляхъ университета, на сумму 1472 руб. 50 коп.; 5) по переплету книгъ въ библіотекѣ университета.—По этой статьѣ уплачено по 1-е іюня 1866 года 840 руб. 85 коп.

б) съ утвержденія г. попечителя подрядовъ и поставокъ заключаемо не было.

в) Съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія:

1) произведены, хозяйственнымъ способомъ, ремонтныя исправленія квартиръ чиновниковъ и разныя починки въ главномъ зданіи университета, на сумму 3300 руб.; 2) употреблено на устройство, хозяйственнымъ способомъ, химической лабараторіи 1254 руб. 15 коп.; 3) устроено газовое освѣщеніе въ зданіяхъ университета за сумму 2150 руб. 48 копѣекъ.

2) Изъ спеціальныхъ средствъ израсходовано въ 1865-66 году, изъ суммы сбора за слушаніе лекцій и за матрикулы:

а) съ разрѣшенія г. попечителя Одесскаго учебнаго округа: 1) вознагражденія приватъ-доценту Алексѣеву за чтеніе аналитической и начертательной геометріи 526 р. 63 коп. 2) Произведено платы вольнонаемному помощнику библіотекаря Кузьминскому 173 руб. 33 коп. и вольнонаемнымъ писцамъ въ библіотекѣ 66 руб. 8 коп. 3) Выдано въ пособіе доценту Полевому по случаю заграничной. съ ученою цѣлію, поѣздки 750 руб.

б) На основаніи § 109 общаго устава университетовъ: 1) на пособіе тремъ студентамъ 120 руб.; 2) на

пособіе лаборанту Вериго для переѣздки изъ-за границы-300 руб.; 3) на выписку періодическихъ изданій 388 руб. 88 коп.; 4) на уплату въ типографію за отпечатаніе: объявленій, правилъ для студентовъ, обозрѣній преподаванія наукъ и т. п. 125 руб. 68 коп.; 5) на производство платы вольнонаемному педелю при инспекціи университета 65 руб. 50 коп. и кромѣ того 2% вычета въ сумму ученаго комитета изъ сбора 4.335 руб., поступившаго по 1 іюня 1866 г., 86 руб. 70 коп.

3) Сверхштатныхъ расходовъ произведено не было.

4) Случаевъ преданія виновныхъ университетскому суду не было.

5) Студентамъ университета назначены были пособія изъ суммы сбора за слушаніе лекцій: двумъ по 45 руб. и одному 30 рублей.

6) Прошеній студентовъ о предоставленіи льготъ въ отношеніи платы за слушаніе лекцій поступило 88, по нимъ: а) освобождено отъ платы за учебный годъ 44,— за половину года 15 б) разсрочено 31.

7) Суммы сбора за слушаніе лекцій и матрикулы въ 1865-66 году поступило: а) отъ студентовъ 4,851 р.; б) отъ постороннихъ слушателей 1,585 руб. Изъ первой суммы употреблено на расходы, указанные въ п. 2— 2,602 р. 80 коп.; сумма сбора съ вольныхъ слушателей, на основаніи примѣчанія къ § 105 отд. IV уст. унив. раздѣлена между преподавателями университета; а за тѣмъ въ остаткѣ суммы сбора за слушаніе лекцій и за матрикулы 2,248 руб. 20 коп.

(Прилагаются двѣ вѣдомости о суммахъ).

8) Въ 1865-66 году произведены были: а) ремонтныя исправленія квартиръ чиновниковъ университета на

3,300 руб., б) постройки двухъ новыхъ погребовъ при флигеляхъ университета за 1,472 р. 50 коп., в) устройство газоваго освѣщенія въ зданіяхъ университета за 2,150 р. 48 коп.; г) устройство химической лабораторіи за 1,254 р. 15 коп. и д) мелочныя, ремонтныя исправленія на сумму 919 р. 59 коп.

9) Сдѣланы пожертвованія: 1) Нижнебуджакскимъ старшиною г. Малиною и нѣкоторыми болгарскими колонистами—70 руб, на славянскую библіотеку при университетѣ. 2) штатнымъ смотрителемъ Хотинскаго уѣзднаго училища г. Афанасьевымъ—коллекція минераловъ, приблизительно на сумму 15 рублей.

V. О занятіяхъ суда.

1) Судьями университетскаго суда въ 1865-66 году состояли: и. д. экстраординарнаго профессора Власьевъ, ординарный профессоръ Лапшинъ и и. д. экстраординарнаго профессора Орбинскій;—кандидатами ихъ: и. д. экстраординарнаго профессора Смирновъ и ординарный профессоръ Ценковскій.

2) Случаевъ подверженія виновныхъ университетскому суду не было.

VI. Объ учащихся.

1) Въ истекшемъ 1865-66 акад. году поступило:

а) на историко-филологическій факультетъ—по аттестатамъ и свидѣтельствамъ гимназій 5, духовныхъ академій и семинарій 14, перешедшихъ изъ лицеевъ 3, б) на физико-математическій факультетъ, по разряду математическихъ наукъ—по аттестатамъ и свидѣтельствамъ гимназій

26, перешедшихъ изъ другихъ университетовъ 5, изъ лицеевъ 9; по разряду естественныхъ наукъ: по аттестатамъ и свидѣтельствамъ гимназій 15, перешедшихъ изъ другихъ университетовъ 2, изъ лицеевъ 6, изъ чиновниковъ 1; в) на юридическій факультетъ—по аттестатамъ и свидѣтельствамъ гимназій 42, перешедшихъ изъ другихъ университетовъ 19, изъ лицеевъ 29, изъ Житомирскаго раввинскаго училища 1, кадетскаго корпуса 1, а всего по всѣмъ факультетамъ 178; г) изъ нихъ подвергнуто было повѣрочному испытанію, на основаніи §§ 85 и 86 уст. унив., 14; д) изъ числа поступившихъ въ университетъ уволено: по историко-филологическому факультету, по прошеніямъ 4, физико-математическому факультету: по разряду математическихъ наукъ, по прошенію 4, по разряду естественныхъ наукъ, по прошенію 3, юридическаго факультета, по прошеніямъ 11 и за невзносъ платы 5.

За тѣмъ къ 1-му числу іюня 1866 года студентовъ на лицо состоитъ 151.

2) Постороннихъ слушателей поступило 65; выбыло по прошеніямъ 32, къ 1-му іюня 1866 года состоитъ на лицо 33.

3) Изъ состоящихъ на лицо студентовъ слушали лекціи безплатно 80.

4) Стипендіатовъ состояло: а) на счетъ ассигнованной по штату университета на это суммы 19, б) Бессарабскихъ уроженцевъ на счетъ суммы Кишеневской гимназіи 11.

VII. Объ учебно вспомогательныхъ учрежденіяхъ.

Состояніе учебно вспомогательныхъ учрежденій Новороссійскаго университета, съ 1 мая 1865 по 1-е іюня 1866 г., представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1. *Библіотека* къ 1-у мая 1865 г. вмѣщала въ себѣ книгъ: 12,410 названій 28,505 томовъ, на сумму 33,490 р. 54 к. въ теченіе отчетнаго времени поступило: книгъ 3105 названій, 3358 томовъ, на сумму 8,540 р. 53 к.; газетъ и журналовъ русскихъ 29 названій, 129 томовъ, на сумму 242; иностранныхъ 43 названія, 76 томовъ, на сумму 394 р. 74 к.; выписано на 1866 годъ журналовъ и газетъ: русскихъ 50, иностранныхъ 85, всего 135 названій; рукописей 61, принесенныхъ въ даръ въ день открытія университета ординарнымъ профессоромъ Григоровичемъ. Убыло: 5 названій 5 томомъ, на сумму 7 р. 50 к.

Изъ болѣе важныхъ сочиненій, поступившихъ въ библіотеку, можно указать на слѣдующія: Gerhard Eduard. Etruskische Spiegel. Text und Tafel. I-IV Bde in foglio, Berlin, 1843-65; Correspondance de Napoléon I, publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. Tomes I-XVII in 4-o Paris. 1858-64 (это сочиненіе принесено въ даръ принцемъ Наполеономъ); la Roma sotterranea cristiana, descritta ed illustrata dal S. B. de Rossi, Tomo I, tavole T. I. in foglio, Roma, 1864.; и многія другія.

Кромѣ того по ходатайству бывшаго попечителя Одесскаго учебнаго округа д. с. с. Арцимовича, пріобрѣтена у наслѣдниковъ покойнаго профессора Кухарскаго библіотека, состоящая изъ книгъ въ 2,476 наз., 3,233 том., картъ и атласовъ 333 наз., 1282 лист., рукописей 10 наз., 10 том., на сумму 5,500 р.

Эта библіотека заключаетъ въ себѣ богатое собраніе картъ и книгъ по этнографіи и филологіи. При довольно значительномъ количествѣ брошюръ и мелкихъ сочиненій она заключаетъ драгоцѣнные матеріалы для славянской

филологіи. Сверхъ богатаго запаса лексиконовъ и грамматикъ она можетъ представить многіе рѣдкіе матеріалы для изученія южныхъ славянъ, а изъ сѣверо-западныхъ-лужичанъ.

Примѣчательнѣйшими книгами по рѣдкости и древности можно почесть слѣдующія:

Сборникъ древне-славянскій начала XVI ст., заключая въ себѣ отеческія сочиненія, онъ также вмѣщаетъ житіе Стефана Деспота и нѣсколько лѣтописныхъ отрывковъ.

Глагольскія старопечатныя книги; изъ нихъ одна ветхая, кажется, первопечатная incunabulum.

Буквицы боснійской книги духовныя, составляющія библіографическую рѣдкость.

Первоизданное евангеліе на далматскомъ нарѣчіи 1495 года. Переводъ Bernardino de Spalatro. Эта книга есть unicum въ славянской литературѣ.

Biblia Juria Dalmatina

Апостолъ. Переводъ Бандуловича. 1639 г.

В. Кассича Переводъ библіи.

В. Кассича. Переводъ Ѳомы Кемпійскаго 1641 г. Wendische Grammatiken Haupt's 1761, und Matthai 1721.

Старопечатныя сочиннія рагузинскихъ (дубровницкихъ) поэтовъ, какъ то: Christiade, Пальмотича 1680 г.

Sirena, komedia Држича 1663, Listy Heroow Jurjevica.

Значительное собраніе далматскихъ рукописей, большею частію сборниковъ поэтическихъ произведеній, напр: Hecuba, Dubrownik, Пальмотича и пр.

Bohuslai Balbini, dissertatio apologetica prolingua slavica. Первое (запрещенное) изданіе.

Къ этимъ рѣдкимъ книгамъ можно причислить еще

сочиненія Вальвассора, Шенлебена, Acta Tormiciana и пр. и пр.

Присоединенная въ маѣ мѣсяцѣ 1865 г. къ основной библіотекѣ, такъ называвшаяся студентская библіотека, заключала въ себѣ книгъ: 2786 назв., 4930 том. Въ теченіе отчетнаго времени поступило книгъ 27 названій, 36 томовъ.

2. *Астрономическій кабинетъ* къ 1-му мая 1865 г. заключалъ въ себѣ:

Астрономическихъ инструментовъ		10 на	3050 р.
Геодезическихъ	»	1 —	40 р.
Топографическихъ	»	12 —	267 р 50 к.
Подвижной утвари	»	1 —	40 р.

Итого всѣхъ астрономическихъ, геодическихъ, топографическихъ инструментовъ и подвижной утвари находилось на лицо . . . . 24 на 3397 р. 50 к.

Съ 1-го мая 1865 по 1-е іюня 1866 года пріобрѣтено:

Физическихъ инструментовъ	1 на	4 р.
Подвижной утвари	5 —	27 р. 20 к.
Итого пріобрѣтено	6 на	31 р. 20 к.

За тѣмъ къ 1-му іюня 1866 г. въ астрономическомъ кабинетѣ находилось на лицо:

Астрономическихъ инструментовъ		10 на	3050 р.
Геодезическихъ	»	1 —	40 р.
Физическихъ	»	1 —	4 р.
Топографическихъ	»	12 —	267 р. 50 к.

Итого всѣхъ астрономическихъ, геодезическихъ, физическихъ и топографическихъ инструментовъ . . . . » 24 на 3361 р. 50 к.
Подвижной утвари . . » 6 — „ 67 р. 20 к.

Итого 30 на сумму 3.428 р. 70 к.

Кромѣ того, заказаны у часовыхъ дѣлъ мастера Тиде, въ Берлинѣ, астрономическіе часы и бильсъ хронометръ за 600 талеровъ и у механика Рансольда одинъ универсальный инструментъ за 1200 талеровъ.

3. ***Физическій кабинетъ.*** По сдаточной описи изъ бывшаго Ришельевскаго лицея принято 308 инструментовъ. За тѣмъ вновь пріобрѣтено.

Разныхъ инструментовъ по физическому кабинету 26 на 651 руб. 75 коп.

Инструментовъ для физической географіи и метеорологіи 14 на 174 руб. 64 коп.

Всѣмъ этимъ инструментамъ и приборамъ, вмѣстѣ съ принятыми отъ Ришельевскаго лицея, профессоръ Лапшинъ составилъ систематическій каталогъ, распредѣленный по главнымъ отдѣламъ физики. Многіе изъ нихъ описаны подробно

Кабинетъ физической географіи предстояло создавать вновь. Съ 1-го мая 1865 по 1-е іюня 1866 года пріобрѣтено для этого кабинета:

1. Карта изотермъ по Дове, длина 69½ дюймовъ, ширина 46 дюймовъ.

2. Карта изогоническихъ и изоклиническихъ линій, длина 46½ дюймовъ, ширина 31¾ дюймовъ.

3. Карта изодинамическихъ линій, длина 47 дюйм. ширина 32 дюйма

4. Рельефный глобусъ, около 48 дюймовъ въ діаметрѣ, съ орографическимъ и гидрографическимъ раздѣленіемъ.

Сверхъ сего кабинетъ этотъ обогатился коллекціею вулканическихъ камней, бомбъ и другихъ продуктовъ изверженія на островѣ Новомъ Камени (Nea Kameni), близь Санторино, куда профессоръ Лапшинъ совершилъ поѣздку въ вакаціонное время.

Что касается до метеорологической обсерваторіи то она до 1 мая 1865 г. заключала въ себѣ по одному изъ самыхъ необходимыхъ для производства наблюденій инструментовъ. Чтобы пополнить коллекцію сихъ послѣднихъ пріобрѣтены отъ механика главной астрономической обсерваторіи въ С.-Петербургѣ, Краузе, надлежащіе инструменты за 274 руб.

Независимо отъ этихъ пріобрѣтеній, для кабинетовъ физическаго и физической географіи, а также для метеорологической обсерваторіи сдѣланы значительные заказы у механиковъ Кенига, Румкорфа, Гарди, Kaseller'а и Краузе.

Практическія занятія нѣкоторыхъ студентовъ состояли въ повтореніи опытовъ, производившихся на лекціяхъ.

Къ числу постоянныхъ наблюденій принадлежатъ метеорологическія, производимыя хранителемъ физическаго кабинета Сталевичемъ, печатаемыя въ Одесскомъ вѣстникѣ и сообщаемыя въ Парижъ и С.-Петербургъ ежедневно посредствомъ телеграфа.

4. *Химическая лабораторія.* 1. Изъ бывшаго Ришельевскаго лицея поступило 237 номеровъ, которые состоятъ изъ 2.514 предметовъ на сумму 4.900 р. 39 к.

2 Изъято изъ употребленія по негодности 29 но-

меровъ, состоящихъ изъ 127 предметовъ на сумму 307 р. 71 к.

3. Вновь пріобрѣтено 37 померовъ, состоящихъ изъ 181 предмета на сумму 972 р. 73 к.

4. На лицо состоитъ 245 померовъ, состоящихъ изъ 2.568 предметовъ, на сумму 5.565 р, 41 к.

Изъ многихъ, выписанныхъ для лабораторіи вещей получено очень немного и тѣ еще не приняты.

Изъ нѣсколькихъ, предпринятыхъ въ лабораторіи ученыхъ изслѣдованій, къ концу еще не приведено ни одного.

5. ***Минералогическій кабинетъ.*** Изъ бывшаго Ришельевскаго лицея принято минераловъ, отдѣльныхъ кристаловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей 6.764 номеровъ на сумму 3.084 р. 49 к., послѣ того поступило 118 номеровъ, на сумму приблизительно 15 р; за симъ къ 1 іюня 1866 г. состоитъ на лицо 6.882 номера на сумму 3.099 р. 49 к.

6. Въ ***ботаническій кабинетъ*** изъ бывшаго Ришельевскаго лицея поступило: 1 Гербарій, расположенный по системѣ Жюсье и Бартлинга, состоящій изъ 6.018 экземпляровъ на сумму 1.081 р. 66 коп. 2, гербарій мѣстной флоры, состоящій изъ 7,000 экземпляровъ на сумму 300 руб.; за тѣмъ пріобрѣтено въ теченіе отчетнаго времени: стекляной посуды для воспитыванія водорослей на 50 р. и бумаги для гербаріевъ на 220 р. 18 к. Такимъ образомъ къ 1 іюня 1866 года кабинетъ имѣлъ 13.018 экз. растеній на сумму 1.381 р. 66 коп., подвижной утвари и другихъ принадлежностей на 270 р. 18 к.

7. Въ принятомъ отъ Ришельевскаго лицея ***кабинетъ***

*

зоологическомъ состояло 5,421 номеровъ на сумму 4.493 р., въ теченіе отчетнаго времени пріобрѣтено:

1. Для зоологическаго кабинета 125 №
на сумму 427 р. 13 к.

2. Для зоотомическаго—53 № (въ этомъ числѣ 34 скелета и 17 череповъ) на 252 р. 42 к.

Для физіологическаго—одинъ человѣч. скелетъ. за 35 р.

Кромѣ того разныхъ приборовъ на 48 р. 50 к.
и книгъ на 3 р. 75 к.

Независимо отъ этихъ пріобрѣтеній, для пополненія кабинетовъ зоологическаго, зоотомическаго и физіологическаго выписано значительное число разныхъ приборовъ, книгъ и т. п., до сего времени еще не полученныхъ.

8. По *технологическому кабинету* перешло изъ Ришельевскаго лицея 109 моделей инструментовъ на сумму 915 р; послѣ того не сдѣлано никакого пріобрѣтенія.

9. По *агрономическому кабинету* поступило изъ бывшаго Ришельевскаго лицея. 1. Моделей земледѣльческихъ орудій, типовъ домашнихъ животныхъ, коллекціи семянъ и т. п. 140 экз. на сумму 1.138 р. 24 к. и 2. дендрологическое собраніе изъ 54 экз. на сумму 57 р. 14 к. Новыхъ пріобрѣтеній не сдѣлано.

10. *Агрономическая лабораторія* въ отчетный періодъ времени только что основана и окончательнаго помѣщенія еще не имѣетъ. Приборовъ и инструментовъ по матеріальной книгѣ значится 54 номера, на сумму 450 рублей. Кромѣ того заказано и ожидается въ непродолжительномъ времени предметовъ на сумму около 2.000 рублей.

11. По § 121 общаго устава университетовъ *музей древностей и художествъ* состоитъ при каѳедрѣ теоріи и

исторіи искусствъ, которая пока еще не замѣщена въ Новороссійскомъ университетѣ. Но такъ какъ учрежденіе этого музея, какъ весьма важнаго образовательнаго элемента для слушателей греческой и римской словесности, нельзя было отложить на неопредѣленное время, тѣмъ болѣе, что уже во временномъ штатѣ Новороссійскаго университета на этотъ предметъ назначается по 300 р. въ годъ, то и сдѣлано распоряженіе о выпискѣ разныхъ вещей и книгъ, которыя служили бы основаніемъ этого музея, а имено о пріобрѣтеніи музея Барбанснаго (16 tom. 4. Napl. 1824-50) за 93 р. 50 к., всѣхъ сочиненій Висконти за 55 р., дрезденской галлереи въ фотографическихъ снимкахъ изд. Ганерштегелемъ 100 карт. за 100 р. и необходимыхъ книгъ по археологіи древней за 42 р., а всего сдѣлано пріобрѣтеній на 290 р. 50 к.

12. *По минцъ-кабинету* изъ бывшаго Ришельевскаго лицея принято: а) монетъ: золотыхъ 3, серебряныхъ 174, мѣдныхъ 827; б) медалей: серебряныхъ 3, бронзовыхъ 465; в) жетоновъ: серебряныхъ 1, бронзовыхъ 17 и г) оловяныхъ образцовъ медалей 230, всего 1.720 на сумму 1.282 р. 85 к. Послѣ того поступила купленная, съ высочайшаго соизволенія, министерствомъ народнаго просвѣщенія для Новороссійскаго университета у статсъ-секретаря Брока коллекція медалей, изготовленныхъ на С.-Петербургскомъ монетномъ дворѣ. Но такъ какъ университетъ имѣлъ уже въ своемъ кабинетѣ собраніе медалей С.-Петербургскаго монетнаго двора до 1838 г., то вновь пріобрѣтенная у статсъ-секретаря Брока коллекція составляетъ только дублетъ. Для пополненія же минцъ-кабинета выписывается: греческихъ и римскихъ монетъ

на 60 р. и Берлинскій нумизматическій журналъ за 6 р. 80 к.

13. Для предполагаемой *учебной формы*, съ 1-го мая 1865 по 1-е іюня 1866 года, пріобрѣтено 25 различныхъ орудій и машинъ на 1.290 р. 41 к.

VIII. О типографіи.

Типографіи при Новороссійскомъ университетѣ нѣтъ. Но историко-филологическій факультетъ, успѣвшій опытомъ убѣдиться въ крайнихъ затрудненіяхъ, съ какими соединено печатаніе ученыхъ сочиненій и литографированіе профессорскихъ лекцій въ частныхъ Одесскихъ типографіяхъ, вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ объ исходатайствованіи предъ высшимъ начальствомъ, чтобы и Новороссійскому университету было даровано преимущество имѣть типографію и литографію вмѣстѣ съ штатомъ ихъ.

Вотъ, Мм. Гг., нашъ первый отчетъ предъ вами въ нашей годичной дѣятельности. Она, какъ видите, не богата еще результатами, вся она протекла, можно сказать, только въ приготовленіи къ дѣлу. Но смѣемъ надѣяться, что то немногое, что сдѣлано, сдѣлано не на минуту и пущено не на вѣтеръ,—что то, чему положено начало, будетъ приносить ожидаемые плоды. Мы горячо вѣруемъ, что одушевляемый желаніемъ общей пользы и при тепломъ участіи самаго общества, Новороссійскій университетъ, послѣдній по времени въ ряду другихъ русскихъ университетовъ, не будетъ послѣднимъ по результатамъ своей дѣятельности.

ВѢДОМОСТЬ

о суммахъ по Императорскому Новороссійскому Университету, за 1865 годъ.

Званіе суммъ.	Остатокъ отъ 1864 года.		ВЪ 1865 ГОДУ. Приходъ.		Расходъ.		Остатокъ къ 1866 году	
Штатныхъ	—	—	111.600	—	80.516	81¾	31.083	18¼
Сбора за слушаніе лекцій	—		2.525	—	1.411	90	1.113	10
Сбора за матрикулы .	—	—	516	—	80	45	435	55
Пожертвованныхъ .	—	—	70	—	—	—	70	—
Переходящихъ . . .	—	—	10.174	61	2.893	7	7.281	54
Всего . . .	—	—	124.885	61	84.902	23¾	39.983	37¼

ВЕДОМОСТЬ

о суммахъ по Императорскому Новороссійскому Университету съ 1-го Января по 1-е Іюня 1866 г.

Званіе суммъ.	Остатокъ отъ 1865 года.		ВЪ 1866 ГОДУ. Приходъ.		ВЪ 1866 ГОДУ. Расходъ.		Остатокъ къ 1-му Іюня 1866 года.	
Штатныхъ суммъ отъ 1865 года. .	31 083	18¼	—	—	8.493	85½	22.589	32¾
Штатныхъ суммъ 1866 года. . . .	—	—	165 181	—	45.179	65	120.301	35
Сбора за слушаніе лекцій.	1.113	10	2.461	50	1.687	29	1.887	31
Сбора за матрикулы	435	53	—	—	74	66	360	89
Пожертвованныхъ.	70	—	—	—	—	—	70	—
Переходящихъ . .	7 281	54	1.104	29½	1.301	27½	7.081	56
Всего. . .	39.983	37¼	169.046	79½	56.739	73	152.290	43¾

Какъ выражались отношенія Константинопольской Церкви къ окрестнымъ сѣвернымъ народамъ и преимущественно къ Болгарамъ въ началѣ X столѣтія?

РѢЧЬ,

читанная въ торжественномъ собраніи

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

30-го Августа 1866 года.

Профессоромъ В. И. Григоровичемъ.

Въ приложеніи четыре посланія Николая Мистика, Константинопольскаго Патріарха, къ Симеону князю Болгарскому.

ОДЕССА,

ВЪ ГОР. ТИП. СОД. АЛЕКСОМАТИ.

1866.

Ἔθετο ἑκάστῳ ἔθνει ὁ Θεός ὥσπερ ὅριον οὕτως καὶ τιμὰς καὶ κλήσεις· καὶ ὅσοι μεν ἐνέμειναν ταῖς παρ' αυτοῦ δεδομέναις τιμαῖς, οὗτοι καὶ διήρκεσαν· ὅσοι δὲ τῶν μὲν Θείων δωρεῶν καὶ τιμῶν ὥσπερ ἠλόγησαν, ἐφιλονείκησαν δὲ πλεόν τι παρ' ἑαυτῶν προσλαβεῖν, ὀυτοι κἄν ἐπί μικρὸν ἔδοξαν εἰς αὔξησιν προελθεῖν, ἀλλ' οὐ πολὺ τὸ ἐν μέσῳ καὶ πάντων ἐξέπεσον

Epistolæ Nicolai Patr. ed A. M. Spicil. Roman. T. X p. 188, 189.

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета.
Секретарь совѣта *Орловъ*.

Ка̀къ выражались отношенія Константинопольской Церкви къ окрестнымъ сѣвернымъ народамъ и преимущественно къ Болгарамъ въ началѣ X-го столѣтія?

На землѣ гдѣ столько крови русской пролито, для науки возникли задачи, къ изученію которыхъ взываетъ эта священная жертва, принесенная русскимъ народомъ.

Здѣсь довершилась вѣковѣчная борьба народовъ, призванныхъ и народовъ, непризванныхъ къ исторической жизни. Здѣсь возстановлены дѣла мира послѣ вѣковыхъ неурядицъ и смутъ. Здѣсь пронеслась, пробуждая участіе, первая вѣсть о завѣтной свободѣ единовѣрныхъ народовъ. Подъ знаменіемъ Христовымъ здѣсь возлелѣялась мечта о взаимности къ соплеменникамъ, къ которымъ русская кровь, изліянная въ борьбѣ съ исламомъ, не вотще должна вопіять.

Здѣсь, наконецъ, въ послѣдней, намъ современной борьбѣ, на развалинахъ крѣпкаго доблестію русскихъ Севастополя, ополченіе союзниковъ ислама прочло назиданіе, что жизнь русская приносилась въ жертву за міровыя историческія задачи, призваніе къ которымъ кичливо присвоиваютъ себѣ виновники подобныхъ ополченій. На избранномъ ими побоищѣ они могли убѣдиться, какой просторъ даетъ русская земля жизни европейскихъ народовъ.

Немудрено, слѣдственно, что за успѣхами русскаго строя на окраинахъ чернаго моря послѣдовала потребность познанія древней культуры, зиждившейся среди разноплеменныхъ варваровъ. Русское оружіе, положивъ неодолимыя преграды непризваннымъ толпамъ, мятежно покушавшимся нарушать мирное развитіе, и очистивъ мѣсто для дѣятельности поселенія, способнаго содѣйствовать высокимъ цѣлямъ благоустроеннаго Государства, указывало также на историческіе задатки давно минувшей цивилизаціи, погребенной наслѣіемъ невѣжества.

Водворивъ миръ и порядокъ на почвѣ, заселенной потомками нѣкогда вытѣсненныхъ народовъ, оно среди безотрадныхъ степей открыло поприще для послѣдовательнаго, небезнадежнаго труда жизни и мысли.

Вотъ почему рано здѣсь зародилась пытливость, ставившая себѣ задачею познаніе той разнообразно-дѣятельной жизни, которой прозябаніе кочевыхъ народовъ, долго тяготѣвшихъ на этой почвѣ, было и чуждо и враждебно.

Пытливость эта сперва непосредственно направлялась на бытовыя условія древнихъ и средневѣковыхъ колоній, выясняя торговыя связи цѣлаго края; затѣмъ, среди успѣховъ гражданства, смыслъ задачи становился знаменательнѣе и вызывалъ тружениковъ къ многостороннему, глубокому познанію тѣхъ отношеній, въ которыхъ двигалась давноминувшая жизнь подвизавшихся здѣсь народовъ. Эта жизнь постепенно возникала для науки изъ мрака древности, благодаря изслѣдованіямъ, предпріятымъ то порознь, то въ дружномъ содѣйствіи избранныхъ ученыхъ.

Труды членовъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, труды членовъ первостепеннаго учебнаго заведенія, преобразованнаго нынѣ въ Университетъ, свидѣтельствовали, что тамъ, гдѣ историческая жизнь послѣдовательно и

энергически себя заявляла, воскресала также и память о старобылой дѣятельности народовъ.

Мы, наслѣдники этихъ трудовъ, мы желалибъ быть достойными преемниками заслуженныхъ тружениковъ.

Лучшимъ признаніемъ этого трудоваго наслѣдія есть усиленная въ преемникахъ пытливость къ вопросамъ, вызываемымъ современными требованіями исторической науки, для которой бытовое и былевое изслѣдованіе земель, окрестныхъ черному морю, имѣетъ высокое значеніе. Въ кругу такихъ вопросовъ тотъ, который ставитъ эти былевыя и бытовыя изслѣдованія въ зависимости отъ началъ, преобразовательная сила которыхъ готовила народамъ лучшую будущность, долженъ безспорно занимать первое мѣсто. Не нужно и доказывать, что изслѣдуя степень и мѣру дѣйствія этихъ началъ, мы выяснимъ себѣ также и призваніе народовъ, которыхъ судьба привлекала къ берегамъ чернаго моря.

Обширность, однакожъ, и сложность такого вопроса повела бы къ предположеніямъ и подробностямъ, которымъ трудно дать мѣсто въ краткомъ изложеніи. Ограничивая, слѣдственно, его объемъ, буду имѣть, въ виду только единоплеменные и единовѣрные народы и непосредственно укажу на настоящую свою задачу.

Приглашая Васъ, Милостивые Государи, посвятить нѣсколько мгновеній размышленію объ этомъ, конечно, достойномъ вниманія вашего, вопросѣ, представлю сперва общія данныя, затѣмъ нѣкоторыя подробности, выясняющія задачу.

Послѣ того, какъ цѣлые ряды народовъ, тѣснившихъ другъ друга, промчались на обширномъ ристалищѣ отъ Дона до Дуная, на земляхъ, окружавшихъ съ сѣвера Византію, взорамъ исторіи раскрываются Словянскія поселенія,

простиравшіяся отъ Днѣпра по Днѣстру, Дунаю, у балканъ и у доспатскихъ горъ. Словяне, не смотря на гнетъ пришлыхъ кочующихъ народовъ, удержали за собою почву, на которой они одолѣли своихъ завоевателей и, сближая съ собою чужеплеменниковъ, напечатлѣвали въ нихъ черты своей народности. Съ такимъ бытовымъ настроеніемъ они, противополагаясь общему государственному Византійскому наряду, должны были рано привлекать вниманіе константинопольской церкви. Эта послѣдняя, независимо отъ политическихъ замысловъ, отъ мірскихъ расчетовъ, поставлена была къ нимъ въ отношенія, которыхъ значеніе опредѣлялось высокимъ призваніемъ, сознаваемымъ многими изъ ея іерарховъ, быть двигателями христіанскаго просвѣщенія.

Отношенія, слѣдственно, эти выражали собою сперва постепенное водвореніе идеи христіанства. Къ сожалѣнію, трудно исторически прослѣдить это постепенное водвореніе христіанства среди натиска постоянно смѣнявшихся народныхъ отношеній. Насъ оставляютъ современныя свидѣтельства, память народная и видимые памятники.

Съ тѣхъ поръ уже какъ Византія наречена была Константинополемъ, Царемъ—городомъ, ощущаемъ мы присутствіе этой идеи, двигавшей народную жизнь посредствомъ отдѣльныхъ церквей на земляхъ, дѣлавшихся постепенно достояніемъ славянскихъ племенъ. Но движеніе этой идеи задвинуто для насъ непроницаемою завѣсою среди неопредѣленности народныхъ отношеній.

Вѣка проходили пока въ борьбѣ номадныхъ и осѣдлыхъ народовъ не нашлись избранные, на которыхъ почила благодать этой идеи.

Послѣ превратностей, волновавшихъ народы, проникаютъ наконецъ явленія, доказывающія, что отношенія

Царя—города къ сѣвернымъ землямъ не были торговые только или враждебны. Среди мрака языческой жизни ихъ обитателей можно уже ясно прочесть присутствіе мирнаго строенія. Оно исключительно исходило изъ общаго просвѣтительнаго центра—Константинопольской церкви.

Когда же въ IX столѣтіи племена Болгарскія и Русскія видимо стали на основѣ славянской заслонять собою другіе народы сѣвера, Царь—городъ становится, благодаря вліянію церкви, въ такія взаимныя къ нимъ отношенія, что въ нихъ отражается значеніе самаго важнаго вопроса, вопроса о просвѣщеніи этихъ народовъ.

И вотъ въ числѣ задачъ, переданныхъ намъ тружениками доселѣ здѣсь подвизавшимися, задача, о которой сей часъ упомянуто, осмѣливаюсь сказать, была бы самая достойная возникшаго нынѣ Университета.

Она состояла бы въ томъ, чтобы, поддерживая справедливую пытливость къ вопросу первостепенному въ исторіи вообще, на основаніи строгихъ соображеній и новыхъ источниковъ, послѣдовательно оправдывать возможность поясненія того, какъ выражались отношенія Константинополя къ окрестнымъ народамъ, не только въ политическомъ, но преимущественно въ высшемъ духовномъ смыслѣ.

Послѣдуя такому призванію, я, объятый воспоминіемъ о землѣ, на которой память о подвигахъ русскихъ увлекаетъ къ памяти о главномъ ихъ мотивѣ, если и не вполнѣ обниму всю эту задачу, считаю себя однакожъ обязаннымъ хотя въ слабомъ опытѣ доказать, что мы въ правѣ ожидать отъ такихъ трудовъ значительнаго поясненія темныхъ страницъ въ исторіи Славянъ.

Стѣсняя предѣлы своего опыта временемъ самымъ отдаленнымъ, началомъ X столѣтія, на одномъ изъ важнѣйшихъ событій исторіи Славянъ постараюсь выразить

пониманіе этихъ отношеній вмѣстѣ съ доказательствами, оправдывающими это пониманіе. Это время конечно, не дастъ мнѣ возможности сообщить непосредственно свѣдѣній о земляхъ, нынѣ какъ и прежде неоспоримо русскихъ, но, задавшись вообще вопроосмъ объ отношеніяхъ Константинополя къ сѣвернымъ народамъ, имѣю право сказать, что для X столѣтія Болгаріи принадлежитъ преимущество. Сосредочивая, слѣдственно, вниманіе свое на Болгарію, постараюсь отвѣчать своей задачѣ.

Мы уже знаемъ нѣсколько многознаменательныхъ фактовъ, поощряющихъ пытливость нашу. Въ нихъ уже можно найти исходную точку для изслѣдованій тщательныхъ и подробныхъ.

Такъ неоспоримо должно поражать то обстоятельство, что еще на первыхъ порахъ Русскаго Государства народы, собиравшіеся подъ знаменемъ Руси, призваны были также подъ сѣнь вселенской церкви и, не признавая господства Византіи, огласились въ ряду духовныхъ чадъ Константинопольскихъ Архипастырей.

Современно съ этимъ событіемъ, грозный доселѣ христіанству народъ Болгарскій, перевоспитываясь въ Славянъ, мирится съ Константинополемъ во имя христіанства.

Двумъ этимъ событіямъ близко предшествуетъ событіе, озарившее яркимъ свѣтомъ все славянское поколѣніе это—подвиги двухъ Солунскихъ братьевъ, которые, ставъ на херсонской землѣ и, готовясь проповѣдовать славянамъ на западѣ славянское Богослуженіе, прежде прочихъ племенъ должны были отвѣчать нуждамъ племенъ русскихъ и болгарскихъ.

Въ трехъ этихъ фактахъ очевидно отражается участіе Константинопольской церкви. Но обстоятельства, по-

ясняющія смыслъ этихъ фактовъ, еще недостаточно для насъ раскрыты. То несомнѣнно, однакоже, что, хотя завистливая рука времени похитила современныя этимъ фактамъ документы, они по самому совпаденію своему должны были имѣть громадное значеніе. Несомнѣнно также, что ихъ направляла одна мысль, одно предначертаніе, исходившее изъ души мужа, предопредѣленнаго обнимать въ своихъ заботахъ существенныя нужды своего и чужихъ народовъ. Возвышаясь надъ современными себѣ враждебными отношеніями, она предначертывала въ будущемъ отрадное примиреніе.

Чьи же заботы, чья мысль присутствовали при совершеніи этихъ событій?

Если какъ всякая, такъ и въ особенности просвѣтительная, дѣятельность носитъ на себѣ необходимый отпечатокъ самой личности дѣятеля, то правдивая исторія должна озарить эти событія именемъ одного безсмертнаго избранника. Слѣдуя ея прямымъ указаніямъ, хотябы и оставляли насъ памятники, объясняющіе вполнѣ смыслъ фактовъ, мы не можемъ непризнать единственнымъ ихъ виновникомъ—Патріарха Фотія.

Правда, участіе этого мужа въ просвѣщеніи сѣверныхъ народовъ еще мало выяснено; но, судя и по скуднымъ свидѣтельствамъ дошедшихъ до насъ документовъ, оно необходимо должно было входить въ его предначертанія.

Онъ именно былъ миротворцемъ между Константинополемъ и Русью; онъ первый, указывая на коварство исключительно торговой политики, орудіемъ примиренія ставилъ нравственное преобразованіе въ духѣ благочестія. (1)

По его—то внушенію пастыри Босфора и Херсона получили призваніе, отрицая лжеученіе, вносить въ сѣверные народы начала христіанскаго миролюбія. (2)

Въ своихъ трудныхъ отношеніяхъ къ Болгаріи, трудныхъ вслѣдствіе вмѣшательства Папъ, Фотій доказалъ ту независимость, которая и для Византійскихъ политиковъ могла показаться необыкновенною. Наставляя болгарскаго князя самостоятельно охранять свое княжеское достоинство, онъ въ своемъ къ нему посланіи доброжелательно выразилъ безпристрастное пониманіе началъ, на которыхъ должны были основываться успѣхи гражданства народа—соперника. (3)

Сознавая возможность благоразумнаго примѣненія въ сферѣ христіанства народныхъ языковъ и стоя выше современниковъ въ пониманіи значенія перевода священныхъ книгъ, Фотій и никто другой могъ постигнуть необходимость словянскаго Богослуженія и безъ сомнѣнія первый благословилъ его благовѣсть среди сѣверныхъ народовъ. (4)

Конечно въ дѣятельности этого великаго мужа, испытаннаго бѣдствіями, многія обстоятельства, опредѣлявшія его многотрудныя отношенія къ предержавшей власти, къ народамъ и враждебному Риму, еще остаются неразгаданными. Какъ ни загадочно они намъ представляются, среди разныхъ винъ, умышленно на него накликаемыхъ, смѣю однакожъ сказать, что возвышенный образъ пониманія христіанскаго просвѣщенія имѣлъ не малое вліяніе на судьбу этого мужа.

Такъ, самая мысль о томъ, что взглядъ его на международныя отношенія противорѣчилъ взгляду, которому слѣдовала византійская политика, наводитъ меня на предпредположеніе, что патріархъ Фотій, вопреки высокомѣрнымъ замысламъ своихъ слишкомъ самообольщенныхъ современниковъ, признавалъ въ обращеніи въ христіанство залогъ будущей самостоятельности. Хотя непрослѣдованы всѣ мѣры, какія принималъ онъ въ своихъ многообразныхъ

отношеніяхъ, хотя за другими вопросами, пробужденными его знаменитою личностью, еще незатронутъ вопросъ какъ дѣйствовалъ онъ на сѣверные народы, на которые простиралась его пастырская заботливость, мнѣ однакожъ болѣе и болѣе становится вѣроятною возможность дознанія современными свидѣтельствами той истины, которая въ исторіи оправдаетъ его міровое призваніе какъ наставника юной словянской народности.

Быть можетъ даже, болѣе тщательные поиски дадутъ доказательство тому, что и страданія этого великаго мужа были мотивированы тѣмъ предъопредѣленнымъ для геніальныхъ подвижниковъ назначеніемъ, непостигнутымъ современниками, назначеніемъ—указать просвѣщенію новые пути, на которые Византія послѣ многихъ потрясеній волею не волею должна была вступить, признавъ наряду съ собою равноправными тѣ народы, просвѣщаемые христіанствомъ, которыхъ современная ему политика упорно смѣшивала съ презрѣнными варварами.

Имя Фотія исполнило вторую половину IX столѣтія. Отъ преемниковъ его, непосредственно ему послѣдовавшихъ, едвали можно было ожидать подобной просвѣтительной ревности. По свѣдѣніямъ, однакожъ, до насъ дошедшимъ, съ именемъ одного изъ нихъ, съ именемъ патріарха Антонія, соединена также память о томъ, что онъ заботами о просвѣщеніи сѣверныхъ народовъ снискалъ себѣ славу благотворителя варваровъ. ([8])

То, о чемъ предполагаемъ, чего, судя по фактамъ, ожидать можемъ въ IX столѣтіи, смыслъ чего однакожъ для насъ еще мало раскрытъ, то, благодаря подлиннымъ документамъ, становится непреложнымъ, историческимъ, достовѣрнымъ, явленіемъ въ концѣ IX и въ началѣ X столѣтія.

На рубежѣ двухъ этихъ столѣтій мы смѣло можемъ задать себѣ вопросъ, ка̀къ выражались отношенія Константинополя къ народамъ сѣвернымъ и отвѣчать въ такихъ чертахъ, за достовѣрность которыхъ говорятъ не намеки лѣтописей, но современные свидѣтельства самыхъ дѣятелей.

Въ ряду этихъ дѣятелей самое видное мѣсто принадлежитъ возвышенной іерархической личности, участіе которой въ событіяхъ объяснитъ намъ смыслъ задачи нашей. Событія, о которыхъ упомянулъ я, имѣли поприщемъ Болгарію; въ нихъ однакожъ изображался характеръ вообще тѣхъ отношеній, раскрытіе которыхъ составляетъ предметъ настоящей бесѣды. Остановимъ же вниманіе наше на подробностяхъ, необходимо связанныхъ съ сущностію предмета. ([6])

Мнѣ предстоитъ сперва сказать о томъ, что происходило въ международныхъ столкновеніяхъ, ознаменовавшихъ начало X-го столѣтія; за тѣмъ обьяснить бытовыя отношенія народовъ, дабы на основѣ этого историческаго очерка яснѣе изобразить значеніе отношеній, выражаемыхъ церковью, въ этихъ международныхъ столкновеніяхъ.

Это время ознаменовалось борьбою Болгаръ и Грековъ, борьбою, которой внѣшнія проявленія довольно извѣстны изъ исторіи. Возникшая послѣ водворенія христіанства въ Болгаріи, вопреки договорамъ, скрѣпившимъ братскій союзъ обоихъ народовъ, эта борьба, тяжкая какъ для Грековъ такъ и для Болгаръ, носила столь исключительный характеръ, что разностороннее изученіе ея будетъ содѣйствовать рѣшенію нашей задачи.

Обозначу ея ходъ сперва въ самыхъ общихъ чертахъ.

Византійская имперія, управляемая династіею Василія Македонскаго, при непрестанныхъ нападеніяхъ Аравитянъ

и сѣверныхъ дружинъ, вызвала соперничество Болгаріи. Болгарія, послѣ мирнаго царствованія перваго христіанскаго князя, Бориса, ведомая воинственнымъ его преемникомъ, Симеономъ, вмѣсто защиты сѣверныхъ своихъ предѣловъ, видимо стала тяготѣть на югъ, притязая на смежныя греческія области.

Наступательныя движенія Болгаръ направлены были наконецъ на Константинополь, завоеваніе котораго было постоянною ихъ угрозою. Поводы къ такимъ движеніямъ глубоко лежали въ той затаенной распрѣ, которую обыкновенно питаютъ народы, безсознательно стремящіеся господствовать другъ надъ другомъ безъ вниманія на различіе бытовыхъ условій своей народной жизни: не мудрено, слѣдственно, что ожесточенная борьба могла вспыхивать при всякомъ предлогѣ, при первой возможности воспользоваться слабостію своего противника.

При Императорѣ Львѣ борьба повидимому вызвана была торговыми интересами; послѣ смерти Льва и его преемника Александра, борьба приняла характеръ соперничества. Когда при малолѣтнемъ императорѣ Константинѣ Багрянородномъ, придворныя партіи, враждуя другъ противъ друга, породили внутреннія смуты, неудавшійся проэктъ возвести на Римскій престолъ династію Болгарскихъ царей, имѣвшихъ среди грековъ своихъ приверженцевъ, вызвалъ ожесточенную вражду, ознаменовавшуюся нашествіями и опустошеніями. Поощренный внутреннимъ разладомъ грековъ, Симеонъ, слѣпо довѣряя мечтѣ о своемъ высшемъ призваніи, задумавъ быть Императоромъ Римскимъ, наносилъ Византіи ударъ за ударомъ, а между тѣмъ въ стѣнахъ ея одинъ изъ полководцевъ, Романъ Лакапенъ, захвативъ бразды правленія, провозгласилъ себя соправителемъ

малолѣтнему Императору и этимъ поставилъ неодолимую преграду всякимъ посторонним притязаніямъ.

Въ этой несчастной распрѣ, усилившей лишь противорѣчія соперниковъ, обнаружилось различіе бытоваго настроенія, въ которыхъ лежала главная причина борьбы. Нестану болѣе утруждать вниманія вашего повѣствованіемъ объ этой борьбѣ. Какъ ни отрывочно изображены различныя ея фазы въ византійскихъ лѣтописяхъ, она по громадному своему значенію, нашла достойныхъ повѣствователей, изобразившихъ послѣдовательно ея ходъ. Въ трудахъ этихъ повѣствователей мы находимъ превосходное описаніе внѣшнихъ дѣяній; но, смѣю сказать, обнаруженіе отношенія враждебныхъ началъ еще мало намъ выяснено. На смыслъ этихъ началъ считаю необходимымъ сперва направить свое изученіе, пытаясь разгадать его изъ бытовыхъ противоположностей.

При такомъ взглядѣ надѣюсь, пользуясь современными пособіями, доказать, кому суждено было Провидѣніемъ, среди непримиримой вражды произнести слово мира, правда котораго также неоспорима въ XIX столѣтіи, какъ неоспорима была въ X столѣтіи.

Изображу сперва въ нѣсколькихъ возможно правдивыхъ чертахъ пониманіе свое того, что̀ была Византія и что̀ были Словяне въ началѣ X столѣтія.

Пробужденная соперничествомъ, возникшимъ съ новою Римскою Имперію на западѣ, руководимомъ замыслами Папъ, Византія, коснѣя въ своихъ притязаніяхъ на всемірное владычество, болѣе и болѣе упускала изъ виду необходимыя гражданскія преобразованія. Искореняя уваженіе къ народнымъ правамъ, недопуская возможности равноправности, ея мірскіе политики на смятеніи народовъ созидали величавый призракъ своего господства. Одна мысль, мысль,

что нѣтъ народа, который не подклонилъ бы выю свою подъ иго Римлянъ, была постояннымъ преданіемъ Византіи, неразборчивой въ средствахъ самосохраненія.

Мысль эта о завѣтномъ міровластительствѣ, конечно, поддерживалась сознаніемъ высшаго просвѣщенія. Но просвѣщеніе это, именно въ X столѣтіи, неоправдывалось въ дѣйствительной жизни. Оно едва могло прикрыть разладъ нравственныхъ законовъ, признаваемыхъ всѣми, съ общественными учрежденіями, нарушаемыми всѣми. Состоя изъ массы отвлеченныхъ знаній, оно питало личное самолюбіе, но не оживлялось общественнымъ бытомъ. Подражанія, компиляціи, мелочныя подробности церемоніала и наконецъ высокопарный панегирикъ, были его выраженіемъ. Законодательство, и) сообразованное по нуждамъ администраціи, не согласуясь съ существенными нуждами народа, носило хорактеръ учебника законовъ, но не практическаго кодекса Оно не гражданамъ было полезно, а записнымъ казуистамъ. Въ исторіи отражался тотъ же духъ риторизма, прикрасы котораго, какъ яркая заплата, пришивались къ компиляціямъ и мелочнымъ подробностямъ. На ея страницахъ мы можемъ только прочесть одну неподдѣльную истину, доказывающую, что мірское просвѣщеніе того времени болѣе отдѣляло Византійцевъ отъ другихъ народовъ, чѣмъ сближало съ ними. Школа, не жизнь, преобразовала всякаго пришельца, который, разъ вкусивъ отвлеченной премудрости, переставалъ помнить откуда онъ вышелъ и стремился быть византійскимъ Римляниномъ. Поощреніемъ къ такому преобразованію было несочувствіе къ народнымъ нуждамъ, но матеріальныя выгоды, пріобрѣтавшіяся торговыми спекуляціями и придворными связами.

Просвѣщеніе, слѣдственно, проникнутое характеромъ софистическимъ, выражало общія всѣмъ вѣкамъ отвлечен-

ныя понятія и не изображало подлинную, не подходящую къ нимъ, дѣйствительность.

Чтоже выражала собою дѣйствительность, особенно по отношенію къ существеннымъ гражданскимъ нуждамъ?

На вопросъ этотъ пусть отвѣчаютъ современные документы. Мы извлекаемъ эти документы изъ забытыхъ юридическихъ актовъ. Они къ счастію дошли до насъ отъ X ст. и въ нихъ—то истина громче выразится, чѣмъ въ мелочныхъ лѣтописяхъ и заказныхъ панегирикахъ. Они правдивѣе скажутъ намъ о духѣ времени и о состояніи общества.

Извѣстно, что кромѣ общихъ уставовъ, неимѣвшихъ часто законодательной силы, Византійская юриспруденція обиловала новеллами, т. е. указами, вызванными настоятельными и существенными потребностями. Онѣ—то нерѣдко изображаютъ общество какъ оно было, но не какъ оно украшалось риторикою. Одною изъ такихъ новеллъ воспользуюсь теперъ, чтобы придать своимъ чертамъ болѣе колорита. Она имѣетъ весьма важное значеніе и въ настоящее время достойна изученія. Изданная сперва въ 923 году, стало быть въ началѣ X-го ст. Императоромъ Романомъ, соперникомъ Симеона Болгарскаго, вѣроятно для поддержанія довѣрія народнаго, эта новелла была въ послѣдствіи три раза измѣняема и изъ общей сдѣлалась частною, мѣстною. (7) Въ содержаніи ея, исполненномъ самыхъ нелицемѣрныхъ уликъ, нахожу поясненіе внутреннихъ причинъ какъ борьбы Болгаръ съ Византіею, такъ и вообще всѣхъ поводовъ къ тому, почему народы словянскіе такъ неохотно покорялись ея владычеству.

Обнародованіе ея вынудили слѣдующія обстоятельства.

Издавна уже во всѣхъ областяхъ Византійской Имперіи обнаружилось усиліе богатаго сословія поработить

бѣдное. Поземельная собственность мало по малу переходила въ руки капиталистовъ, пріобрѣтавшихъ ее по самымъ низкимъ цѣнамъ. Обѣднѣвшее свободное сословіе поступало такимъ образомъ къ капиталистамъ въ кабалу. Спекуляціи такого рода, начавшись еще въ IX ст., дошли въ X-мъ до огромныхъ размѣровъ, такъ что законодательная власть, внявъ наконецъ голосу правосудія, нашлась вынужденною противодѣйствовать ихъ пагубному вліянію. Въ упомянутой новеллѣ такъ изображается состояніе нуждъ, вызванныхъ этимъ злоупотребленіемъ. Тогда, говоритъ виновникъ этого указа, сильные властію и богатствомъ, вмѣсто попеченія о бѣдныхъ, только о томъ нетерпѣливо помышляли, какъ бы скорѣе присвоить послѣднее ихъ имущество, находя въ собственномъ богатствѣ средства къ тому, чтобы воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ гражданъ, ввергнутыхъ обстоятельствами въ бѣдность, одни изъ нихъ, притворяясь человѣколюбивыми въ голодное время, то деньгами, то выдачею хлѣба, сами они злѣе голода, заставляли стѣсненныхъ согражданъ уступать за безцѣнокъ свою собственность, другіе, полукавѣе первыхъ, находили способы даромъ или посредствомъ вымышленнаго отказа захватывать чужую собственность. Усиливая такимъ образомъ свое господство, увеличили нищету и умножили число поденьщиковъ, зависимыхъ отъ произвола кредиторовъ. Обременяя работами, употребляя насиліе, они наконецъ подали поводъ къ возмущеніямъ. Видя какъ неудержимо съ распространеніемъ нищеты земля пустѣетъ, законодательная власть, запрещая подъ угрозою лишенія собственности порабощать бѣдныхъ, постановляла, дабы земли, принадлежавшія общинѣ, выкупались только членами ея т. е. тѣмъ, кто слагался въ уплатѣ повинностей; люди же, пользующіеся властію,

гражданскою или духовною, да не имѣютъ права пріобрѣтать эту землю подъ видомъ купли, даренія, завѣщанія или подъ какимъ либо другимъ видомъ.»

Этотъ примѣчательный актъ X столѣтія доказываетъ, что тогда интересъ частный преобладалъ надъ общественнымъ и что въ гражданскомъ бытѣ властолюбіе подавляло независимый трудъ.

Такое печальное положеніе общества въ Византійской имперіи еще мрачнѣе представится, когда вспомнимъ, что говорили сами Византійцы о своей жалкой администраціи. Свидѣтельство ихъ историка, писавшаго въ XI ст., и помнившаго многолѣтнія распри Болгаръ и Грековъ, очертитъ лучше эту сторону Византійской жизни ([8]) Властодержцы византійскіе, говоритъ историкъ—юристъ, подъ предлогомъ народной пользы, совершали Богопротивныя и беззаконныя дѣла. Воеводы, не внимая своему долгу, забывая отечество, вмѣсто славы искали корысти и войну превращали въ торжище, ведя ее не къ защитѣ народа, но для личнаго корыстолюбія. Наперсники ихъ, послѣдуя своимъ вождямъ, силою похищая чужое имущество, безчеловѣчно наносили обиды своимъ согражданамъ и въ своемъ собственномъ отечествѣ ни чѣмъ неотличались отъ враговъ. Немудрено слѣдственно, что обитатели этой Римско-Византійской имперіи ожидали себѣ облегченія отъ пораженія римскихъ полководцевъ, проклинаемыхъ ими. Мысль каждаго стремилась къ стяжанію имущества, хотябы святыня предавалась поруганію, хотябы жизнь человѣческая обрекалась гибели.

Съ ослабленіемъ уваженія къ независимому труду, съ усиленіемъ корыстолюбія въ администраціи, разнообразилась утонченность торговыхъ спекуляцій. Сосредоточивъ эти спекуляціи въ Византійской столицѣ, администрація лишь о томъ помышляла, чтобы приносить въ жертву

этому горнилу роскоши и просвѣщенія всѣ жизненныя силы государства. Международныя отношенія измѣрялись только видами такой монополіи, и потому нерѣдко въ лѣтописяхъ можно встрѣтить признанія самаго жестокаго равнодушія къ сосѣднимъ народамъ. По поводу распри съ Болгарами одинъ изъ лучшихъ историковъ такъ оцѣнялъ необходимость покоренія Болгарскихъ земель. «Такъ какъ Царь — городъ встрѣчалъ въ Болгарахъ препятствія къ обогащенію, то покореніе Болгаріи обѣщало раздолье и попутность въ дѣлахъ. Необходимо, слѣдственно, было порабощеніе Болгаръ, дабы этимъ удовлетворить требованіямъ столицы, увеличивая доходы ея и водворяя обилье» (⁹). Ставя безотчетно экономическія выгоды главнымъ условіемъ политическихъ расчетовъ, незамѣтно подчиняя международныя отношенія торговой монополіи, Византія, хотя и отдѣлялась отъ другихъ народовъ, неупускала однакожъ случая пользоваться ихъ содѣйствіемъ. Особенно отдаленные сѣверные народы были предметомъ ея заискиванія всякій разъ, какъ охрана своихъ выгодъ заставляла пробуждать въ нихъ воинственный духъ съ цѣлью направить илу его на ближайшихъ сосѣдей. Эти коварныя затѣи неразъ однакожъ накликали бѣды и на самую Византію. Обращаясь за помощью къ бродячимъ народамъ, она задерживала мирные успѣхи осѣдлыхъ народовъ и сама испытывала грозу своихъ неукротимыхъ союзниковъ. Потворство ихъ предпріимчивости само собою, казалось, внушало имъ слѣпое убѣжденіе, что не земля питаетъ народы, а грабежи и набѣги, что трудъ, ожидающій отъ щедротъ земли посильной награды, долженъ уступать предъ отважнымъ хищничествомъ.

Такимъ образомъ корыстолюбіе и затаенная зависть были мѣриломъ внѣшней политики тамъ, гдѣ жизнь

свободы цѣпенѣла предъ мертвящимъ формализмомъ общества.

И это было тогда, когда вселенская церковь глубоко потрясалась тѣмъ недовѣріемъ, которое такъ часто, такъ незаслуженно поражало первенствующихъ пастырей, усиливавшихся дѣломъ и словомъ противостоять пагубному преобладанію Византійскаго матеріализма.

Вотъ почему подобный строй Византійскаго владычества вселялъ въ народы вражду даже тогда, когда она готова была погаснуть, когда, казалось, долженъ былъ возникнуть душевный союзъ.

Нельзя было, слѣдственно, не питать антагонизма къ такому строю въ государствѣ, котораго политика безъ разбора средствъ, безъ вниманія къ преобразованіямъ, усиливалась удержать за собою призваніе къ всемірному владычеству. И такой антагонизмъ обнаруживался въ природныхъ свойствахъ племенъ, призваніе которыхъ если не сознательно, то, по закону исторической необходимости, знаменательно опредѣлялось въ борьбѣ съ Византіею. Событія выдвинули ихъ на видное поприще между Римскимъ господствомъ и насиліемъ разныхъ кочующихъ народовъ. Долго находились они подъ преобладающимъ гнетомъ своихъ завоевателей. Мало по малу, однакожъ, они одолѣвали своихъ насильниковъ, получали надъ ними перевѣсъ и достигали нѣкотораго значенія.

Я говорю о племенахъ Словянскихъ Долго могли они сохранять лишь свое общее родовое отличіе. Выдержавъ натискъ всѣхъ устремлявшихся на Римскую имперію народовъ, отъ Гуновъ до Угровъ, хотя и раздѣлялись на отдѣльныя племена, они выказали особенную энергію въ столкновеніяхъ своихъ съ номадными народами. Эти послѣдніе, часто одолѣвъ разсѣянныя племена Словянскія, уступали

нмъ, теряли сознаніе своей народности какъ только наставало время сдерживать подвижную, хищническую жизнь.

Явленіе это выяснится, если вникнемъ въ значеніе быта Словянъ. Доказывая готовность къ оборонѣ, защищая свою свободу, Словяне не умѣли лишать ея другихъ. Эта главная отличительная черта ихъ быта должна была значительно влiять на ихъ враждебныя и мирныя отношенія. Тщетно какъ западная такъ и восточная политика призывала въ ихъ предѣлы новыхъ лютыхъ варваровъ: каждое нашествіе, разрушая племенный союзъ, прерывая успѣхи гражданства, не поражало главнаго условія—признанія свободы. Когда же завоевательные замыслы западныхъ Императоровъ и происки Византіи ощутительнѣе ослабили энергію кочующихъ народовъ, бытовыя условія Словянъ были первою ступенью ихъ преобразованія и потому они замѣтно привлекались въ сферу словянскаго строя. Эти бытовыя условія едвали можно объяснить родовыми признаками. Если родовой бытъ держался только кровной связью, то кочующимъ народамъ нечего было сближаться съ Словянами. Естественные узы соединяли также крѣпко и племена номадовъ. Чѣмъ же объяснить себѣ то явленіе, что номады привлекались бытомъ Словянъ, но не наоборотъ? Конечно, твердая осѣдлость Словянъ, противуполагая ихъ бродячимъ народамъ какъ коренныхъ обитателей, была опорою ихъ быта, но безъ другихъ еще условій своей жизни они едвали одолѣли бы сильныхъ всегда пришельцевъ. Нельзя, слѣдственно, непризнать, что такими условіями были развитое сознаніе общины и крѣпкое убѣжденіе въ нераздѣльности земли На этомъ основаніи непосредственно должны были пробудиться понятія равноправности, обязывавшей каждаго члена общины къ участію въ дѣлахъ внутренняго наряда. По этому мiровыя сходки и вѣча

были необходимымъ отличіемъ жизни Словянъ, свободу которыхъ обезпечивало признаніе какъ общей собственности, такъ и собственности, добытой личнымъ трудомъ. Наконецъ и это необходимо замѣтить, что Словяне, исключая понятіе рабства въ своемъ бытѣ, неисключали иноплеменниковъ, какой бы расы они не были, изъ общечеловѣческаго права, т. е. признавали за ними свободу и равноправность.

Такой строй жизни имѣлъ значительныя преимущества предъ неустроенною подвижностію народовъ кочевыхъ. Немудрено, слѣдовательно, что Словяне, обуздывая свирѣпость ихъ набѣговъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго насилія пересоздавали своихъ побѣдителей силою своихъ бытовыхъ началъ.

Но сила эта бытовыхъ началъ охранялась только союзами, имѣвшими оборонительный характеръ. Государственное единство, положительно основанное на единовластіи, было чужно такому быту. Словяне сами собою возвышались рѣдко до этого, слабо сознаваемаго ими, спасающаго начала. Предоставленные самимъ себѣ, они возвращались всегда къ житью бытью, независимость котораго, разрывая на множество общинъ, лишала ихъ согласнаго развитія въ гражданствѣ.

Трудный подвигъ государственнаго единства совершался часто подъ чужимъ вліяніемъ. Верховная общая власть давалась имъ или вслѣдствіе покоренія ихъ, или въ слѣдствіе добровольнаго призванія. Въ томъ и другомъ случаѣ въ жизнь ихъ вносились новые пришлые элементы, которые, соединяясь съ бытовыми условіями, дѣйствовали то благотворно, то разрушительно на народное развитіе.

Къ несчастію тѣ личности, верховная власть которыхъ призывала Словянъ къ общенію, неумѣли часто

примирять разнородные элементы и искали опоры не на своей, но на чужой почвѣ. Самобытное ядро государственнаго союза Словянъ нерѣдко было эфемернымъ явленіемъ, погасавшимъ вскорѣ послѣ яркаго сіянія. Оно слишкомъ озарялось блескомъ чужаго свѣта, притуплявшаго вниманіе лучшихъ дѣятелейкъ существеннымъ потребностямъ народовъ.

Какъ бы то ни было, Словяне въ то время, когда въ Византійской Имперіи народная жизнь замирала, представляли собою коренныя начала самоуправленія, основаннаго на нераздѣльности поземельной собственности и на общинномъ союзѣ.

Въ началѣ X столѣтія на такой степени развитія стояли тѣ Словяне, общая власть надъ которыми сосредоточилась въ династіи Болгарскихъ князей. Сила этихъ князей, довершавшихъ сближеніе двухъ разнородныхъ племенъ, побѣдителей съ побѣжденными, лежала въ бытовыхъ началахъ Словянъ и въ то время, когда возникла знаменитая борьба Грековъ съ Болгарами, казалось, они призваны были противопоставить ихъ Византійской централизаціи, казалось, что въ этой борьбѣ столкнулись два начала жизни народовъ, выражаемыя своеобразнымъ, своенароднымъ строемъ и отвлеченнымъ, величавымъ Византійскимъ чиномъ.

Такой, однакожъ, борьбѣ, недоставало яснаго сознанія тѣхъ предѣловъ, внѣ которыхъ она теряла свое законное, благотворное значеніе. Защищая свободу Словянъ, охраняя ихъ законное достояніе, князья Болгарскіе, выражавшіе собою объединяющее начало, исполнилибы свое призваніе. Перенеся, однакожъ, центръ тяготѣнія на Константинополь, они нарушили цѣлость и своей земли. Не бывъ въ состояніи сдерживать общины во взаимной связи, они разоб-

щали ихъ, раздавая области своимъ боярамъ и такимъ образомъ положили основаніе мелкимъ феодальнымъ федереціямъ, въ которыхъ изсякала жизнь Словянская. Мало по малу федераціи эти обособлялись, распадались подъ вліяніемъ случайныхъ, пришлыхъ извнѣ началъ.

Земское устройство, удерживаясь въ Болгаріи только въ низшихъ слояхъ народа, не ладилось съ произволомъ, которое болѣе и болѣе преобладало по мѣрѣ того какъ въ борьбѣ съ Византіею мысль не о народѣ, а о Византіи стала искушать величавые помыслы Болгарскихъ князей (10).

Вотъ почему борьба Болгаръ съ Греками всегда обличала двусмысліе. Выражая собою защиту свободы Словянской, законную охрану земскаго уряда, она внушала сочувствіе не только Словянамъ, но и Грекамъ, сознававшимъ вредную силу отвлеченнаго Византійскаго начала, выражая соперничество съ Византіею, стремленіе князей Болгарскихъ поставить себя въ средѣ ея для порабощенія юныхъ народовъ, она пробуждала справедливое недовѣріе не только Грековъ, но и Словянъ. Эти князья сами не разъ губили лучшіе задатки самостоятельности Словянской и поощряли себялюбивое высокомѣріе Византійское.

Въ такой борьбѣ потерянъ смылъ возвышеннѣйшихъ начинаній, доказывавшихъ воспріимчивость Словянъ къ міровымъ идеямъ. Знаменуя собою возможность примиренія Грековъ и Словянъ, они, эти начинанія, обѣщали, упрочива лучшія основы земскаго строяСловянъ, поставить Болгарію въ числѣ державъ, могущественное вліяніе которыхъ зависѣло не отъ матеріальной только силы, но и отъ нравственныхъ преимуществъ. Они могли бы стать сильнымъ орудіемъ преобразованія чуженлеменниковъ и дружнаго развитія соплеменныхъ народовъ.

Я разумѣю здѣсь Словянское Богослуженіе, лучи котораго зажгли свѣточь просвѣщенія цѣлому Словянскому поколѣнію.

Въ эпоху борьбы Болгаръ съ Греками Провидѣніе озарило Болгарію самымъ яркимъ свѣтомъ сего просвѣщенія. Въ нее стекались труженики изъ Словянскихъ земель, загнанные туда своеправіемъ папскихъ наперсниковъ, грозою Угровъ и усобицею другихъ словянскихъ племенъ. Болгарія въ концѣ IX столѣтія была пріютомъ для возвышенныхъ дѣятелей, пришлыхъ изъ другихъ Словянскихъ земель, и, такимъ образомъ, была первымъ поприщемъ трудно осуществимой Славянской взаимности, которой знаменіемъ было тогда Славянское Богослуженіе. Пробудивъ соревнованіе въ туземцахъ, они подъяли трудъ народнаго образованія, обѣщавшаго объять все Словянское поколѣніе (11).

Съ помощью такого орудія можно было дать преимущество словянскому быту среди кочующихъ народовъ и содѣйствовать словянскимъ племенамъ освободиться отъ чужаго вліянія. Такимъ орудіемъ воспользовалась въ послѣдствіи Русь, въ которой Словянское Богослуженіе получило вполнѣ достойное цѣли своей культурное значеніе. Болгаріи, однакожъ, не суждено было осуществить всѣхъ задачъ, на которыя указывала глубокая мысль этихъ начинаній. Тяготѣя на югъ, она потеряла преобразовательную силу, которая моглабы упрочить вліяніе ея на сѣверѣ гдѣ свобода Славянская, ширясь среди народовъ осѣдлыхъ, оградила бы ихъ самостоятельность отъ чужихъ покушеній. И тамъ, на сѣверѣ, призваніе упрочить просвѣщеніе осталось за Константинопольскою церковью, которая, отражая притязанія запада, дѣйствуя благотворно на Русскихъ Словянъ, осуществила возвы-

шенную задачу внести вмѣстѣ съ Христіанствомъ идею государственнаго единства, охранить земство и доставить торжество надъ чужеплеменниками

Я долго удерживалъ вниманіе Ваше, М. Г., на предметахъ, повидимому далекихъ отъ предположенной цѣли. Я вошелъ въ подробности, которымъ въ вопросѣ объ отношеніяхъ церкви обыкновенно не даютъ мѣста. Но если и въ частной жизни значеніе движущаго помысла выкажется только изъ сопоставленія всѣхъ отдѣльныхъ дѣяній человѣка, то въ жизни народовъ только при помощи познанія разнообразнаго ихъ настроенія обнаружатся тѣ отношенія, въ которыя они поставлены къ началу, опредѣлявшему степень ихъ нравственнаго призванія. Дѣйствительно, такимъ сопоставленіемъ надѣюсь изобразить яснѣе отношенія церкви къ двумъ боровшимся народамъ. Мнѣ невозможно было обойти молчаніемъ эти подробности, ибо увѣренъ, что эти отношенія преимущественно обнаруживаются въ главныхъ моментахъ исторической жизни народовъ и что особенно тогда знаменательный смыслъ движущаго начала вызываетъ къ многостороннему изученію.

Я именно думаю, что никогда болѣе знаменательно онъ не раскрывается какъ въ эпоху внѣшней или внутренней борьбы и никогда болѣе искренно нельзя не сознать того участія, которое можетъ имѣть церковь, какъ во время такихъ или подобныхъ столкновеній. И горе народамъ у которыхъ участіе это не сознается, горе особенно тѣмъ народамъ, у которыхъ оно, хотя бы и сознавалось, но не признается!

Съ такимъ пониманіемъ значенія церкви я безпристрастно усиливался изобразить условія быта двухъ соперниковъ, народовъ. Повторяю, Въ жизни Византійцевъ X-го столѣтія я вижу преобладаніе интересовъ торговой

колоніи, въ которой государственное начало поддерживало всѣми средствами администраціи исключительно матеріальныя выгоды одного центра, одного заинтересованнаго въ немъ класса людей.

Дорожа своей монополіею, она презирала земство. Поэтому поземельная собственность становилась болѣе и болѣе въ зависимости отъ спекуляцій капиталистовъ. Администрація приняла характеръ самоуправства. Централизація подавляла свободу областную Обрекая собственныя области на безправное подчиненіе администраціи, послушной центру, Византійская политика съ затаеннымъ презрѣніемъ относилась къ окружавшимъ ее народамъ Повидимому она дорожила не степенью просвѣщенія, но степенью ихъ враждебности другъ къ другу ([12]).

Съ другой стороны Словяне, дорожа свободою и нераздѣльностію земли, представляли собою начало, потерянное Византіею въ ея отвлеченныхъ затѣяхъ возсоздать неумѣстную Римскую Имперію и это начало называю я земствомъ. Оно, пособствуя Словянамъ одолѣть разрушительную силу бродячихъ народовъ, призвано было оживотворить цѣпенѣвшую гражданственность Грековъ, тщетно маскирующихъ себя Римлянами. Доставивъ, однакожъ, своей землѣ государственное значеніе, представляя собою одну общую власть надъ Словянами въ Болгарскомъ государствѣ, князья Болгарскіе устремились къ завоеваніямъ, характеръ которыхъ скоро перестаяъ быть народнымъ и превратился въ политическое соперничество. Константинополь манилъ ихъ воинственные порывы, а между тѣмъ византинизмъ вселялся въ ихъ станъ и, искушая самолюбіе, заставлялъ забыть и преимущества своей земли и опасности вліянія чужеземнаго строя. Поддавшись такому вліянію, они равнодушно относились къ существенной силѣ своего народа и не

охраняли ее отъ влiянiя другихъ чужеплеменниковъ. Вотъ почему Словянская народность въ Болгарiи искажалась, безобразилась не только вѣками, но и накипью чужихъ стихiй (13).

Какъ же выразилась Константинопольская церковь среди этой, повидимому, непримиримой противоположности, какъ обнаруживалась въ разгарѣ борьбы мысль мужей, предопредѣленныхъ стать выше этихъ противорѣчiй и доказать высокую заботливость о благѣ обоихъ народовъ?

Въ непримиримыхъ бытовыхъ противоположностяхъ церковь Константинопольская, искони ведомая силою убѣжденiя, безъ матерiальныхъ средствъ, чуждая политическихъ расчетовъ, являла всегда мужей, которые глубже проникали въ смыслъ настоящаго, дальновиднѣе прозрѣвали въ будущее. Не разъ среди внутренняго разлада, гонимые своими, они, эти мужи, благотворно направляли движенiе умовъ къ тѣмъ высшимъ цѣлямъ, значенiе которыхъ нынѣ мы можемъ назвать всемiрнымъ. Бѣдствiя, которыя лично они испытывали, раскрывали имъ существенныя внутреннiя недостатки и яснѣе обнаруживали правду внѣшнихъ враговъ. Въ душѣ ихъ, этихъ лучшихъ кормчихъ на безпрестанно волнующейся пучинѣ международныхъ столкновенiй, спасалось просвѣтительное начало, на которомъ зиждились миръ и успѣхъ. Въ эпоху грозныхъ непримиримыхъ распрей чувство самоотверженiя воодушевляло ихъ надеждою, что есть возможность установить взаимныя мирныя отношенiя между борющимися народами. Усилiя ихъ истекали изъ глубокой вѣры въ идею христiанства, силою котораго уповали преобразовать и свой и чужой народъ. Преобразованiе такое требовало времени и только подъ условiемъ мира предвидѣлся счастливый исходъ важнаго историческаго процесса. Зная, что исключительное преимущество однихъ и безсознательная сила другихъ

пораждали только ненависть, что ни та ни другая сторона не должна стать верховнымъ закономъ, они государственныя и земскія отношенія подчиняли одному верховному закону. Безусловная чистота этого закона, стоя выше государственной и земской исключительности, должна была управлять личными убѣжденіями. Дѣйствуя на душевное расположеніе, на внутреннее убѣжденіе, возвышенные мужи пытались мирить спорющіе народы посредствомъ взаимнаго преобразованія Устраняя своекорыстную исключительность, они усиливались достигать желанной цѣли не обманчивымъ призракомъ матеріальной пользы, но постепеннымъ подчиненіемъ закону. Они признавали необходимость преобразованій, но преобразованія эти не должны были быть крутымъ переломомъ, всесокрушающимъ переворотомъ.

Такія мысли внушаютъ мнѣ памятники, дошедшіе до насъ отъ начала X-го столѣтія, содержаніе которыхъ вызвано было событіемъ выше описаннымъ, борьбою Болгаръ и Грековъ. Эти памятники составляютъ драгоцѣнное свидѣтельство о томъ, что церковь Константинопольская отдѣлялась отъ мірской политики и глубоко постигала какъ значеніе ея такъ и послѣдствія.

Они—выраженія помысловъ достойнѣйшаго преемника Фотія, патріарха Николая ([14]). Лично испытавъ бѣдствія въ каноническомъ спорѣ, накликавшемъ на него гоненія мірскихъ властей, опиравшихся на помощь неканоническихъ папъ, онъ имѣлъ столько мужества, что подъялъ защиту своего отечества во время самаго разгара войны. Защита эта была достойна церкви. Въ ней равно Греки какъ и Болгаре могутъ и нынѣ прочесть слова правды, укора и слова мира. Рядъ посланій, отправленныхъ къ повелителю Болгаріи Патріархомъ Николаемъ, изобразилъ намъ эту

борьбу съ точки зрѣнія церкви, пытавшейся своимъ благотворнымъ участіемъ предупредить послѣдствія неумѣренныхъ притязаній. Въ этихъ посланіяхъ, проникнутыхъ отрадною памятью объ обращеніи Болгаръ въ Христіанство и объ условіяхъ братскаго союза, тогда заключеннаго, обнаружены сознаніе погрѣшностей обоихъ народовъ, признаніе святости договоровъ, устраняющихъ господство народовъ другъ надъ другомъ, уваженіе къ Болгарской церкви и мірской власти и указаніе предѣловъ, въ которыхъ онѣ законно и благодѣтельно могли руководить народомъ.

Однимъ словомъ, непоколебимый въ суровомъ натискѣ событій Патріархъ Николай, тогда какъ Болгаре и Греки наносили другъ другу ужасающія обиды, выражалъ, опираясь на твердомъ основаніи церкви Христовой, свое сострадательное участіе, облекая въ живое слово, исполненное человѣколюбія, возвышенныя помыслы, которые эта церковь питала о благѣ народовъ. Такимъ образомъ то что неяснаго оставалось для насъ въ событіяхъ, выяснилось этимъ участіемъ, выражавшимъ то обличеніе современныхъ ему недостатковъ, то, наконецъ, назиданіе, извлекавшее изъ сравненія былаго съ настоящимъ указаніе на безотрадное будущее для тѣхъ, кто не внемлетъ примирительному слову церкви. Дополнимъ же характеристику начала X-го столѣтія подлинными свидѣтельствами, заимствованными изъ современныхъ отзывовъ, обращенныхъ къ народамъ отъ имени церкви.

Представляя изображеніе антагонизма двухъ боровшихся народовъ, я поставилъ на видъ, что мірская политика Византійцевъ лукаво вызывала вражду сѣверныхъ племенъ другъ противъ друга для собстве нной безопасности. Коварный образъ такихъ происковъ долженъ былъ про-

тиворѣчить человѣколюбивимъ намѣреніямъ церкви. И дѣйствительно, въ эпоху борьбы Болгаръ съ Греками она устами Патріарха Николая выразила протестъ противъ политики, замышлявшей гибель народовъ. Въ одномъ изъ своихъ посланій къ повелителю Болгарскому, Патріархъ обличаетъ коварство этой политики, которую онъ желалъ отвратить своимъ возвышеннымъ участіемъ. Онъ извѣщаетъ о замыслахъ Византійцевъ накликать на Болгаръ другіе народы въ слѣдующихъ выраженіяхъ, изображающихъ опасенія, достойныя вселенской церкви.

— Полагаясь на твое благоразуміе (такъ пишетъ онъ къ Симеону, князю Болгарскому въ XXIII посланіи) пишу къ тебѣ не ради однихъ Римлянъ, но ради спасенія Болгаръ и Римлянъ. Хотя бы и не вѣрили мнѣ, непрестану доказывать, что питаю одинаковую заботу, одно намѣреніе о тѣхъ и другихъ, о Болгарахъ и Грекахъ. Цѣль моя миръ, прекращеніе разлива крови и грядущая польза.

Послушай же, почему объемлюсь я неодолимымъ страхомъ. Вотъ на вашу землю и на вашъ родъ замышленіемъ моихъ повелителей готовится и уже почти готово грозное ополченіе. На васъ единодушно стремятся пойти войною и Русь и Печенѣги и Алане и западные Турки.

Когда достигли до моего слуха эти замыслы, въ смятеніи, нарекая на горькую свою судьбу, продлившую жизнь мою, я поспѣшилъ излить всю скорбь свою моимъ повелителямъ. Теперь обращаюсь съ нею къ тебѣ.

Послушай, что сказалъ я своимъ Повелителямъ, о чемъ увѣщевалъ и что хотѣлъ отвратить.

Остановить ополчившіеся на васъ народы и терпѣливо перенести вами содѣланное зло. Конечно, вы нынѣ

вмѣсто братьевъ стали нашими врагами и злодѣями, но зачѣмъ увлекаться злобою и негодованіемъ до того, что бы васъ, призванныхъ именемъ Христа къ просвѣщенію, васъ истребляли народы, живущіе въ невѣріи?

И повелители Римлянъ внимали мнѣ, непротиворѣчили когда я васъ, Болгаре, защищалъ, и, склоняясь къ миру, такъ отвѣчали: «мы отступаемъ отъ нашего намѣренія, и, какъ ни велико зло, которое намъ Болгаре нанесли, мы готовы остановить движеніе народовъ, противъ нихъ замышляемое.

Извѣсти же ихъ князя прекратить войну, взыскать міра. Твое увѣщаніе не встрѣтитъ отказа, если успѣешъ убѣдить его.»

Такъ вотъ почему пишу къ тебѣ. Склонись къ благому, склонись къ спасенію и не предпочитай распри, разлива крови всему тому, что можетъ возникнуть отъ мира между Греками и Болгарами.

Сообрази, прошу тебя, какою бѣдою грозитъ тебѣ это ополченіе. Оно, это ополченіе Турковъ, Печенѣговъ Руси и другихъ—неперестанетъ дотолѣ, доколѣ весь народъ Болгарскій не преданъ будетъ погибели.

Замыслы такіе могутъ осуществиться на дѣлѣ. Я бы еще сомнѣвался, если бы дѣло ваше было правое, въ успѣхѣ Царской думы, накликающей на васъ ополченіе народовъ; но поминая злодѣйства ваши, не могу не предсказывать, что васъ постигнетъ гнѣвъ Божій. Убѣждаясь въ возможности нашествія, я трепещу, ибо и васъ обнимаю любовью. Страшусь за Грековъ и Болгаръ, да не сокрушитъ взаимная вражда оба народа и не предастъ ихъ конечной гибели.

Такъ бывало не разъ, слѣдственно, можетъ случиться и съ вами, поэтому—то страшусь, да не постигнетъ и

васъ, христіанъ, злой конецъ. И такъ внимайте же словамъ увѣщанія моего, не являйте болѣе свѣту позорища брани Болгаръ и Грековъ Довольно уже тѣ и другіе показали коварства и злобы; настало, наконецъ, время исправленія, достойнаго христіанъ; оставьте же тернистый путь вражды, вступите на путь міра.

Мои повелители готовы скрѣпить съ тобою сыновній и братскій союзъ, уступая тебѣ все, что принесетъ пользу твоей державѣ.

Будемъ ли и еще коснѣть въ коварныхъ замыслахъ, когда ополчаются чужіе народы, готовые или сами погибнуть или истребить Болгарскій народъ?

Конечно исхода борьбы неразгадать намъ, но почему, помышляя о наказаніи Божьемъ, намъ несоблюдать того, что вѣрно и прочно прежде чѣмъ ввергать себя въ борьбу со столькими врагами?

Что, если за ними останется побѣда? Тогда стыдъ и нареканіе васъ постигнутъ, а станете ли каяться, найдется ли тогда кто либо, кто ободрилъ бы васъ, кто подалъ бы въ бѣдствіяхъ помощь?—

Десятое столѣтіе, темное для исторіи всѣхъ европейскихъ народовъ, освѣщается нынѣ, смѣю сказать, этимъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, какое возвышенное мѣсто занимала Константинопольская церковь въ международныхъ отношеніяхъ, выражавшихъ собою разнородность бытовыхъ условій.

Но мысль Константинопольской церкви не въ одномъ лишь протестѣ обнаруживалась. Сдерживая коварные происки мірской политики, стремившейся стяжать временную пользу цѣною народныхъ бѣдствій, она пыталась внести въ международныя отношенія сознаніе дѣйствительной пользы, достигаемой истинно христіанскимъ миролюбіемъ.

Въ годину бѣдствій безпристрастіе ея возвышалось надъ пристрастною кичливостію, соблюдая достоинство какъ своего такъ и враждебнаго народа.

Извѣстно, что исключительность византійская, ставя выше всего свои интересы, непризнавала правды за врагами, особенно, если они дерзали отрицать ея преимущества. Въ очеркѣ ея наряда упомянулъ я, что искони кого въ Византіи непризнавали Римляниномъ въ ея духѣ — тотъ былъ варваръ. По духу ея цивилизаціи, казалось, правда не была удѣломъ этихъ варваровъ. Правымъ былъ только тотъ, кто былъ Римляниномъ.

Въ посланіяхъ Патріарха Николая, мы конечно встрѣтимъ уваженіе къ Римской власти, но они также глубоко проникнуты безпристрастнымъ сознаніемъ назначенія чужихъ народовъ. Чувство своего достоинства мирилось въ нихъ съ вѣрою, что и другимъ народамъ даровано свыше подобающее призваніе.

Когда съ одной стороны Византійскіе Римляне основывали свои преимущества на государственномъ чинѣ, на просвѣщеніи, на старшинствѣ въ сравненіи съ народомъ новопросвѣщеннымъ, съ Болгарами, а торжествующій Болгарскій князь противопоставлялъ этимъ историческимъ правамъ волю Божью и свободу—церковь устами Патріарха Николая произнесла еще въ X столѣтіи слѣдующее достопримѣчательное напоминовеніе, внимать которому можетъ и XIX столѣтіе, прослывшее громкими вопросами о народностяхъ.

— Каждому народу—это слова X столѣтія—Провидѣніе даровало свое мѣсто, свою честь, свое призваніе. Народы соблюдающіе свою имъ дарованную честь, пребудутъ и достигнутъ своего назначенія, народы же пытающіеся, какъ-бы пренебрегая Богодарованною честію, стяжать болѣе

того, что имъ даровано, хотябы на время достигли могущества, вскорѣ, однакожъ, среди обладанія, всего что ни есть лишены бываютъ. Поэтому — то не Болгарамъ дано господствовать надъ тѣми, кто освободилъ ихъ отъ нечестія; имъ, напротивъ, подобаетъ, оставивъ мечту о господствѣ, хранить любовь и взаимность, пребывая въ предѣлахъ и при общихъ условіяхъ, постановленныхъ еще во время крещенія.»

Такое понятіе о народности, очевидно, не должно было быть общимъ. Оно получитъ еще болѣе значенія, если окажется, что церковь съ строгимъ безпристрастіемъ относилась и къ народу, права котораго она защищала. Она сознавала несправедливость того предпочтенія, по которому въ международной тяжбѣ одна изъ препирающихся сторонъ пыталась быть и обвинителемъ и судьею. Она откровенно сознавала зломысліе (*κακοβυλία*) Византійцевъ, порицала своихъ и уличала противниковъ.

Такое понимапіе правды отражается особенно въ посланіи Патріарха Николая, который, страдая за злодѣйства Болгаръ и Грековъ, обращается съ совѣтами къ Симеону, увлеченному соперничествомъ до забвенія достоинства того, съ кѣмъ онъ воевалъ.

—Храня въ душѣ своей—это слова Патріарха Николая — благое желаніе славы и преуспѣянія обоимъ народамъ, Римлянамъ и Болгарамъ, не могу молчать, когда вижу, что жизнь тѣхъ и другихъ, Римлянъ и Болгаръ, сокрушается, когда вражда грозитъ въ будущемъ искоренить взаимное участіе, когда исчезаетъ надежда на добрый исходъ.

Одно мнѣ еще осталось:—помня день послѣдній, просить не пренебрегать мольбами, колѣнопреклоненно возносимыми. Внимай же; прошу. Оставивъ кровопролитіе,

дай видѣть миръ между Болгарами и Римлянами. Не дай мнѣ унести съ собою въ могилу скорбь о томъ, что твоя месть совершила злодѣяніе Христову стаду

Между Болгарами и Римлянами раздоръ длится слишкомъ уже долго. Подумай же о превратностяхъ человѣческой судьбы, о томъ, что постигнуть можетъ и твою власть и твой народъ, и вспомни о братствѣ Болгаръ и Римлянъ, гибнущихъ нынѣ въ братоубійственной войнѣ.

Знаю, что за это слагаешь съ себя вину, что винишь другихъ въ совершаемомъ злѣ. Ты правду говоришь, согласенъ и я съ тобою. Поводы къ войнѣ поданы людьми, безуміе которыхъ довело до такихъ обстоятельствъ. Но Божій судъ совершился: они наказаны, а ты получилъ возмездіе. Да будетъ же конецъ всему.

Твое ополченіе не противъ враговъ креста, не противъ народа, невѣдущаго Божьяго имени, но противъ братьевъ по духу Божью. Твои разоренія—поношеніе Христову завѣту о человѣколюбіи. Да не истощится же Божье долготерпѣніе и да не падетъ карающій мечь его правосудія на тебя, обидящаго.

На этомъ прекращаю свои просьбы. Ты самъ, внимая голосу справедливости, постигнешь, что согласно съ пользою. Да возвратится же согласіе и любовь между двумя народами, да вселится миролюбіе въ сердце твое.—

Взаимное уваженіе народовъ въ пору враждебныхъ столкновеній, внушаемыхъ бытовымъ разладомъ, если такъ рѣдко въ вѣка просвѣщенные, то въ X-го столѣтіи, судя потому, что мы доселѣ знаемъ, едвали было возможно. Невниманіе другъ къ другу народовъ доходило до совершеннаго презрѣнія даже такихъ подвиговъ, въ которыхъ выразилась первая мысль о взаимности ихъ. Вотъ почему мы такъ бѣдны народными свидѣтельствами даже о самой примѣ-

чательной эпохѣ жизни нашей, объ обращеніи въ христіанство и о возникаціи словянскаго Богослуженія.

Церковь, однакожъ, хранила память нетолько о событіи, но и о сподвижникахъ, и благодарно чтила ихъ. Она достойно спасла отъ народнаго забвенія и великій актъ общенія Грековъ и Болгаръ и имя перваго мужа, завѣщавшаго неблагодарнымъ потомкамъ это общеніе. Оно изображено въ посланіи Патріарха Николая, который такую въ немъ воздалъ высокую честь первому просвѣтителю Болгаріи, Борису Михаилу, подобною которой онъ, можетъ быть, не пользовался у своего народа, едва сохранившаго о немъ въ письменности своей невнятныя намеки. Когда размиріе доходило до крайняго ожесточенія, страсти заглушали призывъ къ миру, Патріархъ Николай, ставя въ примѣръ Симеону подвиги его отца, Бориса, такъ наставлялъ его неувлекаться высокомѣріемъ и соблюдать въ обращеніи съ Римскими Императорами взаимное уваженіе.

— Какъ въ общемъ смятеніи часто недослышишь разумной рѣчи—писалъ онъ—такъ и нынѣ страсти не даютъ проникнуть до души твоей моимъ увѣщаніямъ.

Если это неправда, то какъ же доселѣ моему моленію о благѣ Болгаръ и Грековъ нѣтъ исполненія? что бы ни было, однакожъ, мнѣ нельзя молчать, мнѣ необходимо обращаться къ тебѣ; ибо горе мнѣ, если перестану быть посредникомъ въ дѣлѣ мира.

Вспомни же, сынъ мой, что съ того времени какъ Болгаре подчинили выю свою Христу, ты второй повелитель, принявшій надъ ними бразды правленія.

Борисъ, твой отецъ, положилъ основаніе зданію; тебѣ подабаетъ созидать его, но не разорять до основанія. Онъ связалъ узелъ съ любви Римлянами; ты долженъ скрѣпить его, не разсѣкать. Онъ по внушенію свыше отвратилъ

оружіе отъ гибели христіанъ; ты, его родной сынъ, прямой наслѣдникъ его благочестивыхъ помысловъ, ты обязанъ совсѣмъ отбросить оружіе это, какъ непотребное въ дѣлѣ мира. Такъ долженъ ты поступать и безъ увѣщаній, но не такъ, какъ поступаешь нынѣ.

Скажи, прошу, что, еслибы въ живыхъ былъ онъ, который нынѣ на небесахъ среди лика святыхъ пребываетъ, что сказалъ бы онъ, видя совершаемыя тобою разоренія и убіенія? Не исполнился ли бы онъ смятенія, не проклиналъ ли бы жизни своей и, рыдая, терзая власы свои, не взывалъ ли бы къ тебѣ: что дѣлаешь? За чѣмъ разрушаешь подвигъ, совершенный мною съ помощью Божіею, подвигъ, которымъ я, ты, весь родъ нашъ должны прославиться. Почто трудъ, за который все человѣчество меня и потомковъ моихъ ублажать будетъ—трудъ этотъ ты ни во что ставишь, себѣ же и всѣмъ намъ накликаешь бѣды? Такъ, рыдая, сокрушался бы онъ, еслибы, въ живыхъ и съ нами былъ. А нынѣ, предстоя престолу Всевышняго, славословимый за похвальный подвигъ просвѣщенія вѣрою, нынѣ, сознавая все, что ни совершается въ мірѣ, не пуще ли скорбѣть будетъ онъ о тщетѣ своего подвига, о тебѣ, сынѣ своемъ, призванномъ молитвами его въ преемники его доблестей?

Что, еслибы въ этой юдоли плача, онъ самъ предсталъ предъ тобою, не сказалъ бы тебѣ онъ и болѣе того, что выражено въ моемъ увѣщаніи? А ты—ты пишешь, что подражаешь Моисею. Скажи, что общаго тебѣ съ Моисеемъ? Какой завѣтъ Богомъ тебѣ данъ? Озаряемый какимъ свѣтомъ ты совершаешь то, что совершаешь?

Отъ какого порабощенія, отъ какого зла ты явился освободителемъ народу Болгарскому?

Повторять ли тебѣ, сколько зла народъ Божій

тобою вытерпѣлъ? Да, не внушенье Божье, но человѣческія страсти влекутъ къ дѣламъ Богопротивнымъ.

По словамъ твоего письма, отцы и праотцы ваши трудились, вамъ же слѣдуетъ пользоваться ихъ подвигами. Добро! Такъ слѣдовало бы тебѣ послѣ всѣхъ трудовъ отца твоего, трудовъ, понесенныхъ въ дѣлѣ мира Римлянъ и Болгаръ, такъ пользоваться ими, чтобы, вопреки его начинаніямъ, не замышлять дѣла, въ отвращеніе котораго онъ столько потрудился.

Такъ отвѣчаю тебѣ, предлагая миръ. Брось же оружіе и, склоняясь къ миролюбію, вырази справедливыя требованія свои. Всего, что Болгарамъ полезно, Римлянамъ же нетягостно, требуй по обычаю войны, но господствовать надъ нашимъ народомъ, присвоивать себѣ чужую власть—это невозможно, не выносимо для Римлянъ, объ этомъ нечего и писать.

Скажу еще тебѣ, соблюдай невозмутимость души и достоинство, подобающее твоему сану. Не достойно твоего сана обращаться съ обидою къ тому, кому вручено Богомъ хранимое царство Помни, что тотъ, кто попущеніемъ Божіимъ наноситъ ему вредъ, до времени до пор торжествуетъ; настанетъ часъ, и онъ преклонится предъ нимъ и признаетъ его господство.

Требуй, чего требовать можешь, но не унижай себя, выражая обиды. Обиды не дѣло людей, поставленныхъ высоко среди воздающихъ имъ честь. Не только властелины, но всѣ чествуемые люди не оскверняютъ себя обидою.

И Агаряне и Персы въ своихъ посланіяхъ соблюдаютъ подабающее царю обращеніе. Ты же своими обидами внушаешь жесткость выраженій въ обращеніи моего повелителя, который почитаетъ тебя братомъ и другомъ.

Послѣдуй же ему и, несмотря на войну, избѣгай обидныхъ словъ.

Такъ пишу тебѣ, пытаясь устранить все, что недостойно тебя и прибавить то, что достойно тебя. Да спасетъ же тебя Богъ отъ всякого безславія —

Пытаясь силою убѣжденія погасить ярость вражды, внушая достойное христіанъ уваженіе другъ друга, церковь глубоко сознавала долгъ свой направлять частныхъ людей, сословія и цѣлые народы къ мирному рѣшенію возникавшихъ противорѣчій. Сдерживая порывы несвоевременнаго соперничества, опрокидывавшаго всякое прекословіе, она укрѣпляла надежды на лучшее будущее, воспитывая въ сердцахъ народовъ чувство взаимности и пощады другъ друга.

Она первая въ исторіи новѣйшихъ народовъ выразила возвышенную довѣренность въ назначеніе народовъ и именно тогда, когда обнаруживала сомнѣніе въ правотѣ ихъ притязаній, возбуждаемыхъ честолюбіемъ, любостяжаніемъ и слѣпымъ удальствомъ. Эта довѣренность, указывая на здравыя начала развитія, соединена была съ опасеніемъ, дабы народы не уклонялись отъ пути, по которому должны были слѣдовать. Однимъ словомъ, церковь сознавала необходимость успѣховъ, движенія впередъ, преобразованія, но отрицала насильственное стремленіе къ предположенной цѣли, предвидя въ немъ гибель народовъ.

Въ соперничествѣ двухъ народовъ, Болгаръ и Грековъ, представлявшихъ собою два противоположныя начала, эта довѣренность, соединенная съ опасеніемъ, высоко ставила церковь надъ современными страстями въ то время, когда лукавое мудрованіе увлекало борьбу не къ защитѣ свободы народовъ, но къ порабощенію другъ друга.

Привожу, наконецъ, въ назиданіе настоящему смутному времени, одно изъ лучшихъ посланій Патріарха Николая и питаю убѣжденіе, что оно и въ XIX столѣтіи найдетъ сочувствіе и, можетъ быть, послушное признаніе.

— Не престану быть вѣрнымъ долгу своему, блюсти пользы Болгаръ и Римлянъ; ибо знаю, что ожидаетъ того, кто предвидѣлъ и неотвратилъ угрожающей опасности; знаю, что съ него взыщется вся пролитая кровь.

И такъ немогу молчать, питая надежду, что мои увѣщанія, если не прежде, такъ теперь доступны будутъ разумѣнію и безпримѣрная распря получитъ конецъ.

Послушай, что собственными устами высказалъ я своимъ повелителямъ.

Я говорилъ имъ: непрезирать мира, только о своихъ подданыхъ имѣть попеченіе, перестать отъ злаго соперничества, прекратить кровопролитіе и единственно имѣть въ виду пользу, которая возникнуть можетъ отъ мира между Римлянами и Болгарами.

И повелители мои, хотя и пострадали много отъ Болгаръ, готовы подчиниться моему увѣщанію, готовы отстать отъ злой войны.

Теперь и тебя прошу подражать образу ихъ мыслей—остановиться въ совершаемыхъ злодѣяніяхъ. Бѣдствія Болгаръ и Римлянъ невыносимы, они отягощаютъ ихъ слишкомъ долго.

Подумай о своихъ разореніяхъ и послушай меня какъ отца, любящаго тебя и твой народъ. Богу вѣдомо, сколько васъ люблю и сколько сокрушаюсь о Римлянахъ и Болгарахъ.

Конечно, о Римлянахъ, взирая на то, какъ много зла и неправды они переносятъ, имѣю болѣе упованія; о Болгарахъ теряю добрую надежду.

Вы на счастіе полагаетесь; но что за счастіе, когда правды съ нимъ нѣтъ? Развѣ неслучалось и другимъ народамъ быть счастливыми и тогда, когда, довѣряя счастію въ воинственомъ задорѣ, они увлекались недеждою на успѣхъ, они погибали, исчезали такъ, что едва имя ихъ оставалось въ исторіи. Ты самъ удостовѣришся въ этомъ, ибо знаю, что ты любознателенъ и древнія книги перечитываешь.

Вотъ почему страшусь я, да и съ вами не случится тоже. Силюсь отвратить это, отрицаю это, да подобное забвеніе не постигнетъ васъ, христіанъ,

Устранимъ же соблазны—да возвратится народъ Болгарскій къ миру, истинному счастію, подчиняясь единой главѣ, Іисусу Христу, котораго Греки и Болгаре составляютъ одно тѣло.—

Въ такихъ чертахъ выразилось возвышенное участіе въ трудной тяжбѣ двухъ спорныхъ началъ, участіе мужа, который, испытавъ гоненія и бѣдствія, съ нимъ неразлучныя, дорожилъ прежде всего счастіемъ народовъ. Сдружить ихъ, признавая безпристрастно правоту и виновность той и другой стороны, замѣнить вражду братствомъ, притязанія достойнымъ соблюденіемъ добытого—это было существенною мыслію посланій, обращенныхъ къ главѣ враждовавшаго народа. Въ нихъ отразились и глубокое сознаніе трудности преодолѣть бытовыя побужденія и забота о примиреніи, главнымъ условіемъ котораго была вѣра въ лучшее будущее, обѣщаемое успѣхами просвѣщенія. Твердая надежда на обѣтованные успѣхи народовъ, просвѣщаемыхъ христіанствомъ, была преимущественнымъ отличіемъ представителей церкви, обуреваемой часто насущными замыслами себялюбивой мірской политики.

Въ отношеніяхъ, слѣдственно, Константинополя къ

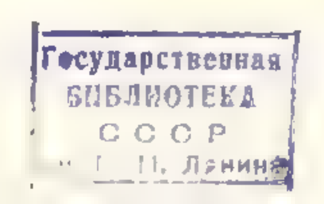
сѣвернымъ народамъ не одни только замѣтны вражды и происки, вызываемые матеріальными интересами. Среди ихъ не близорукому взору выкажутся нантія, движеніе которыхъ противоположно было корыстному стяжанію. Племена сѣверныя, смущаемыя злымъ соперничествомъ, невидимо испытывали силу, благодѣтельно пробуждавшую ихъ во мракѣ варварства отъ грезъ враждебныхъ предубѣжденій. Они ощущали какъ постепенно эта сила извлекала ихъ изъ языческой безсознательности и вводила въ семью просвѣщенныхъ народовъ. Это наитіе, эта сила исходила изъ Константинопольской церкви. Основываясь на приведенныхъ документахъ, мы смѣлѣе можемъ утверждать, что эта церковь, возвышаясь надъ монополіею, надъ вреднымъ разграниченіемъ, разъединеніемъ интересовъ сословныхъ, народныхъ и государственныхъ, вырабатывала мысль о равномѣрномъ развитіи въ народахъ исторической жизни, поставивъ исходною точкою христіанское просвѣщеніе.

Принимая народы въ свое общеніе, церковь Константинопольская первая внушала мысль доступнаго разумѣнію Богослуженія и не считала схизмою возможную самостоятельность.

Промыслъ ея о развитіи высшихъ стремленій въ народахъ встрѣчалъ, однакожъ, глухое противодѣйствіе въ духѣ смутнаго отрицанія, внушаемаго бытовымъ разладомъ, и въ зломъ соперничествѣ, завистливо подстерегавшемъ добычу мирныхъ успѣховъ. Голосъ ея о взаимномъ преобразованіи, къ несчастію, терялся въ пустынѣ народныхъ волненій.

Существенная ея задача исполнилась на дальнемъ сѣверѣ. Тамъ, на русской землѣ, оправдалось ея міровое призваніе воспитать въ племенахъ, вопреки усобицамъ и внезапнымъ нашествіямъ, сознаніе взаимности, возросшей до народнаго единства, до государственной всецѣлости.

*

Оправданію такой задачи у другихъ народовъ, призванныхъ къ общенію съ нею, искони поставлено было противодѣйствіе, которое объясняетъ послѣдующая ихъ исторія. Это противодѣйствіе, къ несчастію, отрицая существенное, не исключало покорности пришлому вліянію

Тяжко, а нельзя скрыть той печальной истины, что среди соперничества съ Византіею, тѣ пагубныя начала, которыя подтачивали ея могущество, стали мало помалу образцомъ исторической жизни этихъ народовъ. Повидимому, нося въ своемъ бытовомъ строѣ задатки истинной свободы, они имѣли возможность развить самостоятельную, исполненную жизни гражданственность. Исторія, однакожъ, обнаруживаетъ противное.

Увлекшись соперничествомъ, они свою народную жизнь приковали къ произволу и въ слѣпомъ подражаніи византійскому чину искали вожделенной цѣли своихъ стремленій. Передовые ихъ мужи, стяжавъ въ такомъ переимчивомъ соперничествѣ незавидную славу, обличали высокомѣрный эгоизмъ и готовность къ сепаратизму.

Особенно плачевны были судьбы Болгаріи. Всякій разъ, какъ удается поднять завѣсу ея темной исторіи, съ ужасомъ встрѣчаешь рабское подраженіе всему, что величалось въ Византійскомъ мірѣ. Ея самостоятельность не спасена была и такъ называемою независимостію церкви Мало чтимая своею паствою, эта церковь безмолвно покорялась произволу сильныхъ властелиновъ. Она едва охранила народъ отъ совершеннаго искаженія среди натиска иноплеменниковъ Предъ мірскимъ византійскимъ вліяніемъ она была безсильна. Самодовольное величаніе подвига, что и въ Болгаріи создалось нѣчто подобное византійскому царству, выступаетъ преимущественно на скудныхъ страницахъ Болгарской исторіи. Озаряясь такимъ подвигомъ, эта исторія безмолвіемъ своимъ

о внутренней жизни доказываетъ самозабвеніе, обличаемое незнаніемъ земли, на которой прозябало это новое византійское царство, и отношеній, отъ которыхъ зависѣла судьба народа.

Въ такомъ соперничествѣ, соединенномъ съ подражаніемъ, проходили вѣка. Отъ нихъ остались въ потомствѣ смутныя воспоминанія и смущающія притязанія. Сознать первыя и воодушевить правдою вторыя можетъ только безпристрастное познаніе существенныхъ задачь, которымъ слѣдовала Константинопольская церковь въ своихъ отношеніяхъ къ народамъ. Познавая ихъ, можетъ быть добровольно возвратимся къ мысли, проповѣданной великими ея пастырями, что соблюдая честь своей земли, своего народа въ предѣлахъ законныхъ, необходимо искать въ христіанскомъ преобразовательномъ просвѣщеніи какъ исходной точки такъ и конечной цѣли безукоризненнаго обоюдно полезнаго примиренія.

Отрицая эту мысль, отрѣшаясь отъ всего осязательно полезнаго, можно явить снова примѣръ двусмысленной борьбы, въ которой притязанія частныя возьмутъ верхъ надъ общею пользою. Смутное позорище народа, влающагося всякимъ вѣтромъ ученія, будетъ радовать людей, которые, сами раби суще тлѣнія, обѣщаютъ другимъ свободу. Безбрежность стремленій, дисгармонія дѣйствительно полезнаго съ воображаемымъ поощрятъ корыстные замыслы. Тогда-то подражаніе, усилившись до подобострастія, торопливо поспѣшитъ сгладить одно ученіе, чтобы замѣнить его другимъ.

При позорной угодливости чужимъ пѣстунамъ, кто незамѣтитъ отсутствія искренняго участія въ дѣлѣ славянской народности, отсутствія частія у именно тѣхъ, кто невидимому радѣетъ о ней. Маркитанство священными интересами

религіи, просвѣщенія народнаго, едва прикрываемое чувствительностію къ народной чести,—будетъ болѣе и болѣе обнаруживать разладъ между наружною заботливостію о землѣ, народѣ и скуднымъ знаніемъ этой земли, народа.

Вынося изъ давноминувшей жизни такія грустныя опасенія, чтоже скажемъ себѣ въ настоящее время? На какой истинѣ остановимъ послѣдній нашъ выводъ?

Когда въ настоящее время съ потребностію преобразованій, съ мыслію объ успѣхахъ замѣтно ослабѣла энергія вѣры, когда подобострастіе чужому ударилось въ обличеніе своихъ временныхъ неурядицъ, малодушіе наше, увлекшись отрицаніемъ, слишкомъ уже забываетъ прошедшее наше. Прошедшее это, добросовѣстно изученное, умѣрило бы наши притязанія и указалобы на давно сознанное движущее начало въ дѣлѣ народнаго развитія. Въ дѣлѣ именно народности и народнаго просвѣщенія церковь изрекла уже въ X столѣтіи ту мысль, которая, разумно приложенная къ жизни, болѣе можетъ содѣйствовать къ разрѣшенію недоумѣній, чѣмъ мірскія теоріи, внушенныя политикою.

«Каждому народу Провидѣніе даровало свое мѣсто, свое званіе, свою честь и каждый народъ обязанъ не пренебрегать, но сознать свое назначеніе» въ этихъ глаголахъ церковь X столѣтія передала XIX столѣтію завѣтъ, достойный соблюденія.

Почерпнемъ же въ этомъ завѣтѣ главное для насъ назиданіе—не переходить предѣловъ, не доводить себя до притязаній, противныхъ христіанской примирительности.

Да укрѣпитъ это назиданіе насъ въ борьбѣ съ тѣмъ

соблазномъ, который подъ именемъ народности смущаетъ начала, выработанныя испытующею наукою. Среди мирныхъ усилій основать на взаимности словянской взаимность съ просвѣщенными народами, наука встрѣтилась съ соблазнительнымъ, порожденнымъ внѣ церкви, ученіемъ, которое отвлекая отъ дѣйствительности, извращая подлинныя требованія народности, становится властелиномъ судьбы народовъ.

Кто не чуетъ, что въ этомъ, не по внутреннимъ потребностямъ, но по внѣшнимъ партіямъ усиливающемся, шумѣ о народностяхъ слышно шествіе лжепророка, льстиво метающаго въ міръ неосуществимыя обѣщанія? Кто не замѣчаетъ шествіе это по его предтечамъ, знаменующимъ раздробленіе цѣлаго, слабость власти, движеніе, броженіе?

Такъ вспомнимъ же вѣчнопамятныя усилія тѣхъ мужей Константинопольской церкви, которыхъ ученіе не къ умноженію недоразумѣній, не къ усиленію вражды, но, достойно вселенскаго своего призванія сдерживая страстную раздражительность соперничества, воспитывало въ народахъ потребность внутренняго преобразованія, ведущаго къ примиренію.

Дѣйствительность ихъ спасоноснаго ученія оправдаетъ и земля, которая изъ позорища безконечной борьбы превращаясь въ поприще мирнаго труда, была послухомъ того, какъ это ученіе, исходя изъ Константинополя, и черезъ Херсонъ и Босфоръ ширясь по всей Россіи, содѣйствовало духовному и государственному ея единству. ([16])

Необходимость этого ученія каждый почуствуетъ, кому понятно, что, кромѣ вопроса о народности, усиливающіеся интересы земскіе и государственные вызываютъ

благотворное участіе церкви, сдерживающее притязанія, поощряющее вѣрность долгу, утѣшающее обиженныхъ.

При такомъ участіи церкви, завѣщанномъ намъ вмѣстѣ съ водвореніемъ христіанства, будемъ уповать, что примирительность ознаменуетъ всѣ наши успѣхи въ наукѣ и гражданскомъ строѣ и что непрестанно усиливаться будетъ всенародная благодарность Тому, кто, указавъ на неизсякаемый родникъ народной нашей жизни, призываетъ насъ всѣхъ къ законному, равномѣрному, свободному преобразованію.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. см. Преосвященнаго Порфирія Успенскаго, четыре бесѣды Фотія С. П. К. С-Петерб. 1864. Въ этомъ важномъ для исторіи трудѣ приведены новыя свѣдѣнія о поводахъ нашествія Аскольда и Дира спр. стр. 57, 59.

2. см. Письмо 239 Патр. Фотія къ Антонію Архіеп. Босфорскому. Въ прекрасномъ письмѣ этомъ Фотій поощряетъ Антонія къ обращенію Іудеевъ Понтскихъ въ Христіанство. Предполагаю, что тотъ же Антоній былъ послѣ Патріархомъ Константинопольскимъ. О Херсонѣ, кромѣ того, что, сказано въ житіи св. Кирилла, прямыхъ свѣдѣній неимѣю. Позволю себѣ, однакожъ, выразить здѣсь свое предположеніе. Въ числѣ писемъ Фотія находятся письма къ Аѳанасію. Въ одномъ изъ нихъ упомянуты подчиненные ему монахи τῶν Συμβόλων, что, по моему мнѣнію, нынѣшняя Балаклава. Принявъ въ соображеніе сказаніе извѣстной греческой легенды о крещеніи Руси и извѣстіе это объ Аѳанасіи, предполагаю, что именно Аѳанасію этому поручено было дѣйствовать на сѣверные народы. См. Φωτίου τοῦ σοφ. καὶ ἁγ. Πατριαρχου Κωνσταντινουπολεως Επιστολαί, εκδ. ὑπὸ A. Βαλεττα, ἐν Λονδινῳ 1864 стр. 517, 553, 554, сл. Muralt Chronologie Byzantine p. 455 ср. В. Григоровича, Историческіе намеки о значеніи Херсона и его церкви, въ Херсон. Епарх. Вѣд. 1861.

3. Въ доказательство этого доброжелательнаго намѣренія Патр. Фотія привожу изъ письма его къ Борису Михаилу слѣдующія два наставленія.

4) Ἄρχε τοίνυν τῶν ὑπηκόων μη πεποιθὼς τυραννίδι, ἀλλὰ τῇ τῶν ἀρχομένων εὐνοίᾳ· εὐνοία γαρ μεῖζον ἀρχῆς βάθρον καὶ ἀσφαλέστερον, ἢ φόβος,

58) Πολλαχόθεν δεῖ τὸν ἄρχοντα θηρεύειν τῶν ὑπηκόων τὰς γνώμας, καὶ οὕτω κοινωνοῖς χρῆσθαι φιλίας καὶ αρχῆς καὶ βουλευμάτων. см. изд. Валетты писемъ Фотія стр. 232, 235.

4. О томъ, что Патріархъ Фотій могъ поощрять переводъ священ. писанія на народные языки, можно было заключать изъ житія св. Кирилла Словянскаго. Я съ своей стороны нахожу важнымъ то обстоятельство,

что Фотій, возражая иконоборцамъ, приводитъ въ доказательство разнообразія проявленія одной и тойже идеи разнообразіе переводовъ. Онъ именно, желая доказать нелѣпость, до какой можетъ довести ученіе иконоборцевъ, последовательность котораго должна была отрицать всякое разнообразіе, заключаетъ, что по ихъ ученію и переводы непозволительны, ибо *ἄλλοις γὰρ σχήμασι καὶ τύποις γραμμάτων τὸ Ρωμαϊκὸν, ἄλλοις δὲ τὸ Ἰνδῶν, καὶ ἑτέροις τὸ Ἑβραϊκὸν καὶ ἄλλοις τὸ Αἰθιόπων ἀπαρτίζονται (οἱ λόγοι εὐαγγελίου) καὶ οὐ μόνον τύποις γραμμάτων καὶ σχήμασιν ἀνομοίοις γράφονται, ἀλλὰ καὶ ἀπηχήσει καὶ σημασίᾳ φωνῆς ἑτεροειδεῖ καὶ ἀλλοτριωτάτῃ προφέρονται.* Изъ сего видно, что Константинопольская церковь, не такъ, какъ западная, относилась къ вопросу о переводѣ св. писанія.

По моему мнѣнію, нельзя еще терять надежды открыть документальное свидѣтельство объ участіи Фотія въ подвигѣ слов. Апостоловъ — водворить у всѣхъ словянъ словянское Богослуженіе см. *Φωτίου ἐπιστολαὶ ὑπὸ βαλεττα*, стр. 339.

5. Житіе этого патр. Антонія написано Никифоромъ философомъ въ X ст. см. Assemanni, Calendaria univ ecclesiae, Tomus sextus., p. 125. Тамъ упоминаются Скиѳы, Ѳраки и Мизы, на которыхъ простиралась заботливость Антонія. Предпологаю, что именно этотъ Антоній (*Καυλέας*) былъ прежде архіеп. Босфорскимъ, см. прим. 2.

6. Непосредственнымъ источникомъ для слѣдующаго обзора были: письма патр. Николая, изд. въ X т. Spicilegium Romanum, ученымъ Angelo Majo, Конст. Багрянороднаго de administrando imperio, Новеллы, современныя этой эпохѣ и Лѣтопись Михаила Атталіоты. Пособіемъ были: превосходные труды преосв Макарія, Филарета, С. Н. Палаузова, А. Ѳ. Гильфердинга и Монтрейля.

7. Нельзя не обратить вниманія на внутреннее состояніе Византіи при изученіи ея отношеній къ Словянамъ. На это указываютъ Новеллы. Я пользовался ими по изданію Левенклавія въ его Corpus juris Graeco-Romani tam. can quam. civ. Выпишу главныя мѣста изъ Новеллы Романа Лакапена: *ἀνθ' ὧν γὰρ ἐχρῆν τοὺς ἄρχειν ἐκ Θεοῦ λαχόντας, τοὺς δόξῃ καὶ πλούτῳ τῶν λοιπῶν ὑπεραναστηκότας περὶ πολλοῦ τὴν τῶν πενήτων ποιεῖσθαι προμήθειαν, οὗτοι καταβρωμα τούτους ἔχοντες, ὅτι μὴ τάχιον αὐτὰ κατέχουσι, δυσχεραίνουσιν.—ἡ γὰρ τοιούτων ἐπικράτεια προ-*

σώπων καὶ τῶν πενήτων τὴν πολλὴν ἐπηύξησε ταλαιπωρίαν, τῷ πλήθει τῶν οἰκετῶν τῶν μισθαρνούντων, τῶν ἄλλως ἐπιτρεχόντων καὶ συνόντων τὰς ἐπαναστάσεις τὰς διώξεις τὰς ἀγγαρείας ἐπάγουσα, τὰς ἄλλως ἐπακολουθούσας θλίψεις καὶ στενοχωρίας καὶ τὴν τοῦ κοινοῦ διαφθορὰν τοῖς συνοροῖς γενομένη οὐ μικρὰν, ἐμὴ προφθάσαι ἀναστείλη ὁ παρὼν νόμος. — Πολλοὶ γὰρ ἀφορμὴν εὐπορίας τὴν τῶν πενήτων λαβόμενοι ἀπορίαν, ἣν ὁ πάντα φέρων χρόνος ἤνεγκε, — αντι φιλανθρωπίας, ἀντι ἐλέου, ἀντι χρηστότητος λιμῷ πιεζομένους ὁρῶντες τοὺς πενητας οἱ μεν ἀργυρίῳ, οἱ δὲ χρυσίῳ, ἢ ἄλλαις τισὶν ἐπιδόσεσιν εὐώνως τὰς τῶν ἀτυχούντων πενήτων ἐξωνήσαντο κτήσεις, βιαιότερον τῆς προκειμένης ἀνάγκης, καὶ αὐτοῖς τῷ μετὰ ταῦτα χρόνῳ τοις ἀθλίοις τῶν χωρίων οἰκήτορσι γινόμενοι ὥσπερ τις λοιμικὴ νοσημάτων ἐπιφορὰ, γαγγραίνης δίκην, τῷ τῶν χωρίων ἐπεισφρήσασα σώματι καὶ τὴν πανωλεθρίαν ἐπισκευάζομενη· κ. τ. λ. стр. 160, 161. срав. Πανδωρα 1865 г. Май. Іюнь, Іюль стр. 220, 221 222, 223.

8. Михаилъ Атталіота, историкъ-юристъ XI ст. такъ описываетъ византійское управленіе: τοῖς δὲ Ρωμαίοις οὐδὲν τούτων διὰ φροντίδος ἐστίν, ἀλλ' οἱ μεν ἀρχηγοὶ τούτων καὶ βασιλεῖς προφάσει δημοσιακῆς ὠφελείας τα χείριστα καὶ θεομισῆ καὶ παράνομα διαπραττονται· ὁ δὲ τοῦ στρατοῦ προηγούμενος — πρὸς τὸ κερδαίνειν ὅλον ἑαυτὸν ἐπιτείνει καὶ τὴν στρατηγίαν ἐμπορίαν κέρδους, οὐκ εὐπραγίαν τοῦ ἰδίου ἔθνους οὐδ' εὐδοξίαν πεποίηται· τόδε λοιπὸν πλῆθος, ἐκ τῶν ἡγεμόνων τὰς ἀφορμας λαμβάνον — — αναισχυντοις ὁρμαῖς τοὺς ὁμοφύλους κακῶς καὶ ἀπανθρώπως μετέρχεται, ἀρπάζοντες κ. τ. λ. — ἀλλὰ τὸ πᾶν εἰς τὸ κέρδος τοῦ βουλεύματος καταντᾷ, κἂν ἱερα βεβηλῶνται, κἂν ἄνθρωποι βλαπτονταί стр. 195, 196 изд. Бонск.

9. Въ такомъ смыслѣ понимаю слова М. Атталіоты стр. 334. τῆς βουλγαρίας δυσκαταμαχήτου καὶ δυσαλώτου γινωσκομένης παντάπασι, και παρα τοῦτο μὴ ἀνιείσης τῇ Βύζαντι, το ἀνέσιμον καὶ την χωρηγίαν τῶν αναγκαίων, λαμπρῶς ἐκυριευσε· καὶ κατέστη τῇ

κος ζητῶν ἡμῶν τὴν ἐπιστροφὴν, οὐχὶ πρὸς ὀργὴν καὶ θυμὸν τὸν κατὰ Βουλγάρων ἐπιστρέψει, καὶ τὴν ἐκδίκησιν τῆς τοσαύτης ἐπάξει μιαιφονίας; ταῦτα υἱέ μου αγαπητὲ, ὁ Θεὸς γὰρ οἶδεν ὅτι ἀγαπῶ ὑμᾶς, τὴν ταπεινήν μου σπαράσσει ψυχὴν, καὶ ὅτι μανθάνω καὶ νῦν τὴν τοσαύτην συγκίνησιν τὴν καθ' ὑμῶν ἀποκεκινημένων ἐθνῶν· καὶ ἀλγῶ καθὼς ὑπὲρ τῶν Ῥωμαίων, οὕτω καὶ ὑπὲρ τῶν Βουλγάρων, μή ποτε φιλονεικούντων ὑμῶν καὶ ἔτι καὶ πολέμους ἐπιζητούντων ἀναλωθῆτε, οἷα πολλάκις συνέβη ἐν πολλοῖς ἔθνεσιν, αὔξησιν μὲν κατὰ χρόνους λαβόντων, τῇ δὲ φιλοπολέμῳ προαιρέσει τελείαν δεξαμένων απώλειαν.

Τοιαῦτα μὲν πολλὰ καὶ πολλάκις κατὰ τοὺς ἰδίους συνέβη καιρούς· νῦν δὲ ἀπευχόμενος μὴ τοῦτο καὶ ἐφ' ὑμῖν συμβῆναι, μὴ δὲ χριστιανοὺς ὑμᾶς ὄντας πρὸς τοιοῦτον καταντῆσαι τέλος, ἐπὶ πᾶσιν οἷς προλαβὼν τὴν σὴν φρονίμην καὶ ἥμερον ψυχὴν ἐδυσώπησα, καὶ νῦν δυσωπῶ, καὶ ὡς παρὼν περιπτύσσομαι, καὶ ὡς υἱῷ ἠγαπημένῳ τὰ συμφέροντα παραινῶ· τέκνον ἡμῶν, ἀρκετος, ὁ χρόνος, ὃν ἐξωρχήσατο κατὰ τῶν Ῥωμαίων καὶ τῶν Βούλγαρων ὁ κοινὸς ἐπίβουλος καὶ ἐχθρὸς, ἱκανὴ παρ' αὐτοῦ ἡ γενομένη ἐπήρεια, ἀρκεῖ τὰ μέχρι τοῦ παρόντος εἰς κοινὴν ἀπώλειαν γεγενημένα Βουλγάρων καὶ Ῥωμαίων, καὶ εἰς ἀληδόνα τοῦ Χριςοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν οὗ τινος καὶ Ῥωμαῖοι καὶ Βούλγαροι σῶμα τυγχάνουσιν ὡς μιᾶς κεφαλῆς· οἶδα ὅτι καθ' ἑκάστην τοῖς ζωοποιοῖς νάμασι τῆς διδασκαλίας τῶν τοῦ μακαρίου ἀποστόλου τὴν σὴν καλὴν καταρδεύῃ ψυχὴν· μὴ νικῶ ὑπὸ τοῦ κακοῦ, ἀλλὰ νίκα ἐν τῷ ἀγαθῷ τὸ κακὸν, ὁ ἥλιος μὴ ἐπιδυέτω ἐπι τῷ παροργισμῷ ὑμῶν, τί τοῦτο; πῶς ταῦτα μελετῶν; πῶς ἐκ παιδόθεν τούτοις ἐντραφεὶς; οἶδα γαρ ὅτι ὥσπερ φυτὸν ἐν διεξόδοις ὑδάτων εὐθαλὲς, οὕτω καὶ ἡ σὴ ἐν τούτοις ἀνετράφη ψυχή· διὰ τί τοσοῦτον ἐκράτησεν ἡ τῆς ψυχῆς πικρία· διὰ τί ἐπὶ τοσοῦτον ἐξέτεινεν ἡ ὀργὴ, καὶ βλέπειν ἐδώκαμεν τῷ ἡλίῳ ἐπὶ τοσοῦτον μακρὸν χρόνον τὰ ἐλεεινὰ ταῦτα θεάματα, ὅσα τὰ κοινούμενα ὅπλα μεταξὺ Ῥωμαίων καὶ Βουλγάρων θεάσασθαι παρέσχεν αὐτῷ;

δων σπουδάζειν ἑνῶσαι καὶ συνδῆσαι τὴν πρὸς ἑαυτῶν συμμαχίαν Πατζινακιτῶν.

14. Считаю долгомъ признательно упомянуть о двухъ біографіяхъ Патріарха Николая, которыя составлены были первостепенными отечественными учеными.

Первая помѣщена въ сочиненіи Преосвящ. Филарета, Историческое ученіе объ Отцахъ церкви Т. III стр. 381 изд. 1859 года. Вторая напечатана въ Твореніяхъ св. отцевъ издав. Моск. Дух. Акад. въ 1861 году въ книжкѣ 2-й, годъ 12-й стр. 163. Эта біографія есть самое подробное изложеніе дѣяній Николая по его письмамъ.

15. Читай статью В. Григоровича, Синодальное дѣяніе 1389 года о Духовномъ единствѣ Россіи, помѣщенную въ Архивѣ Историко-Юридическихъ свѣдѣній (Отд. II стр. 1.) издан. Н. Калачевымъ 1861 году. Въ этомъ документѣ замѣчательна мысль о духовномъ единствѣ древней Россіи: *οἱ θεῖοι πατέρες—ἐπεὶ τὴν κοσμικὴν οὐκ ἦν δυνατὸν ἀρχὴν εἰς ἓν ἀγαγεῖν, μίαν κατέστησαν τὴν πνευματικήν.*

ПОПРАВКИ.

Въ текстъ рѣчи вкрались ошибки, изъ которыхъ главнѣйшія прошу исправить такъ:

На стр.	1	вм. знаменіемъ	знаменемъ.
—	17	вм. илу	силу
—	22	смылъ	смыслъ.
—	22	упрочива лучшія	упрочивая лучшія
—	35	съ любви Римлянами	любви къ Римлянамъ.
—	43	частія у	участія
—	44	прискриваемое	прикриваемое

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ЧЕТЫРЕ ПОСЛАНІЯ

НИКОЛАЯ МИСТИКА

СВЯТѢЙШАГО АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО

къ

Симеону

Князю Болгарскому.

I. (XXIII.)

Ἐγὼ καὶ πρότερον ἔγραφον τῇ τιμιότητί σου, τέκνον ἡμῶν, καὶ γράφων παρειχόμην πληροφορίαν τῇ συνέσει σου, ὅτι οὐχ ἕνεκεν τῆς τῶν Ῥωμαίων κακώσεως, ἀλλὰ χάριν τῆς κοινῆς σωτηρίας Βουλγάρων καὶ Ῥωμαίων τοὺς λόγους ποιοῦμαι· καὶ τότε ἴσως ἐδόκουν ἄπιστα λέγειν ὑμῖν, καὶ νῦν δὲ γράφω τῆς αὐτῆς προαιρέσεως ὑπάρχων, καὶ τὴν αὐτὴν ἔχων κηδεμονίαν ὑπὲρ ἑκατέρου γένους, Βουλγάρων φημὶ καὶ Ῥωμαίων· ἵνα εἰ δυνατὸν ὅπερ ἐξ ἀρχῆς ἔδει γενέσθαι, ἐπηρείᾳ δὲ τοῦ δαίμονος οὐ γέγονε, κἂν νῦν δέξηται γένεσιν. ποῖον δὴ τοῦτο; φημὶ τῆς εἰρήνης τὸ μέγα πρᾶγμα, τὸ ἀγαπώμενον καὶ τῷ Χριστῷ καὶ θεῷ ἡμῶν, καὶ πρὸς συμφέρον ἐσόμενον τοῖς μέχρι τοῦ παρόντος ἐλεεινῶς καὶ ἀθλίως τὸν βίον διεξανύσασι, τὸ λῆξαι τῶν αἱμάτων τὰς χύσεις ὅσαι παρὰ χριστιανῶν εἰς χριστιανοὺς ἐνεργοῦνται. καὶ ταῦτα ἔγραφον μὲν πρότερον,, ὡς εἶπον, μετ' ὀδύνης καρδίας, καὶ νῦν ἐπιστέλλω μετὰ κέντρου τῆς ὀδύνης πληκτικωτέρου. πόθεν δὲ τὸ αἴτιον τοῦ νῦν σφοδροτέρῳ πλήττεσθαι ἡμᾶς κέντρῳ, ἄκουέ μου ἠγαπημένε. συγκίνησις δυνατωτάτη, ὅσον ἔστιν ἐμὲ ὑπολαβεῖν, ἐκ τῆς βασιλικῆς σπουδῆς κατὰ τῆς ὑμετέρας ἐξουσίας καὶ τοῦ σοῦ γένους, ἢ παρεσκεύασται, ἢ παρασκευασθήσεται, τῶν τε Ῥῶς, καὶ σὺν ἐκείνοις τῶν Πατζηνακιτῶν, ἔτι δὲ καὶ Ἀλανῶν, καὶ τῶν ἐκ τῆς δύσεως Τούρκων, πάντων ὁμοφρονησάντων, καὶ τὸν κατὰ σοῦ πόλεμον ἀραμένων.

Ταῦτα ἐπειδὴ ταῖς ἐμαῖς ἀκοαῖς προσῆλθον, ὅλως συνεχύθην, καὶ πλήρης ἐγενόμεν δακρύων, καὶ τὰς ὀλίγας καὶ πονηρὰς τῆς ἐμῆς ζωῆς ἐμεμψάμην ἡμέρας, ὅτι πρὸς σύμβασιν τοιούτων

I.

И прежде писалъ я твоей честности, сынъ мой, писалъ, удостовѣряя твое благоразуміе, что не изъ за обидъ Римлянъ, но ради общаго, Болгаръ и Римлянъ, спасенія веду я рѣчь. Тогда, быть можетъ, рѣчь моя казалась нестоющею вѣры, нынѣ же пишу съ тѣмъ же намѣреніемъ, съ тою же заботою о томъ и другомъ племени, говорю о Болгарахъ и Римлянахъ, дабы теперь, если возможно, сбылось то, что, хотя наважденіемъ демона и не сбылось, но должно было уже сбыться. О чемъ же это я говорю? Я говорю о великомъ дѣлѣ, любезномъ Христу и Богу нашему и обѣщающемъ пользу тѣмъ, которые доселѣ жалко и бѣдственно влачили жизнь свою, о прекращеніи кровопролитія совершаемаго христіанами на христіанахъ. Писалъ же я прежде съ пронзеннымъ болью сердцемъ, а теперь сильнѣе прежняго пронзаясь ею, шлю тебѣ посланіе. Послушай же, мой возлюбленный, отъ чего еще сильнѣе пронзаюсь болью. Вотъ царскимъ стараніемъ на вашу власть и вашъ родъ могущественное, сколько сообразить могу, нашествіе если не нарядилось, то наряжается, нашествіе Руси, и съ ними Печенѣговъ, еще же и Аланъ и западныхъ Турковъ, которые всѣ единомысленно согласились пойти на тебя войною.

Когда это дошло до моего слуха, я, весь смущенный, обливался слезами и проклиналъ злые дни жизни моей, продлившейся до такихъ приключеній, зачѣмъ я не погибъ,

πραγμάτων καὶ τὴν ἐξ αὐτῶν ἀλγηδόνα τῆς ἐμῆς καρδίας παρέτεινεν ὁ βίος ἡμῶν, καὶ οὐ προαπολόμην οὐδ ἀπῆλθον ἐκ τῆς παρούσης ζωῆς πρὶν ἢ ταῦτα γενέσθαι, καὶ ταῖς ἐμαῖς ἀκοαῖς τοὺς περὶ αὐτῶν προσελθεῖν λόγους· οὕτως οὖν διατεθειμένος καὶ τοῖς φιλοχρίστοις ἡμῶν βασιλεῦσιν, ἃ τὸ ἄλγος τῆς ἐμῆς ἐπέτρεπε καρδίας προσειπεῖν οὐκ ἀπώκνησα, καὶ πρὸς ὑμᾶς δὲ ἃ γράφειν προεθυμήθην γράφω· ἃ μὲν οὖν πρὸς τοὺς ἐκ Θεοῦ λαχόντας τοῦ Ῥωμαίων βασιλεύειν γένους ἐφθεγξάμην, ἃ ἐδυσώπησα, ὅσην παραίνεσιν ἐποιησάμην, ταῦτα ἐστιν ἐπισχεῖν τῶν ἐθνῶν ἐκείνων τὴν καθ' ὑμῶν σύγκίνησιν μακροθυμῆσαι, καὶ ἔτι ἐπὶ πᾶσιν οἷς ὑπέστησαν παρ' ὑμῶν ἀνιαροῖς· μὴ δὲ τοσοῦτον κινηθῆναι πικρίᾳ ψυχῆς καὶ αγανακτήσει τυχὸν εὐλόγῳ τοῦ τοσαύτην ἄμυναν πρὸς τὸ Βουλγαρων ἐπιδείξασθαι γένος, ὥστε παντι τρόπῳ φέρειν σπουδὴν τοῦ ἔθνη ἀθείᾳ συζῶντα, συγκόπτειν ἐπιστρέψαι τοὺς ὀνόματι μεν τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν ἐπικεκλημένους, ἀδελφοὺς δὲ καὶ τέκνα ὑπαρχοντας, εἰ καὶ διαβόλου ἐπινοήμασιν ὀλεθρίοις εις ἐχθροὺς και πολεμίους κατέστησαν.

Τοιαῦτα και ὅσα ἄλλα περιττόν ἐστι τῷ γραμματι συντάττειν, πρὸς τοὺς φιλοθέους ἡμῶν ἐφθεγξάμεν βασιλεῖς, καὶ τὸ γε φιλανθρωπον αὐτῶν καὶ ἐπιεικὲς αὐτίκα τῶν ἡμετέρων προσέσχε λογων, καὶ οὐκ ἀντεῖπον οὐδ ἐφιλονείκησαν πρὸς ἡμᾶς τοῦ ἄμυναν γενέσθαι πρὸς Βουλγάρους τοὺς οὕτω κακώσαντας τὴν ῥωμαϊκὴν ἐξουσίαν, ἀλλὰ πρὸς τὴν ἐξ ἀρχῆς παρ' αὐτῶν ἐπιζητουμένην εἰρήνην ὅλην τὴν προαίρεσιν ὤφθησαν ἐπικλίναντες, καὶ εἶπον τοιαῦτα πρὸς ἡμᾶς· ὦ πατὲρ καὶ ποιμὴν τῆς τοῦ Χριστοῦ ποίμνης, οὐκ ἐξέστημεν τῆς οἰκείας γνώμης, ὁπόσα δ' ἂν τὸ Βουλγαρων γένος εἰργάσατο εἰς ἡμᾶς χαλεπά, οὐδὲ λογιζόμεθα τὰ κεχυμένα παρ' αὐτῶν αἵματα τοῦ ἡμετέρου λαοῦ καὶ τὴν ἄλλην πανωλεθρίαν, ὅσην τῷ πονηρῷ δαίμονι ἐνεργούμενοι κατὰ τῶν ἡμετέρων εἰργάσαντο ὑπηκόων, οὐ μὲν ἀλλ' οὐδὲ τὴν καινοτομίαν ὅσην ὑπέστημεν ὑπὸ χρόνοις τοσούτοις εἰς τὴν τῶν νῦν ἀποκεκινημένων ἐθνῶν ἀποκίνησιν, οὐδ' ὅσα ἔτι μέλλομεν καινοτομεῖσθαι εἰς ἀριθμοῦ

зачѣмъ не отошелъ отъ настоящаго живота прежде чѣмъ сему было приключиться, прежде чѣмъ рѣчамъ объ этомъ дойти было до моего слуха. Въ такомъ смятеніи я не замедлилъ высказать христолюбивымъ царямъ моимъ все то, что скорбь сердца моего мнѣ внушала и къ вамъ пишу то, что писать крайне желаю. Что я къ властвующимъ по милости Божьей надъ родомъ римскимъ сказалъ, о чемъ увѣщевалъ, было слѣдующее. Въ долготерпѣніи своемъ остановить нашествіе на васъ народовъ этихъ, не смотря на обиды, какія вы нанесли Римлянамъ, не увлекаться душевнымъ озлобленіемъ и негодованіемъ, хотябы подъ предлогомъ защиты отъ народа Болгарскаго, до того, чтобы всячески народамъ живущимъ въ безбожіи внушать истребленіе именемъ Христа и Бога нашего нареченныхъ братьевъ и чадъ нашихъ, которые, однакожь, погубнымъ замысломъ діавола стали врагами и супостатами.

Такія рѣчи и другія, о которыхъ излишне былобы въ письмѣ излагать, сказалъ я Боголюбивымъ царямъ нашимъ и они по человѣколюбію и снисходительности не медля внимали этимъ рѣчамъ. Не возражали они мнѣ, ниже настаивали на такой защитѣ отъ Болгаръ, нанесшихъ столько обиды Римскому владычеству, но предпочтительно обнаружили всю наклонность къ миру, уже давно желанному, и такъ отвѣчали намъ. Отецъ и Пастырь Христова стада, какъ ни велико зло содѣланное Болгарами нашему народу, мы, однакожь, не отступаемъ отъ свойственныхъ намъ помышленій, не принимаемъ во вниманіе и разлива крови нашего народа и всякую пагубу, какую они, внушаемые демономъ, причинили нашимъ подданнымъ, ниже ставимъ въ расчетъ какъ то предпріятіе, на которое мы рѣшились по прошествіи столь многаго времени, вызывая движеніе народовъ, такъ и другія предпріятія; слѣд-

λόγον ποιούμεθα· ἀλλ' ἐπεὶ ταῦτα τὴν ἡμῶν διενοήθης παρακαλεῖν βασιλείαν, ἐκείνῳ εἰ βούλει ἐπίστειλον, ἀντὶ τοῦ πολέμου καὶ τῶν σφαγῶν τὴν εἰρήνην ἐπιζητῆσαι, καὶ εἴ γε λάβοις αὐτὸν τοῖς σοῖς πειθόμενον λόγοις, ἡμᾶς ἔχεις τῇ σῇ παρακλήσει μὴ ἀντιλέγοντας· ταῦτα μὲν ἃ ἡ ἐκείνων χρηστότης, καὶ ἡ τοῦ καλοῦ πράγματος τῆς εἰρήνης ἔφεσις πρὸς τὴν ὑμετέραν ὑπεφθέγξατο δέησιν· τὸ λοιπὸν ἐπὶ σὲ τέκνον ὑμῶν προβάλλομαι τὴν παράκλησιν, καὶ ὅπερ ἐξ ἀρχῆς, τοῦτο καὶ νῦν γράφω μετὰ θρήνων καὶ ὀδυρμῶν· ἀπόβλεψον πρὸς τὸ τῆς εἰρήνης ἀγαθὸν, ἀπόβλεψον πρὸς τὴν τοῦ σοῦ γένους σωτηρίαν, μὴ δ' ἐπιμείνῃς ἔτι τῇ κακίστῃ φιλονεικίᾳ, μὴ δὲ προτιμήσῃς τὰς σφαγὰς καὶ τὰ αἵματα, τὰς χηρείας, τὰς ἀπαιδείας, ἁπλῶς τῆς γῆς τὴν ἐρημίαν, τῶν καλῶν πραγμάτων καὶ ἡδίστων ὅσα ἐκ τῆς εἰρήνης Ῥωμαίοις περιγίνεται καὶ Βουλγάροις.

Γίνωσκε γάρ φημι καὶ πάλιν, εἴ τι ἐγὼ τὰ τῆς βασιλικῆς κινήσεως καθ' ὑμῶν κατενόησα πράγματα, πᾶν γένος οὐ μὴ λήξωσιν εἰς τῶν καθ' ὑμῶν ὄλεθρον συγκινοῦντες, οὔτε Τούρκους, οὔτε Ἀλανοὺς, οὔτε Πατζηνακίτας, οὔτε Ῥῶς, οὔτε τὰ ἄλλα σκυθικὰ γένη, μέχρις ἂν τὸ τῶν Βουλγάρων εἰς τέλος ἐξαπολέσωσι γένος· καὶ οὐκ ἔχω πῶς ἐπὶ τοῦτο ἀμφίβολον ἀναλήψομαι γνώμην, ὅτι μὴ πρὸς ἔργον ἡ καθ' ἑκάστην αὐτοῖς σπουδαζομένη μελέτη οὐκ ἀποβήσεται. εἰ μὲν γὰρ εὗρον τὰ σὰ πράγματα μετὰ τοῦ δικαίου τυγχάνοντα, καὶ πρὸς Θεοῦ ἀρέσκειαν προβαίνοντα, τάχα ἂν περὶ τῆς τῶν βασιλέων καθ' ὑμῶν σπουδῆς καὶ τῆς ἐπικρατείας ἔσχον λογισμοὺς ἀμφιβόλους παρέχοντας, ὡς τυχὸν οὔτε τῶν ἐθνῶν ἡ συγκίνησις, οὔτε τὸ τῆς ῥωμαϊκῆς βασιλείας ἐπιμελὲς καὶ πεφροντισμένον ἰσχύσει κατὰ Βουλγάρων, τῆς δικαιοσύνης συστρατευομένης ὑμῖν, καὶ τῆς ἄλλης παρὰ Θεοῦ παρ' ὑμῶν τεραπευομένης ῥοπῆς. ὅταν δὲ εἰς ἐνθύμησιν ἔλθω τῶν τοσούτων ἐκκλησιῶν τοῦ Θεοῦ τῆς καταστροφῆς, τῶν ἐπισκοπείων, τῶν μοναστηρίων, τοῦ φόνου τῶν ἱερέων, τῆς φθορᾶς τῶν παρθένων, τῶν μοναζόντων τῆς ὕβρεως, τίς ἐστι λογισμὸς, ὅτι ταῦτα παρόψεται ὁ Θεός; καὶ οὐχὶ τὴν μακροθυμίαν ἣν ἐπεδείξατο μέχρι τοῦ παρόντος, ὡς φιλάνθρωπος, ὡς ἀνεξίκα-

ственно, когда ты пожелалъ объ этомъ просить у нашего царскаго величества, то, коли желаешь, къ нему отправъ посланіе, дабы онъ вмѣсто войны и рѣзни взыскалъ мира, и, если снищешь послушаніе его твоимъ рѣчамъ, то не обрѣтешь и въ насъ противорѣчія просьбамъ своимъ. Такъ отвѣчали они на мои просьбы, внушаясь правдою и любовію къ дѣлу доброму, къ миру. По этому къ тебѣ, сынъ мой, обращаю мою просьбу и пишу, какъ и прежде, со слезами и рыданіемъ. Воззри на блага мира, воззри на спасеніе твоего народа, не упорствуй въ зломъ соперничествѣ, и убіенія, кровопролитіе, вдовства безчадіе, вообще опустошеніе земли не предпочитай тѣмъ благимъ и желаннымъ дѣламъ, какія ожидать можно отъ мира между Римлянами и Болгарами.

Повторяю, сообрази, что судя по предположеніямъ моимъ о царскомъ на васъ предпріятіи, дѣло состоитъ въ томъ, чтобы подвинуть на вашу гибель всѣ племена и неперестанно вызывать Турковъ, Аланъ, Печенѣговъ, Русь и еще другія скиѳскія племена до тѣхъ поръ, пока они не истребятъ весь родъ Болгарскій. И я не знаю, почему сомнительно былобы предположеніе о возможномъ осуществленіи на дѣлѣ замысла, тщательно обдуманнаго. Еслибы я зналъ, что дѣло ваше съ правдою соединено и направлено къ Богоугодной цѣли, то можетъ быть возъимѣлъ бы сомнѣнія о царскихъ замыслахъ и предпріятіяхъ, можетъ быть, ни движенія племенъ, ниже Римскаго царства обдуманныя и расчитанныя мѣры не одолѣлибы Болгаръ, которымъ соратовалибы правда и которымъ благопріятствалибы судьбы Божіи. Но когда приведу себѣ на память разореніе стольких Божіихъ церквей, епископій, монастырей, убійство священниковъ, растлѣніе дѣвъ, поруганіе монаховъ, то чѣмъ доказать, что Богъ презритъ

власть. Праведно слѣдственно, дабы ты былъ наслѣдникомъ не только державы твоего отца, но также наслѣдникомъ миролюбивой души и прочаго христіанскаго его настроенія. Онъ съ помощью Божію водрузилъ краеугольный камень, тебѣ подобаетъ на немъ созидать, но не разрушать и срывать это основаніе. Онъ завязалъ узелъ любви къ Римлянамъ, ты, елико возможно, долженъ скрѣпить его, но не разсѣкать; онъ по внушенію свыше отвратилъ отъ христіанъ смертоносное оружье, ты родной его сынъ, наслѣдникъ его Боголюбезнаго настроенія, ты, чтя отца, долженъ отбросить это оружье какъ безполезное въ этомъ дѣлѣ. Вотъ о чемъ подобаетъ думать тебѣ, вотъ что дѣлать должно и безъ сторонней просьбы, а не совершать такія, какъ нынѣ, жалкія дѣла. Спрашиваю тебя, чадо мое, и ты отвѣчай какъ прилично кротости и благости твоей. Если бы живъ былъ онъ (твой отецъ), нынѣ со святыми на небесахъ пребывающій и если бы видѣлъ все то, что ты дѣлаешь, ополчаясь на рать и убійства, то съ какими бы рѣчами онъ къ тебѣ обратился, съ какимъ, подумай, душевнымъ настроеніемъ онъ отнесся къ тебѣ? Не обливался бы онъ слезами, не исполнился бы смущенія и срама, не счелъ ли бы онъ жизнь свою несноснымъ бременемъ? Не терзалъ ли бы онъ своими руками почтенные власы на головѣ и бородѣ и, рыдая, не вопіялъ ли бы, что дѣлаешь, чадо мое? зачѣмъ похищаешь славу нашу? зачѣмъ то, что совершилъ я съ Божьею помощью, что стало похвалою мнѣ, тебѣ и всему нашему роду, зачѣмъ ты это уничтожаешь, зачѣмъ подвиги наши, за которые грядущее человѣчество ублажало бы меня и родъ весь нашъ, ты ниспровергаешь, причиняя этимъ себѣ и намъ незамѣнимую утрату. Что же? Если, здѣсь пребывая и съ людьми обращаясь, такъ тронулся бы онъ и такъ со слезами вопіялъ,

таковыя дѣла, что долготерпѣніе его, доселѣ являемое его человѣколюбіемъ и беззлобіемъ въ ожиданіи нашего покаянія, не превратится въ гнѣвъ и грозу противъ Болгаръ, взыскивая на нихъ возмездіе за такія душегубства. Вотъ что, сынъ мой возлюбленный (Богу вѣдомо, что я васъ люблю), что терзаетъ смиренную мою душу при вѣсти о нашествіи столькихъ подвинувшихся на васъ племенъ. Скорблю душою какъ о Римлянахъ такъ и о Болгарахъ, предполагая, что, вы соперничая и подстрекая себя къ войнѣ, истощитесь и, какъ это часто въ народахъ бываетъ, усиливъ современемъ вражду, погибнете въ злорадныхъ предпріятіяхъ.

Много бывало такихъ случаевъ и часто случались они въ свое время. Теперь молитвенно отрицая, да не случится тоже съ вами и васъ, Христіанъ, да не постигнетъ такой конецъ, спѣшу твою благую и кроткую душу умолять и еще умоляю и, какъ бы лично присутствуя, обнимаю тебя, предлагая какъ возлюбленному сыну то, что полезно. Сынъ мой, довольно уже времени наглумлялся надъ Римлянами и Болгарами общій злодѣй и врагъ, довольно искушенія было отъ него, довольно того, что доселѣ совершилось къ общему вреду Болгаръ и Римлянъ и къ скорби Христа и Бога нашего, котораго, какъ общей главы, Римляне и Болгаре составляютъ одно тѣло. Знаю, что ежедневно напаяешь свою прекрасную душу живоносною водою ученія блаженнаго апостола. Не дай себя побѣдить зломъ, но побѣждай зло въ благости и да не зайдетъ солнце въ ожесточеніи твоемъ. Что же это значитъ? Какъ же это понимаешь? не съ дѣтства ли такимъ ученіемъ ты воспитанъ? Знаю, что какъ древо, на исходищахъ водъ взращенное, такъ и душа твоя воспиталась такимъ ученіемъ. Такъ зачѣмъ же такъ возобладала

'Αρκεῖ οὖν ὅσα μέχρι τοῦ νῦν ἐθεάσατο πονηρὰ καὶ χαλεπὰ πράγματα· δεῖξον μεταβολὴν τὴν πρέπουσαν χριστιανισμῷ καὶ τῇ σῇ φρονήσει ἐπιστράφηθι πρὸς τὴν ὁμαλὴν τῆς εἰρήνης τρίβον· κατάλιπε τὴν τραχεῖαν τοῦ πολέμου ὁδὸν καὶ ἀκανθοφόρον, μᾶλλον δὲ ἀνθρωποφθόρον, ἣν ὁ τοῦ ἐξ ἀρχῆς ἀνθρωποκτόνου καὶ πονηροῦ δαίμονος ὑπέδειξε φθόνος· ἔτι καὶ νῦν ὁ φιλόχριστος βασιλεὺς ἕτοιμος τῷ συνδέσμῳ τῆς εἰρήνης ὡς υἱῷ σοι καὶ ἀδελφῷ συνδεδέσθαι καὶ πάντα χαρίζεσθαι καὶ πράττειν, ὅσα μετὰ τοῦ πρέποντος λόγου τὴν ὑμετέραν οἶδε θεραπεύειν ἐξουσίαν· μὴ βουληθῶμεν ἐπιμένειν ταῖς ἐπιβλαβέσιν ἐπινοίαις· μὴ δὲ πρὸς τοσούτων πλῆθος ἐθνῶν ἑτοίμων ὄντων, ἢ τὰς ἑαυτῶν ἀφεῖναι ψυχάς, ἢ παγγενῆ ἐξολέσαι Βουλγάρους, προαιρεθῶμεν παρατάξεις συνιστᾷν καὶ πολέμους· ἄδηλος ἡ τοῦ πολέμου ἔκβασις· μᾶλλον δὲ οὐκ ἄδηλος ὅσον ἐστὶ καὶ ἀνθρωπίνως λογίζεσθαι· καὶ πρὸς τὴν τοῦ θεοῦ δικαίαν νέμεσιν ἀφορῶντας ἐλπίζειν, σκεψώμεθα τὸ ἀσφαλές, καὶ μὴ προπετῶς ἐμβῶμεν εἰς τὰς πρὸς ἐκείνους συμπλοκὰς καὶ τὰς μάχας καὶ τὰς σφαγάς, μή ποτε μετ' ἐκείνων τῆς νίκης γενομένης περιπέσῃς κινδύνοις καὶ πράγμασιν, ἐξ ὧν ὕστερον ἀπαντήσεται μὲν βλάβη καὶ αἰσχύνη καὶ μεταμέλεια. οὐκ οἶδα δὲ εἰ καὶ μεταμελούμενος ἐπιτεύξῃ τινὸς τῶν δυναμένων παραμυθίαν τινὰ τῶν περιστοιχιζόντων χαλεπῶν περιποιήσασθαι ὑμῖν.

Ταῦτα, τέκνον ἡμῶν, ἔγραψα δακρύων καὶ ὀδυρόμενος καὶ ἀγωνιῶν καὶ φόβῳ πολλῷ συνεχόμενος, μή πως καταλαβεῖ τὸ Βουλγάρων γένος τοιαῦτα πάθη οἷα πολλοὺς κατέλαβε, δόξαντας μὲν πρὸς καιρὸν εὐτυχίαν τινὰ περιβάλλεσθαι, μετέπειτα δὲ τῇ ἐσχάτῃ δυστυχίᾳ περιπεσόντας· ἀφίημι τὰ παλαιά, καὶ ὧν ἐξ ἱστορίας καὶ ἀναγνώσεως τὴν γνῶσιν κεκτήμεθα· ἀλλ' ὅπερ νῦν γέγονε, πάντως δὲ νομίζω καὶ μέχρι τῶν σῶν ἀκοῶν φθάσαι τὸν λόγον. Λέων ἐκεῖνος, ὁ τριπολίτης ὁ ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης διὰ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν ὄνομα κτησάμενος μέγα, καὶ ἀναβεβηκὼς πρὸς ὀφρὺν εἰς οἵαν οὐκ οἶδα εἴ τις ἄλλος ἐν ταῖς ἡμέραις ταύταις, ἐξεστράτευσε τοιαῦτα καυχησάμενος, ὡς μέχρι τῆς βασιλί-

душевная злоба? Зачѣмъ гнѣвъ такъ долго продолжается, и такъ долго солнце зритъ на жалкое позорище, которое являютъ Римляне и Болгари, занося другъ на друга оружье.

Достаточно, слѣдственно, явлено было доселѣ злыхъ и коварныхъ дѣлъ, покажи перемѣну, подобающую христіанству и твоему благоразумію; возвратись на гладкую стезу мира, оставь путь войны неровный и тернистый указываемый завистію искони лукаваго человѣкоубійцы демона. И нынѣ еще христолюбивый царь готовъ союзомъ мира сдружиться съ тобою какъ съ сыномъ и братомъ и благодарно исполнить то, чѣмъ съумѣлъ бы удовлетворить вашей власти, не нарушая приличія. Не станемъ же упорствовать въ пагубныхъ злоумышленіяхъ, не будемъ коснѣть въ пагубныхъ намѣреніяхъ и не предпочтемъ вооружений и войны, когда столько народовъ готовится или душу свою положить или поголовно истребить Болгаръ. Исходъ войны не извѣстенъ. Судя, однакожь, по человѣчески едва ли онъ въ пользу вашу, если предположить праведное Божье возмездіе. Итакъ, будемъ имѣть въ виду то, что вѣрно и не станемъ нагло пускаться съ ними въ стычки, сраженія и убійства, дабы на случай, если побѣда за ними останется, ты не попалъ въ бѣды и тѣсноты, за которыми послѣдуютъ вредъ, посрамленіе и раскаяніе. Окруженный бѣдами, раскаявшись, незнаю, найдешь ли кого либо, кто подалъ бы тебѣ подкрѣпленіе и пособіе.

Вотъ что сынъ мой, написалъ я тебѣ съ плачемъ, рыданіемъ и стономъ, боясь, дабы непостигли Болгаръ такія же страданія, какія постигали многихъ, обаянныхъ на время счастіемъ, вскорѣ, за тѣмъ, однакожь, ввергнутыхъ въ крайнія бѣдствія. Оставляю древнія примѣры, о которыхъ чтеніе исторіи подаетъ свѣдѣнія, но скажу то, что

δος ἀφίξομαι πόλεως, καὶ τυχὸν μὲν ἑλῶ ταύτην· εἰ δὲ μὴ τοῦτο, ἱκανόν μοι καυχήσασθαι ὅτι πρὸς τὴν βασιλίδα τῆς ῥωμαϊκῆς ἐξουσίας παρεγενόμην πόλιν, καὶ βέλη κατ' αὐτῆς ἐξεκένωσα· ἀλλὰ γὰρ οὗτος ὁ τοιαύτην λαβὼν φαντασίαν, ὁ οὕτως ἐπηρμένος, ἤλασε μὲν μέχρις οὗ τοῦτον ἡ τοῦ Θεοῦ συνήλασε ψῆφος· ἔςι δ' ὁ τόπος νῆσος ἡ λεγομένη Λῆμνος· ἐκεῖ τοίνυν καταλαβών, καὶ φανταζόμενος οἷα ἐφαντάζετο, ἔτυχε τῆς παρὰ τοῦ Θεοῦ δικαίας ἀνταποδόσεως· καὶ ὅρα μοι ὅσος ὁ χρόνος τῆς τοῦ Θεοῦ ἀνοχῆς καὶ μακροθυμίας, τέκνον μου ἠγαπημένον· καὶ γὰρ ὑπερήλασεν ἔτος που δέκατον καὶ ἐπὶ τούτο ἕβδομον ἢ ὄγδοον· ἀλλὰ γὰρ μετὰ τὴν τοσαύτην παρολκὴν τοῦ χρόνου, οὐκ ἐξέφυγε τοῦ Θεοῦ τὴν κρίσιν, οὐ δ' εἰς τέλος συνεχωρήθη τοῖς ματαίοις λογισμοῖς ἐγκαυχᾶσθαι· πλοίμου γὰρ στόλου νῦν ἐπ' αυτὸν ἐξαποσταλέντας, ἀπήντησεν αὐτῷ τοιαύτη ἀπροσδόκητος καταςροφὴ καὶ ἀπώλεια· καὶ γὰρ ὁ μὲν ἐν τῇ ῥηθείσῃ νήσῳ διέτριβε πορθῶν καὶ ληϊζόμενος αδεῶς τὰ κατὰ τὴν χώραν ἅπαντα ὡς ἐνόμιζε· τούτου δὲ οὕτως διὰ τὰς ἡμετέρας ἐντρυφῶντος ἁμαρτίας καὶ φαντασιοσκοποῦντος τὰ τῶν οἰκείων λογισμῶν, καταλαμβάνει ὁ πλοΐμος τῶν Ῥωμαίων στόλος, καὶ πάντας ἐκεῖσε καὶ πλοῖα καὶ μαχητὰς καὶ ἁπλῶς τὴν ἀγαρηνὴν ἐκείνην δύναμιν μετὰ τῆς ἄνωθεν εὐμενείας καὶ δικαίας τοῦ Θεοῦ ἐπιβλέψεως τῷ ὀλέθρῳ παρέδωκαν.

Ὁρᾷς υἱέ μου, ἀγαπητὲ μετὰ πόσου χρόνου διαβάσεως τὸν ἀλαζόνα καὶ ὑπέροφρυν ἐταπείνωσεν ὁ Θεός; τοιαύτη γὰρ ἡ θεία χρηστότης, ἡ φιλανθρωπία· οὐκ αὐτίκα τὴν αὐτοῦ ῥομφαίαν ἐπαγει κατὰ τῶν ἐπαιρομένων καὶ ἀλαζόνων, ἀλλὰ στίλβει μὲν αὐτήν, ἐπέχει δὲ τὴν ἐπιστροφὴν ἀναμένων καὶ τὴν ἐπὶ τὰ χρηστότερα μεταβολὴν τῶν τέως ἀγαπώντων τὰ πλημμελῆ πράττειν, καὶ τὰ ἐκεῖνον λυποῦντα. μὴ γένοιτο δέ, καὶ πρότερον εὐχόμην καὶ νῦν εὔχομαι καὶ διὰ παντὸς τὴν εὐχὴν ταύτην ποιήσομαι, τοιαῦτα ὑμᾶς καταλαβεῖν, ἀλλὰ παρασχεθῆναι μὲν ὑμῖν ὑπὸ Θεοῦ ἐπὶ λογισμὸν ἐλθεῖν τῆς ἀγάπης καὶ τοῦ πόθου τῆς εἰρήνης, ναὶ Χριςέ, σῶτερ ἡμῶν καὶ Θεέ, καὶ σβεσθῆναι μὲν τὴν ἔχθραν, ἀπελαθη-

случилось не давно, и конечно достигло уже до твоего слуха. Тебѣ вѣдомо, какъ триполитскій Лѣвъ, который прославился взятіемъ Өессалоники и этимъ вознесса болѣе чѣмъ кто либо до него, ополчаясь сталъ похваляться, «пріиду де и на царь городъ и возьму его, а не то, довольно мнѣ и того, что на царствующій въ римской области городъ нападалъ я и бросалъ въ него стрѣлы», какъ онъ въ мечтаніяхъ такихъ носился до тѣхъ поръ доколѣ Божьи судьбы ему попущали Есть мѣсто, называемое островъ Лимнъ: туда то примчали его мечтанія и тамъ то получилъ онъ праведное Божье возмездье. Сообрази же теперь, возлюбленный сынъ, сколько времени продолжалось Божье попущеніе и долготерпѣніе. Вотъ уже прошло семнадцать или восемьнадцать лѣтъ и послѣ такой проволочки времени, не избѣгнулъ онъ Божьяго суда и не попущено было ему до конца суетными мечтами похваляться. На него отправленъ былъ снаряженный флотъ и его постигли нечаянныя напасть и погибель. Когда онъ въ упомянутомъ островѣ все разорялъ и грабилъ не страшась, какъ думалъ, ни кого, когда онъ, по грѣхамъ нашимъ, такъ глумился и предавался своимъ мечтамъ, прибылъ снаряженный Римскій флотъ и всѣ тамъ карабли и всю дружину, словомъ агаранскую эту силу поспѣшніемъ свыше и промысломъ Божіимъ предалъ погибели.

Видишь, сынъ мой возлюбленный, по прошествіи какого времени Богъ смирилъ хвастливаго гордеца: такова Божья благость и человѣколюбіе. Богъ не вдругъ возноситъ карающій мечь на возгордившихся хвастливцевъ, но, грозя имъ, сдерживаетъ его и ожидаетъ обращенія и перемѣны на лучшее тѣхъ людей, которые до сихъ поръ любили совершать преступныя и огорчающія его дѣла. Да не постигнетъ и васъ тоже самое, объ этомъ и прежде

ναι δὲ τὸν φιλοπόλεμον δαίμονα, καὶ διὰ τῆς ὑμετέρας ἐπιστροφῆς πρὸς τὰ καλὰ καὶ σωτήρια γενέσθαι ἀποστρέψους ἐκ τοῦ καθ᾿ ὑμῶν πολέμου, τοὺς οὕτω συγκινηθέντας καὶ ἔτι συγκινεῖσθαι καθ᾿ ὑμῶν μέλλοντας, καὶ ἀπειράτους συντηρηθῆναι ὑμᾶς πάσης βλάβης καὶ χαλεπότητος, ὅσην τοῦ πολέμου οἶδεν ἡ φύσις ἐπιφέρειν τοῖς ἐπὶ μοῖραν δυστυχεστέραν διὰ τῶν ὅπλων κατακλινομένοις·

II. (XXIV.)

Πολλάκις ἔγραψα πρὸς υἱὸν ἀγαπώμενον, ὡς πατὴρ ἐβουλόμην εἰπεῖν ἀγαπώμενος, ἀλλ᾿ οὐ δίδως μοι τοιαύτην ἀναλαβεῖν παῤῥησίαν, καὶ τοῦτο φθέγξασθαι, δι᾿ ἄλλην οὐδεμίαν αἰτίαν ὡς ἔοικεν, ἢ διὰ τὰς ἐμὰς ἁμαρτίας· γράφω καὶ νῦν τὴν αὐτὴν σώζων τῆς ἀγάπης πρὸς σὲ τέκνον ἡμῶν διάθεσιν, καὶ τὴν αὐτὴν φροντίδα ἔχων ἐν τῇ ἐμῇ ταπεινῇ ψυχῇ περὶ τῆς σῆς δόξης καὶ τῆς σωτηρίας τῆς κοινῆς τοῦ γένους τῶν Βουλγάρων καὶ Ῥωμαίων ἀνέσεως, καὶ τῶν κακῶν ἀποπαύσεως· οὐ δύναμαι δὲ σιωπᾷν ἐπὶ κοινοῖς πάθεσι, δι᾿ ὧν οὐ μόνον ἡ παροῦσα ζωὴ τοῦ κοινοῦ γένους ἀφανίζεται Ῥωμαίων καὶ Βουλγάρων, ἀλλὰ καὶ ἡ μέλλουσα ζωὴ ἀλλοτρίους ἀποδείκνυσιν αὐτοὺς τῆς ἰδίας μετοχῆς, καὶ θάνατος καλύπτει οὐδέποτε λύσιν δεχόμενος· ἡ γὰρ τῆς τοῦ θεοῦ βασιλείας ἔκπτωσις καὶ τῆς γλυκείας αὐτοῦ ἀπολαύσεως ἀποστέρησις, καὶ ἡ πρὸς κόλασιν αἰώνιον κατάκρισις· οἶδας, τέκνον μου ἀγαπητὸν, ὅτι θάνατος ἐστιν ἁμαρτωλῶν πονηρός· διὰ τοῦτο καὶ νῦν ἐπὶ τὸ γράφειν κεκίνημαι, δεόμενος καὶ προσπίπτων, καὶ τῶν σῶν γονάτων ἁπτόμενος ἀκοῦσαι κᾂν ὀψὲ ποτὲ καὶ μὴ ἀτιμάσαι τὴν δέησιν ἡμῶν, ἀλλὰ παρασχεῖν πατρὶ ταπεινῷ ἔτι παρόντι μοι ἐν τῷ βίῳ ἰδεῖν

молился, и нынѣ молюсь и всегда буду молиться; дай же Христе Боже и Спасе нашъ, дабы внушилъ вамъ Богъ помыслы доброжелательства и миролюбія, дабы погасла вражда, демонъ же войны прогнанъ былъ. Да съ обращеніемъ вашимъ къ благому и спасительному отвратятся отъ васъ ополчившіеся и ополчающіеся на васъ и да будете соблюдены отъ всякихъ золъ и бѣдъ, наносимыхъ обыкновенно войною тѣмъ, которыхъ оружье предаеть злому жребію.

II.

Часто писалъ я къ возлюбленному сыну, хотѣлъ было сказать какъ возлюбленный отецъ, но такой откровенности ты недопускаешь; не по другой причинѣ, кажется, какъ по грѣхамъ нашимъ; пишу же и теперь съ тѣмъ же расположеніемъ къ тебѣ, сынъ мой и съ тою же заботою въ смиренной душѣ моей о твоей славѣ и спасеніи объ упокоеніи народовъ Болгарскаго и Римскаго и о прекращеніи золъ. Не могу молчать при общихъ страданіяхъ, въ которыхъ не только присная жизнь общаго народа Римлянъ и Болгаръ сокрушается, но и будущая жизнь отчуждаетъ васъ отъ общенія, такъ что и смерть не предвѣщаетъ другаго разрѣшенія какъ отверженіе царствія Божьяго, лишеніе блаженной радости и осужденіе на вѣчное истязаніе. Такъ какъ ты знаешь, сынъ мой возлюбленный, что смерть грѣшника тяжка, по этому внушаюсь и теперь писать, умоляя, припадая и касаясь колѣней твоихъ хотьбы поздо выслушать и не пренебрегать просьбъ моихъ и дать возможность мнѣ пока еще живъ я увидѣть между Римлянами и Болгарами миръ, увидѣть прекращеніе пролитія христіанской крови, совершаемаго христіанскою десницею.

μεταξὺ Ῥωμαίων καὶ Βουλγάρων εἰρήνην, ἰδεῖν τὴν ἀνακοπὴν τῶν χριστιανικῶν αἱμάτων τῆς ἐκχύσεως ὑπο χριστιανικῆς δεξιᾶς ἐνεργουμένης· καὶ μὴ βουληθῆς υἱέ μου ἀγαπητὲ ἀπελθεῖν ἡμᾶς ἐκ τῆς παρούσης ζωῆς, ἤδη γὰρ εἰς τὸν τάφον προκύπτομεν, μετὰ τοῦ ἄλγους, μετὰ τοῦ σπαραγμοῦ τῆς ταπεινῆς ἡμῶν καρδίας, ὃν ἐπιφερόμεθα ἐπὶ τῇ τοσαύτῃ κακώσει τοῦ κοινοῦ λαοῦ τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν, ἐπὶ τῇ τοσαύτῃ οὐκ οἶδα πόθεν ποινηλασίᾳ, ἣν ὁ πονηρὸς δαίμων ἐμβαλὼν εἰς τὸ μέσον οὐ δύναται κόρον λαβεῖν τῆς ἀφορήτου κακώσεως·

Μὴ βουληθῇς, καὶ πάλιν φημί, τοῦ ἀπελθεῖν ὑμᾶς τοὺς ταπεινοὺς ἐκ τοῦ παρόντος βίου κεκακωμένους, καὶ τὴν ψυχὴν ὅλην διεσπαραγμένους ἐπὶ ταῖς κοιναῖς συμφοραῖς, αἳ χρόνος ὁρᾷς ὅσος Ῥωμαίους καὶ Βουλγάρους διαμερίζονται· ἀλλὰ τὸ μὲν ἐμὸν τοιοῦτον· δὸς δέ μοι καὶ περὶ σοῦ εἰπεῖν ἀλύπως καὶ ἀνεπαχθῶς, καὶ μηδὲν ἐφ' οἷς λεγομεν ἀγανακτήσῃς· ἀστάθμητός ἐστιν ἡ ἀνθρωπίνη ζωή, τέκνον ἡμῶν· οὐ μόνον οἱ γεγηρακότες οἷος ἐγὼ ὑπὸ τοῦ θανάτου ταχέως καταλαμβάνονται, ἀλλὰ καὶ πολλοὶ τῶν ἀκμαζόντων ἐν αὐτῇ τῇ ἀκμῇ τοῦ θανάτου τῷ δρεπάνῳ ὑπέπεσον, καὶ ἐν αὐτῷ τῷ ἄνθει τῆς ἡλικίας διεδέξατο τὸ ἀνθηρὸν ἡ τομή· τις οἶδεν εἴ γε οἷα πολλὰ τὰ ἀνθρώπινα καὶ ἐπὶ τῆς ὑμῶν θεοτιμήτου ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας συμπεσεῖται; εἶτα προσθήσω γὰρ καὶ τοῦτο τῆς σῆς ψυχικῆς φροντίζων καὶ σωτηρίας καὶ τῆς ἐν τῇ μελλούσῃ βιοτῇ ἀναπαύσεως· τί ὠφελήσει ἄνθρωπον, ἐὰν τὸν κόσμον ὅλως κερδήσῃ, καὶ τὴν ψυχὴν αὐτοῦ ζημιωθῇ; τίς δὲ ἀμφιβάλλει, θεοτίμητέ μου υἱέ, ὅτι ἀδελφὸς ἀδελφὸν ἀποκτείνας, οὐ ζημιοῦται τὴν οἰκείαν ψυχήν; ἐνθυμήθητι οὖν τὴν ἐν Χριστῷ ἀδελφότητα Βουλγάρων καὶ Ῥωμαίων; καὶ ὅσοι ἀδελφοὶ ἐξ ἑκατέρου γένους ὑπὸ ἀδελφικῆς ἐσφάγησαν δεξιᾶς·

Καὶ τούτων οἴδαμεν ὡς ἑαυτὸν ἔξω ποιεῖς αἰτίας, καὶ λέγεις ἄλλους ἄρξαι τῶν τοσούτων κακῶν· καὶ ἀληθῆ λεγεις καὶ ἡμεῖς ὁμολογοῦμεν, ὡς ἀνθρώπων ἀφροσύνῃ τῶν κατὰ καιροὺς εἰς τοῦτο συνελαθέντων ὑπο τοῦ δαίμονος παρέσχον τοῦ πολέμου τὴν αἰτίαν.

Не дай мнѣ, возлюбленный сынъ, мнѣ склоняющемуся къ могилѣ, разстаться съ настоящею жизнію, унося печаль, сердечное терзаніе, причиняемыя бѣдами людей Божіихъ, ожесточаемыхъ местью, внушаемою лукавымъ демономъ, несытымъ въ невыносимой злобѣ.

Не дай мнѣ, повторяю, разстаться съ настоящею жизнію обиженнымъ и душевно растерзаннымъ въ общихъ невзголіяхъ, которыя столько времени Римлянъ и Болгаръ разлучаютъ. О себѣ я столько могу сказать. Дай же теперь мнѣ о тебѣ написать безъ обиды и ненависти; не досадуй на слова мои. Жизнь человѣческая, сынъ мой, непостоянна; нетолько состарѣвшихся, какъ я, смерть постигаетъ, но ея коса поражаетъ и крѣпкихъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, посѣкаетъ даже самый цвѣтъ жизни; кто знаетъ, что по общему всѣмъ людямъ назначенію можетъ постигнуть и досточтимыя власть и державу твою? Еще прибавлю и то въ знакъ попеченія своего о спасеніи души и упокоеніи въ будущемъ животѣ: что поможетъ человѣку если весь міръ пріобрѣтетъ, душу же свою увредитъ и кто сомнѣвается, что бы братъ убивая брата не вредилъ свою душу? Такъ вспомни же о братствѣ Болгаръ и Римлянъ и о томъ, какъ много братьевъ изъ обоихъ народовъ братскою рукою были поражены.

Знаю, что ты за то ставишь себя внѣ вины, говоришь, что другіе положили начало такому злу. Ты правду говоришь и мы исповѣдуемъ, что поводы къ войнѣ поданы по неразумію людей, обстоятельствами по внушенію демона гонимыхъ. Они взысканы однакожь Божіимъ судомъ, осудившимъ какъ подобало, ихъ поступки и тебѣ предоставлено сторицею воздать имъ за то, что ты отъ нихъ пострадалъ. Остановимся же, сынъ мой, на томъ, что доселѣ къ общему вреду сдѣлано. Ты ополчаешся не

ἀλλ' ἐκείνους μὲν ἡ θεία δίκη δικάσασα ὡς ἐβούλετο, τῶν πεπραγμένων ἀπήτησε τὴν ποινήν, σοὶ δὲ παρέσχετο πολλαπλασίονα ὧν ἔπαθες ἀντιδράσαι αὐτούς· ἀρκεσθῶμεν, τέκνον ἡμῶν, μέχρι τοῦ νῦν εἰς κοινὴν βλάβην διαπεπραγμένοις· οὐ κατὰ ἀσεβῶν ὁπλίζῃ, οὐ κατ' ἐχθρῶν τοῦ σταυροῦ τοῦ Χριστοῦ, οὐ κατ' ἐθνῶν μὴ οἰδότων τὸ ὄνομα τοῦ Θεοῦ, ἀλλὰ κατὰ πατέρων, κατὰ ἀδελφῶν ἁπλῶς, κατὰ συγγενείας, ἣν οὐ σαρξ καὶ αἷμα, ἀλλα τὸ πανάγιον πνεῦμα ἥνωσε τοῦ Θεοῦ· ἕως πότε χορεύειν τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς αὐτοῦ παρέξομεν δαίμοσιν; οὐκ ἀγνοεῖς δὲ ὅτι χορείαν ἐκεῖνος συνίστησιν ἐπὶ τῇ τῶν χριστιανῶν πρὸς ἀλλήλους ἐκπολεμώσει καὶ τῇ τῶν αἱμάτων αὐτῶν ὑπ' ἀλλήλων γινομένῃ χύσει· καὶ σιγῶ τὰ λοιπά, τῶν ἐκκλησιῶν τὴν ἀπώλειαν, τῶν μοναζόντων τὸν σκεδασμὸν, τῶν παρθένων τὴν διαφθορὰν, τῶν γινομένων ὕμνων καὶ δοξολογιῶν ἐν τοῖς ἱεροῖς ναοῖς τὴν ἀπόσβεσιν· ἕως πότε τῷ Χριστῷ καὶ Θεῷ ἡμῶν τῷ διὰ τὴν ἡμῶν σωτηρίαν πτωχεύσαντι, τῷ ὑβρισθέντι, τῷ σταυρωθέντι, καὶ τοῖς φιλανθρώποις ἀγγέλοις αὐτοῦ ὑπόθεσιν λύπης καὶ κατηφείας διδῶμεν; ἢ ἀμφιβάλλεις, υἱέ μου, ἀλλ' οἶδα οτι οὐκ ἀμφιβάλλεις, ὡς ἐπὶ τούτοις μεγάλην ὀδύνην, καὶ ἵνα εἴπω μείζονα τῶν ἐπὶ σταυροῦ ἥλων ὁ Χριστὸς καὶ Θεὸς ἡμῶν ὑπομένει, καὶ σκυθρωπότης ἀσύγκριτος τὰς ἀγγελικας περιτρέχει δυνάμεις; εἰ καὶ κρίμασιν οἶδε χρηστεύεται καὶ μακροθυμεῖ, καὶ τέως ἀνέχει τὴν τιμωρίαν, καὶ τὴν ἐστιλβωμένην αὐτοῦ ῥομφαίαν κατὰ τῶν λυπούντων οὐκ ἐπαφίησι.

Τί με δεῖ πλέον πρὸς ἄνθρωπον χάριτι Θεοῦ πεπληρωμένον φρονήσεως γράφειν; οὐκοῦν ἐνταῦθα πεπαύσομαι· καὶ γὰρ εἰ μόνον βουληθείης πρὸς τὸ σὸν ἥμερον καὶ φιλάνθρωπον ἐπανελθεῖν, οὐ μόνον ταῦτα, ἀλλὰ πολὺ ἀνθρωπινώτερα καὶ κρείττονα κατὰ σεαυτὸν καὶ ἀνασκέψῃ, καὶ τὴν ἐξ αὐτῶν ὠφέλειαν ἀναθεωρήσεις. διὰ τοῦτο προσκείσθω ἣν διὰ παντὸς ἀναφέρομεν εὐχὴν τῷ Θεῷ, καὶ πλέον οὐδέν· ὁ Θεὸς καὶ πατὴρ τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὁ εἰς τὸν κόσμον ἐξαποστείλας αὐτὸν ἵνα λύσῃ τὸ μεσότοιχον τῆς ἔχθρας διὰ τοῦ αἵματος τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ, καὶ εἰρηνοποιήσῃ τὰ πάντα, αὐτος καὶ

противъ нечестивыхъ, не противъ враговъ Христова креста, не противъ народовъ, невѣдущихъ имя Божье, но противъ отцевъ, противъ братьевъ вообше, противъ родства, которое не кровью и плотью состоялось, но духомъ Божіимъ. Доколѣ допускать будемъ діаволу и его демонамъ глумиться? не знаешь развѣ, что онъ глумиться когда христіане воюютъ и взаимно кровь проливаютъ? Умолчу ли о прочемъ, о разореніи церквей разсѣяіи иноковъ, растлѣніи дѣвъ, объ умолчаніи въ церквахъ пѣснопѣній и славословій. Такъ до колѣ причинять будемъ скорбь и поношеніе Іисусу Христу Богу нашему, принявшему за спасеніе наше образъ нищаго, поруганіе и на крѣстѣ распятіе, доколѣ смущать будемъ человѣколюбивыхъ ангеловъ его? Развѣ ты сомнѣваешся (знаю однакожъ, что не сомнѣваешся) что отъ этого большую скорьбь и такъ сказать большее чѣмъ на крестѣ гвоздное пронзеніе Іисусъ Христосъ и Богъ нашъ претерпѣваетъ, а сонмы ангеловъ несравненно болѣе проникаются смущеніемъ? Конечно грѣхамъ такимъ благость Его еще терпитъ, удерживаетъ отмщеніе и незаноситъ меча, уже сіяющаго надъ обидящими Его.

Что же мнѣ писать болѣе къ человѣку по благости Божей исполненному благоразумія! И такъ на этомъ остановлюсь. Пожелай лишь ты возратиться къ свойственнымъ тебѣ кротости и человѣколюбію и ты самъ по себѣ познаешь не только это, но и все что болѣе согласно съ человѣколюбіемъ и выведешь отсюда полезное. И такъ, прибавлю лишь то моленіе, которое всегда возносилъ я къ Богу. Да Господь Богъ и Отецъ Іисуса Христа, пославшій его въ міръ дабы кровью сына своего устранить враждебныя преграды и всѣмъ миротворить, да самъ Онъ внушая въ сердце твое міръ, сокрушитъ сатану и обратитъ на голову его всю злобу, возникшую

νῦν βραβεύων εἰρήνην ἐν τῇ σῇ καρδίᾳ συντρίψοι τὸν σατανᾶν ὑπὸ τοὺς πόδας ὑμῶν, καὶ στρέψοι τὴν ἀπὸ τῶν σκανδάλων γενομένην κάκωσιν μεταξὺ Ῥωμαίων καὶ Βουλγάρων εἰς τὴν ἐκείνου κεφαλήν. καὶ δοίη πάλιν τῷ συνδέσμῳ τῆς γλυκείας εἰρήνης ὡς τὸ ἀπ' ἀρχῆς ἑνωθῆναι ὑμᾶς· καὶ ἀποκαθιστῶν εἰς τὴν πρέπουσαν πατράσι καὶ τέκνοις καὶ ἀδελφοῖς ἀγάπην τε καὶ στοργήν, οὕτως ἡμᾶς μὲν τῆς ταλαιπώρου ταύτης ἐξάγων ζωῆς, ὑμῖν δὲ μετα τῆς εἰρήνης μακρότητα ἡμερῶν παρέχων, καὶ τῆς ἐκεῖθεν αἰωνίου ζωῆς τὴν ἀπόλαυσιν.

III. (XXV.)

Ὅπερ ἐν ταῖς κοιναῖς συντυχίαις ὁρῶ συμβαῖνον, τέκνον μου θεοτίμητον, ὅταν πολλάκις θόρυβος προσπίπτων ταῖς ἀκοαῖς τὸν λόγον τοῦ προσομιλοῦντος οὐ συγχωρεῖ ἐξακούεσθαι, τοῦτο καὶ ἐφ' ἡμῶν γινόμενον κατανοῶ. καὶ γὰρ καὶ νῦν ὡς ἔοικεν ὁ θόρυβος τῶν ἐμῶν ἁμαρτιῶν ἀποκωλύει τοὺς λόγους ἡμῶν ταῖς σαῖς προσελθεῖν ἀκοαῖς, καὶ δι' αὐτῶν εἰς τὴν ἥμερόν σου καὶ φιλάνθρωπον ψυχὴν διελθεῖν· εἰ γὰρ μὴ τοῦτο ἦν, πῶς ἔχει λόγον τὰς τοσαύτας ἡμῶν δεήσεις ὑπὲρ τοῦ καλοῦ καὶ συμφέροντος Βουλγάροις καὶ Ῥωμαίοις ἀνηνύτους μέχρι καὶ σήμερον διαμεῖναι; πλὴν καὶ οὕτως ἔχοντος τοῦ πράγματος, ἐπειδὴ ἀνάγκη μοι ἐπίκειται μὴ σιωπᾶν, οὐαὶ γάρ μοι ἐστὶν ἐὰν τὸ μεσιτεύειν ὑπὲρ τῆς εἰρήνης καταλείψω, καὶ πάλιν γράφω καὶ οὐ παύσομαι γράφειν, ὥσπερ οὐδὲ τοῦ δέεσθαι τοῦ Θεοῦ, μεχρις ἂν αἱ ὀλίγαι τῆς ζωῆς ἡμῶν ἡμέραι διατρίβειν ἡμῖν ἐν τῷ παρόντι βίῳ διδόασι.

Τέκνον ἐμόν, σπλάγχνον ἐμόν, υἱὲ ποθεινότατε μετὰ τῆς

отъ его соблазновъ между Римлянами и Болгарами. Да возвратитъ Онъ вамъ единеніе въ союзѣ вождѣленнаго міра и возстановленіе подабающихъ отцамъ, чадамъ и братьямъ любви и преданности и тако, да освободитъ онъ меня отъ бѣдъ жизни сей, вамъ же да подастъ въ мірѣ долгоденствіе и въ будущей жизни вѣчное радованіе,

III.

Какъ въ общемъ смятеніи, вижу, случается, чадо мое Богоугодное, что нерѣдко шумъ, поражая слухъ, мѣшаетъ выслушать слова, гласно произносимыя, такъ и съ нами, думаю, сбывается. Кажется, что и нынѣ мятежъ нашихъ грѣховъ претитъ словамъ нашимъ до слуха твоего достигать и посредствомъ его проникать до кроткой и человѣколюбивой души твоей. Не будь этого, то какъ объяснить, почему остались неисполнимыми столь частыя просьбы мои на пользу и благо Болгаръ и Римлянъ? Хотя бы это и такъ было, видя, однакожъ, настоятельную нужду не оставаться въ молчаніи (горе бо мнѣ, если перестану быть ходатаемъ о мірѣ), пишу опять и писать неперестану, какъ неперестану Бога молить дотолѣ, доколѣ немногія дни существованія моего въ сей жизни дозволяютъ.

Чадо мое сердечное, сынъ мой желанный, сообрази съ свойственною тебѣ наблюдательности въ дѣлахъ, что съ той поры какъ Болгарскій родъ вию свою подклонилъ Христу и Богу нашему, ты второй, пріявшій надъ ними

ἄλλης ἣν ἔχεις τῶν σῶν πράξεων ἀναθεωρήσεως, καὶ τοῦτο ἐπίσκεψαι, ὅτι ἀφ' οὗ τὸ Βουλγάρων γένος τὸν αὐχένα ὑπέκλινε τῷ Χριστῷ καὶ Θεῷ ἡμῶν, δεύτερος σὺ τυγχάνεις ὁ τούτων δεσποτείαν ἐγκεχειρισμένος· καὶ δίκαιόν ἐστιν ὥσπερ κληρονόμος γέγονας τῆς ἀρχῆς τοῦ σοῦ μακαρίου πατρὸς, οὕτω καὶ τῆς ἐκείνου κληρονόμον εἶναι σε εἰρηνικῆς ψυχῆς, καὶ τῆς ἄλλης χριστιανικῆς καταστάσεως· ἐκεῖνος ἔπηξε σὺν Θεῷ τὸν θεμέλιον, σὲ πρέπον ἐστὶν οἰκοδομεῖν, ἀλλ' οὐχὶ καταλύειν, οὐδὲ τὸν θεμέλιον ἐξορύσσειν, ἐκεῖνος συνέδησε τὸν δεσμὸν τῆς πρὸς Ῥωμαίους ἀγάπης, σὺ ὀφείλεις συσφίγγειν ὅση δύναμις, ἀλλ' οὐχὶ διατέμνειν· ἐκεῖνος διὰ τῆς ἄνωθεν ἐπιπνοίας ἀπέστρεψε τὰ ὅπλα τῆς κατὰ χριστιανῶν σφαγῆς, σὺ ὡς τιμῶν τὸν πατέρα, ὡς ἐκείνου ὑπάρχων γνήσιος υἱὸς καὶ κληρονόμος τοῦ φιλοθέου τρόπου ὀφείλεις παντελῶς αὐτὰ ῥίπτειν ὡς ἀχρησίαν τῆς τοιαύτης ἐνεργείας· τοῦτο προσῆκόν ἐστι φρονειν τῇ σῇ μεγαλοδόξῳ ἀρετῇ, τοῦτο ποιεῖν καὶ χωρὶς τῆς ἑτέρωθεν παρακλήσεως, ἀλλ' οὐχὶ τοιαῦτα οἷα περ νῦν ἐλεεινὰ πράγματα γίνεται· ἐρωτῶ σε τέκνον ἐμὸν καὶ ἀποκρίθητι ἀξίως τῆς σῆς ἐπιεικείας καὶ ἀγαθότητος· εἰ τῷ βίῳ ἔτι παρῆν ὁ νῦν μετὰ τῶν ἁγίων ἐν οὐρανοῖς συνδιαιτώμενος, καὶ ταῦτα ἑώρα σε διαπραττόμενον, καὶ τὰς σφαγὰς καὶ τοὺς πολέμους ἐνεργοῦντα, τίνας ἂν ἔφη πρὸς σε λόγους; πῶς οἴει τοῦτον διατεθεῖσθαι τὴν ψυχήν; ἆρ' οὐκ ἂν ἐπληροῦτο δακρύων, οὐχὶ σκυθρωπότητος ἐγεγόνει πλήρης καὶ κατηφείας, καὶ ἀβίωτον εἶχε τὸν βίον; οὐχὶ τὰς τιμίας τρίχας τῆς κεφαλῆς καὶ τοῦ πώγωνος τίλλων ἀμφοτέραις χερσὶ μετὰ θρήνου τοιαῦτα ἐκέκραγε, τί ποιεῖς τέκνον ἐμόν; τί τὴν δοξαν ἡμῶν καθαιρεῖς; τί τὸν ἔργον ὅ σὺν Θεῷ ειργασάμην, καὶ ἐφ' ᾧ τε καύχημα ἦν ἐμοὶ καὶ σοὶ καὶ παντὶ τῷ ἡμετέρῳ γένει καταλύεις; τί τοὺς ἡμετέρους ἀγῶνας δι' ὧν ὁ σύμπας τῶν ἀνθρώπων βίος ἔμελλε μακαρίζειν ἐμέ τε καὶ τὴν ἐμὴν γενεὰν κενοὺς ἀπεργαζῃ καὶ ζημίαν οὕτως ἀσύγκριτον σεαυτῷ καὶ ἡμῖν ἐπάγεις;

Τί οὖν; εἰ μὲν ἐνταῦθα παρῆν σὺν ἀνθρώποις εἶχε τὴν διαγωγήν, οὕτως ἂν διετέθη, καὶ τοιαῦτα θρηνῶν ἐκεκράγει· νῦν δὲ

IV.

Хотя и часто писалъ я, сынъ мой, о мирѣ и спасеніи общихъ чадъ Іисуса Христа и Бога нашего (чада бо Его и Римляне и Болгаре, искупленныя Его честною кровью и народъ Его присный), но, хотя и часто объ общей обоихъ народовъ пользѣ писалъ я и хотя все писанное мною ни во что вмѣнено, не перестаю писать и не-перестану исполнять долгъ свой, избѣгая сколько возможно наказанія, угрожающаго всякому, кто, будучи призванъ къ предусмотрѣнію, не предостережетъ виновнаго о повинности карающему мечу, мечемъ взыскать кровь погибшаго. Страхъ такого наказанія какъ прежде такъ и послѣ заставляетъ меня не молчать предъ тобою, сынъ мой возлюбленный. Внушаюсь притомъ мнѣніемъ, что если не прежде, такъ нынѣ, твоя добрая и кроткая душа, на сколько могъ я узнать нравъ твой въ короткое свиданіе наше, внемлетъ увѣщанію отца, преданнаго сыну и потушитъ пылающій огонь, непрестанно вспыхивающій между Римлянами и Болгарами. Снова молю, снова увѣщеваю, снова кровавыми слезами обливаю посылаемое писаніе. Если былобы возможно слезами писать, то ты увидѣлъ бы, что слезы мои мало отличны отъ крови. Какъ же такія слезы не проливать, когда душу потрясаютъ страданія при безпримѣрномъ зрѣлищѣ всякихъ золъ, слагающихся изъ кровопролитія среди христіанъ, изъ побоищъ и разореній епископій, монастырей и частныхъ домовъ, которыя сатана непрестанно являетъ для настоящей жизни и для преданія грядущему поколѣнію.

По этому то, сынъ мой возлюбленный, писаніемъ своимъ бесѣдую съ тобою о томъ, что устами произношу предъ Боговѣнчанными царями. Обратите вниманіе на

τοῖς ἁγίοις συνὼν καὶ Θεῷ παριστάμενος, καὶ πολλῆς ἀποδοχῆς ἠξιωμένος ἕνεκεν τοῦ ἔργου, ὃ μετὰ Θεὸν Βουλγάροις εἰργάσατο, καὶ τοῦ θεμελίου τῆς πίστεως, καὶ εἰκότως ἐπ' αὐτῷ σεμνυνόμενος, καὶ τῶν νῦν ἐναντίων πραγμάτων λαμβάνων τὴν αἴσθησιν, πάντως δὲ οὐκ ἀμφιβάλλεις, τέκνον ἐμόν, ὡς ἔστι τοῖς ἐκεῖθεν βιοῦσιν ἁγίοις ἡ τῶν ἐν κόσμῳ γινομένων αἴσθησις, οὐ πολλῷ πλέον καί τοι λύπης ἁπάσης ἀνωτέρας τῆς ἐκεῖθεν ζωῆς τυγχανούσης ὀδυνήσεται, καὶ μεταξὺ τῆς ἀνεκδιηγήτου ἐκείνης φαιδρότητος σκυθρωπάζων ὀφθήσεται; τοῦτο μέν, καὶ το οἰκεῖον ἔργον ὑπὲρ οὗ τὴν ψυχὴν αὐτὸς ἔθηκεν, εἰ καὶ διὰ τῆς θείας δυνάμεως ὑπέρτερος γέγονε τῶν φονευτῶν· τοῦτο δὲ καὶ ὑπὲρ τοῦ οἰκείου τέκνου, ὑπὲρ οὗ δυσωπεῖ τὸν Θεόν· πᾶν εἴ τι καλὸν καὶ ἀρετῆς ἔνδειξιν ἔχον παρασχεθῆναί σοι, καὶ μετὰ τοῦτο καὶ τῆς ἄνω δόξης προσεπικτήσασθαι τὴν κληρονομίαν· αὐτὸν παρεῖναί σοι νόμιζε τέκνον ἐμόν, οὕτως ἐλεεινῶς διατεθειμένον, καὶ ἃ γράφομεν μὴ λόγους ἡμετέρους εἶναι, ἀλλ' ἐκεῖνον ὡς ἀληθῶς ταῦτά σοι διαλέγεσθαι· τίς γὰρ ὅλως ἀμφιβάλλει, ὡς ὁ τοῦ Θεοῦ ἄνθρωπος ἐκεῖνος ἐπὶ τοῖς σήμερον γινομένοις παρὰ σοῦ οὐ σφοδρῶς ἀνιᾶται; καὶ εἴ γε δυνατὸν ἦν, ἐκ τῆς ἐκεῖθεν μακαρίας ζωῆς πρὸς τὴν ἀθλίαν ταύτην καὶ ἡμετέραν παραγενέσθαι, ἧκεν ἂν οὐ μόνον τοιαῦτα πρὸς σέ, οἷα ἔφημεν λέγων, ἀλλὰ καὶ πολὺ πλείω τούτων, ἅ τε καὶ πολλὴν ἔχων εὐπορίαν, ὡς ἀπηλλαγμένος τῆς ματαίας ταύτης περιστροφῆς, καὶ τῷ πρώτῳ νοῒ πλησιάζων, καὶ ὅλως τῆς ἐκεῖθεν πεπληρωμενος ἐλλάμψεως.

Προέφερεν, υἱέ μου θεοτίμητε, τὸ σὸν γράμμα τὸν μέγαν Μωσῆν, καὶ τῇ ἐκείνου μνήμῃ ἔγραψας οἷα δὴ καὶ ἔγραψας· καὶ τίνα πρὸς τὸν Μωσῆν ἔχει τὰ ἡμέτερα κοινωνίαν; ποίους ἐδέξω παρὰ Θεοῦ χρησμούς; ποῦ δὲ τὴν θείαν ἐθεάσω δόξαν τοιαῦτα ποιεῖν προτρεπομένην οἷα πράττεις; ποίας δουλείας, ποίας κακώσεως λυτρωτὴς ἀνεφάνης τῷ λαῷ τοῦ Θεοῦ; ἐῶ γαρ λέγειν, ἐπεὶ πολλάκις αὐτὰς ἐξετραγῳδήσαμεν, ὅσαι κακώσεις παρ' ὑμῶν καὶ κατέλαβον καὶ καταλαμβάνουσι καθ' ἑκάστην τὸν λαὸν τοῦ Θεοῦ. μή,

то нынѣ, со святыми пребывая и Богу предстоя, сподобившись многаго привѣта ради совершеннаго имъ съ помощью Божьею подвига, которымъ въ Болгаріи положилъ онъ основаніе вѣры и зато достойно чтимый, нынѣ поражаясь противныхъ дѣлъ ощущеніемъ (конечно ты несомневаешся, чадо мое, въ томъ, что сподобившимся блаженной жизни святымъ дано ощущеніе всего того, что въ мірѣ семъ совершается) не скорбѣть ли онъ будетъ еще болѣе, хотя жизнь блаженныхъ и выше всякой печали, и неявитъ ли онъ себя среди неизреченной свѣтлости въ мрачномъ смущеніи, опасаясь какъ за свой подвигъ, за который душу свою положилъ, хотя силою Божьею онъ поставленъ внѣ причастія къ нынѣ совершаемымъ злодѣйствамъ, такъ и за тебя, сына роднаго, о которомъ онъ Бога молитъ подать ему нынѣ всѣ блага и доблести, въ будущемъ же наслѣдовать свышнюю славу. Представь же себѣ его самаго, жалостно представшаго тебѣ и, что теперь пишемъ, почитай не нашими словами, но словами, произнесенными его устами. И кто же сомневаться можетъ, чтобы этотъ Божій человѣкъ не скорбѣлъ о томъ, что ты совершаешь? И еслибы возможно было перенестись изъ блаженнаго онаго мѣста въ нашу бѣдную юдоль, то не взгласилъ ли бы онъ не только то что, увѣщая, сказали мы тебѣ, но и еще больше этого, такъ какъ ему, свободному отъ превратной и суетной сей жизни, ему, въ сіяніи приближенному къ безначальному Промыслу, дарована всякая къ тому возможность.

Письмо твое, сынъ мой благочистивый, упоминаетъ великаго Моисея и написалъ ты, поминая его, многія рѣчи; но что общаго имѣетъ наше дѣло съ Моисеемъ? какія отъ Бога получилъ ты заповѣди? гдѣ созерцалъ ты Божью славу, заповѣдавшую совершать такія дѣла, какія

τέκνον ἡμῶν, οὐκ ἔστι ταῦτα Θεοῦ προτροπῆς, οὐδ' ἀποστολῆς, ἀλλ' ἀνθρωπίνης οἴμοι πῶς εἴπω ἐπηρείας καὶ πράττειν ἀπεναντία τοῦ θεικοῦ θελήματος προαιρουμένης· ἔλεγε δὲ καὶ τὸ γράμμα καὶ ὅτι τῶν προπατόρων καὶ πατέρων πεπονηκότων, ἡμεῖς ἀπολαύομεν τῶν ἐκείνων πόνων· καλῶς· καὶ ἦν ἁρμόδιον, τέκνον ἡμῶν, τοῦ σοῦ ἁγίου πατρὸς ἐν τοῖς ὑπὲρ τῆς εἰρήνης πράγμασι τῆς μεταξὺ Ῥωμαίων καὶ Βουλγάρων πολλὰ καμόντος ἀπολαύειν ὑμᾶς ἀκολούθως τῶν ἐκείνου καμάτων, ἀλλ' οὐχὶ πρὸς ἐναντίαν τρέπεσθαι γνώμην, οὐδ' ἐν ἐκείνοις στρέφεσθαι καὶ νομίζειν ἀπόλαυσιν ὑπὲρ ὧν ἐκεῖνος, ἵνα σὺν Θεῷ καταργηθῇ, μακροὺς ἐνεδείξατο πόνους.

Εἴπου ταῦτα ἐκ τοῦ τὸ σὸν ἀναλέγεσθαι γράμμα, διδοὺς τὴν ἀπόκρισιν· λέγομεν δὲ πάλιν, ἃ καὶ πρότερον πολλάκις εἰρήκαμεν, ῥίψον τὰ ὅπλα τέκνον ἐμόν· παῦσον τοὺς πολέμους καὶ τὰς τῶν αἱμάτων χύσεις, ζήτησον εἰρήνην καὶ δίωξον αὐτὴν μετὰ τοῦ μακαρίου προφήτου, εἰ καὶ ἀνάξιος παραινῶ, καὶ ἀντὶ ταύτης τῆς προαιρέσεως ἐπιζήτησον ἃ ἴσως καὶ σὲ δίκαιον λαβεῖν καὶ Ῥωμαῖοι δώσουσι προθύμως· χρυσὸν εἰ βούλει καὶ ἄργυρον, γῆς τὴν ἐνδεχομένην ἀπόμοιραν, ἄλλων τινῶν πραγμάτων δόσεις, ὅσα καὶ Βουλγάρους εὐφρανοῖσι, καὶ Ῥωμαίοις οὐκ ἔσται ἡ δόσις ἀφόρητος· γεγόνασι πλειστάκις καὶ Πέρσαις πόλεμοι πρὸς Ῥωμαίους, καὶ Βουλγάροις τοῖςν ὑμῶν προγόνοις· ὡσαύτως καὶ ἐπὶ χρόνοις νῦν μὲν πλείοσι νῦν δὲ ἐλλάττοσιν· ἀλλὰ τέλος ἔλαβεν, καὶ πρὸς σπονδὰς κατέστησαν εἰρηνικάς, ὡρισμένων τελῶν χορηγουμένων, ποτὲ μὲν ἐξ ἐκείνων πρὸς Ῥωμαίους, ποτὲ δὲ Ῥωαίων ὑποτελούντων ἐκείνοις· καὶ ὡς ἐπὶ τὸ πλεῖστον τοιαύτη ἐςὶ τῶν πολέμων ἡ φύσις· τὸ δὲ φιλονεικεῖν παντελῶς ἀρχὴν λαβεῖν ἀλλοτρίαν, καὶ κύριον αὐτὸν καταστῆναι τοῦ ὅλου γένους καὶ τῆς ἐξουσίας, τοῦτο τῶν πάνυ δυσχερεστάτων, πρὸς δὲ τὴν ῥωμαικὴν βασιλείαν καὶ παντελῶς ἀδύνατον· ταῦτα ἐπειδὴ πλειστάκις ἐγράφη ἴσως καὶ νῦν οὐκ ἔδει γραφῆναι, ἀλλ' ὅμως τὸ γράμμα διὰ βραχέων ἀπεμνημόνευσεν. ἐν δὲ προσθεὶς ἔτι τοῦ γράφειν πεπαύσομαι.

Οὐδὲν οὕτως ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας ἴδιον, ὡς τὸ ἀταραχον καὶ

ты совершаешь? отъ какого рабства, отъ какого зла спасителемъ явился ты Божьему народу? Оставляю пересказывать то, что часто жалобно сказывалъ, сколько зла отъ васъ нанесено и наносится Божьему народу. Ни, сынъ мой, все это не по Божьему внушенію, ниже посланію, но по человѣческому злорадству, предпочитающему дѣла противныя Божьей воли. Еще же письмо твое сказываетъ, что де послѣ подвиговъ праотцевъ и отцевъ нашихъ мы пользуемся ихъ трудами. Добро! Такъ подобалобы тебѣ сынъ мой, послѣ того, какъ святой отецъ твой много потрудился въ дѣлѣ міра между Римлянами и Болгарами, соблюдать пользу, послѣдовавшую отъ его трудовъ, но не ударяться въ противоположныя замыслы, ища пользы, не вращаться около такихъ дѣлъ, къ устраненію которыхъ онъ положилъ много труда.

Такое возраженіе даю тебѣ въ отвѣтъ, прочитывая твое письмо. Скажу опять то, что и прежде, брось оружье, сынъ мой, останови рать и кровопролитіе, взыщи мира и стяжай его, совѣтую я, недостойный, вмѣстѣ съ пророкомъ; и, вмѣсто своего притязанія, требуй, что конечно праведно было бы получить тебѣ и что Римляне охотно дадутъ, золота ли хочешь или серебра, или земли приходящійся участокъ, другихъ ли вѣщей приношенія, которыя Болгарамъ пріятны, Римлянамъ же сносы. Бывали же рати у Персовъ на Римлянъ, и у Болгаръ, вашихъ предковъ, бывали онѣ то больше, то меньше времени, но проходили же къ концу и къ мирнымъ условіямъ, по которымъ бывало давали уряженную дань иногда они Римлянамъ, иногда же имъ Римляне. Таковъ вѣдь обычай войны. Но спорить изъ за того, чтобы чужую власть присвоить, поставить себя Господиномъ всего народа и всей державы, это одно изъ самыхъ непреодолимыхъ дѣлъ, и

γαληναῖον τῆς ψυχῆς καὶ τὸ καθάριον ἔν τε λόγοις καὶ πράξεσι· διά τι σὺν τέκνον ἡμῶν ἀνάξια ποιῶν τῆς σῆς ἀρχῆς ὑβριστικῶς γράφεις πρὸς τοὺς ἐγκεχειρισμένους ἀπὸ τῆς ἄνωθεν ψήφου τὴν βασιλείαν, ἣν μόνην ὁ Θεὸς ἀκατάλυτον ἐπὶ γῆς ἐπῆξεν; εἰ καὶ κρίμασιν οἷς οἶδε παραχωρεῖ τοῖς νομίζουσιν ἐπιτίθεσθαι, μέχρις ἂν ὁ παρ' αὐτοῦ διωρισμένος καιρὸς ἐπεστῇ· καθ' ὃν πάντες καὶ ἑκόντες καὶ ἄκοντες ὑποκλινοῦσι τὸν αὐχένα, καὶ τὴν αὐτῆς κυριότητα, καὶ ὁμολογήσουσι καὶ προσκυνήσουσι· γράφεις ὡς εἰκὸς ἃς οἱ πόλεμοι ἀντιλογίας προβάλλονται· γράφε ἀντιλέγων καὶ μὴ ὑβρίζων, ἀλλὰ φυλάττων τὴν ἐξ ἀρχῆς πρέπουσαν τοῖς ἄρχουσι μεγαλοπρέπειαν, καὶ μὴ καταβαίνῃς πρὸς τὸ εὐτελὲς καὶ ταπεινὸν τῆς σῆς ἐξουσίας ἀνάρμοστον· εὐτελῶν γὰρ ἀνθρώπων τὸ ὑβρίζειν, καὶ ἵν' εἴπω μὴ γνωριζόντων εὐσχημοσύνην, ἀλλ' οὐχὶ τῶν ἀναβεβηκότων καὶ εἰδότων ἑτέρους εὐσχήμονας ἀποτελεῖν· ἢ ἀγνοεῖς, τέκνον ἡμῶν, ὅτι ὡς ἔπιπαν οὐ μόνων τῶν ἄρχειν λαχόντων, ἀλλὰ καὶ ὅσοι τῶν ἄλλων ἀνθρώπων σεμνότητος ἀντιποιοῦνται, τὰς ὕβρεις ὥσπερ τι ῥύπασμα διωθοῦνται καὶ ἀποστρέφονται, καὶ φείδονται τὸ καθάριον τῆς γλώττης καὶ τῶν λόγων, καὶ πρό γε τούτων τῆς γνώμης ἐν τῷ ῥυπάσματι περισύρειν τῶν ὕβρεων.

Τί με δεῖ λέγειν ἀρχαίους τε καὶ νέους, Πέρσας, Ἀγαρηνοὺς ἄλλους πρὸ τούτων, ὅσοι ἀρχὰς ἐπιστεύθησαν; ὡς πολλάκις πολέμων ἀναμεταξὺ κινουμένων, τὰ μὲν τοῦ πολέμου ἐνήργουν, ὕβρεων δὲ καλῶς καὶ ἀρχικῶς φρονοῦντες ἀπείχοντο· καὶ μέχρι τοῦ νῦν οὔτε ὁρᾶται γινόμενον· γράφουσιν Ἀγρηνοὶ τὰ μὲν ἄλλα ὅσα ὑποβάλλουσι τῶν πραγμάτων αἱ ὑποθέσεις, τὴν ὀφειλομένην δὲ καὶ προσηγορίαν καὶ τιμὴν ἀποσώζοντες τῇ βασιλείᾳ· οὕτω καὶ σύ, τέκνον ἡμῶν, τὸ πρέπον τῇ σῇ μεγαλοπρεπείᾳ σώζων ἀπέχου τῶν ὕβρεων, ὅταν γράφῃς· μάλιστά γε καὶ τοῦ πρὸς σὲ στελλομένου βασιλικοῦ γράμματος μηδὲν ὑβριστικὸν ἔχοντος, ἀλλ' ἐπιεικῶς προσδιαλεγομένου, καὶ τὴν ὀφειλομένην σοι τιμὴν διαφυλάττοντος· καὶ γὰρ οἶδας ὡς εἴ τι καὶ πολλάκις πρὸς σὲ τραχύτερον οἱ τὴν ῥωμαικὴν βασιλείαν διέποντες σὺν Θεῷ ἔγραψαν, οὐ παρ' ἑαυτῶν εἰς

по отношенію къ Римскому царству невозможно. Объ этомъ не слѣдовало бы и писать, такъ какъ не разъ уже писалось, но вкратцѣ не лишне напомнить. Одно прибавлю еще и перестану писать.

Ничто такъ несвойственно власти и державѣ какъ невозмутимость, возвышенность души и непорочность въ рѣчахъ и дѣлахъ; зачѣмъ же ты, сынъ мой, недостойно своего сана обидно пишешь къ тѣмъ, которымъ жребьемъ свыше вручено царство, которое одно поставлено на землѣ отъ Бога нерушимымъ. Если же судьбами, Ему вѣдомыми, попущаетъ онъ мнящимся одолѣвать, то это только до времени до поры, пока снова волею не волею не подклонятъ они выи своей и не признаютъ, смиряясь, прежній державы. Пиши же какія прилично возраженія. Пиши, возражая, не обижая, и соблюдай всегда подобающую властодержцамъ велелѣпоту; не унижай себя до несогласной съ твоею властію низости и пошлости. Пошлымъ людямъ и незнающимъ приличія сродны обиды, но не возвеличеннымъ и вѣдущимъ направлять другихъ къ приличію. Ты знаешь, что не только властодержцы, но и почтеніемъ отличенные люди отметаютъ и отвергаютъ обиды, какъ нѣчто нечистое и соблюдаютъ чистоту языка и рѣчей прежде же всего избѣгаютъ осквернять свои помыслы нечистотою обидъ.

Къ чему приводить древнихъ и новыхъ Персовъ, Агарянъ и другихъ прежде бывшихъ, которымъ власть была вручаема? Они, когда, что часто бывало, вели войну, ратное дѣло свое совершали, но воздерживались согласно съ достоинствомъ своимъ отъ обидъ. До сихъ поръ такого случая не видали. И Агаряне пишутъ все, что внушаетъ самое дѣло, но соблюдаютъ должную честь въ обращеніи къ царю. Такъ и ты, сынъ мой, соблюдая достойное вели-

τοῦτο κεκίνηνται, ἀλλὰ σοῦ γράψαντος ἃ μὴ προσῆκον ὑπῆρχε, καὶ αὐτοὶ πρὸς τὸ τραχύτερον διατυπῶσαι τὸ γράμμα ἐξεβιάσθησαν· ὥστε ἡ μὲν τραχύτης ἐκ τῶν σῶν ὕβρεων λαμβάνει τὴν ἀφορμήν. ἡ δὲ βασιλικὴ διάθεσις διασώζουσα τὸ οἰκεῖον, ἀδελφόν σε ὀνομάζει καὶ φίλον ἠγαπημένον, καὶ ὅσα στοργῆς καὶ ἀγάπης ἐστὶν ἀληθινῆς· καὶ ἵνα τὸ πᾶν εἴπω ἀγκαλιζομένη φιλοφρόνως οἷα πατὴρ οἰκεῖον υἱόν.

Χρὴ οὖν καὶ σὲ τὴν ὁμοίαν διάθεσιν ἐπιδήκνυσθαι, καὶ ὡς εἶπον τὰ μὲν ἄλλα τοῦ πολέμου γράφειν οἷα βούλει, τὰς δὲ ὕβρεις ἀφιέναι, καὶ προσάγειν τοιαύτην τιμὴν ἐν τῷ σῷ γραμματι, ὁποίας καὶ αὐτὸς παρὰ τοῦ βασιλέως ἀξιούμενος διαδείκνυσαι· ταῦτα σοι γράφω, τέκνον ἐμὸν, ἵνα καὶ δια τοῦτο γνῷς ὅτι ὡς πατὴρ ἀληθῶς φιλῶν, καὶ τῆς σῆς δόξης καὶ τιμῆς κηδόμενος, ἐν οἷς τι κατανοῶ τῇ σῇ δόξῃ ἀπρεπὲς καὶ ἀνάρμοστον οὐ βούλομαι σιωπᾷν, ἀλλὰ παντὶ τρόπῳ ὅσον εἰς ἐμὴν ἥκεν δύναμιν πειρῶμαι τὴν ὑμετέραν συνιστᾷν εὐδοξίαν· ὁ Θεὸς δὲ τῆς δόξης ὁ τῆς παρούσης καὶ τῆς μελλούσης ζωῆς χορηγὸς, αὐτὸς πᾶσαν πρᾶξιν ὅση πρὸς ἀδοξίαν ἀπάγει ποιήσειεν ἐκποδὼν, καὶ καταισχύνει τὸν πονηρὸν δαίμονα, ὅς ἐξ ἀρχῆς καὶ μέχρι τοῦ νῦν καταισχύνειν οὐκ ἐλλείπει διαγωνιζόμενος τὸ τετιμημένον τοῦ Θεοῦ πλάσμα· καὶ δοίη εὐδόξως ὑμᾶς καὶ τῆς παρούσης μεταστῆναι ζωῆς καὶ δόξης ὁπότεν τῷ ἁγίῳ αὐτοῦ βουλήματι παραστῇ, καὶ εἰς τὴν ἀμάραντον δόξαν κατασκηνῶσαι σὺν πᾶσι τοῖς ἀπ' αἰῶνος ὑπ αὐτοῦ δοξαζομένοις.

IV. (XXV.)

Εἰ καὶ πλειστάκις ἔγραψα, τέκνον ἡμῶν, ὑπερ τῆς κοινῆς εἰρήνης καὶ σωτηρίας τῶν τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν τέκνων,

τέκνα γὰρ ἐκείνου Ῥωμαῖοι καὶ Βούλγαροι, καὶ τῷ τιμίῳ τῆς πλευρᾶς αὐτοῦ αἵματι ἐξηγορασμένοι, καὶ λαὸς αὐτῷ περιούσιος ἀνατεθειμένον· ἀλλὰ γὰρ εἰ καὶ πλειστάκις ἔγραψα περὶ τοῦ κοινῇ συμφέροντος ἑκατέρῳ γένει, καὶ εἰς οὐδὲν ἐλογίσθη τὰ παρὶ ἡμῶν γεγραμμένα, οὐκ ἀφίσταμαι τοῦ γράφειν, οὐδ' ἀποστήσομαι τὸ ἐμοὶ κεχρεωστημένον πληρῶν, καὶ ὅσον ἐμοὶ δυνατὸν τῆς ἀπειλῆς ἐκείνης ἔξω καθιστῶν ἐμαυτὸν ἀπειλούσης τῷ σκοπεῖν τεταγμένῳ, ὅταν μὴ τὴν ἐπερχομένην ῥομφαίαν ἀναγγείλῃ κατὰ τοῦ ταύτην δεχομένου, ἐξ αὐτοῦ τὸ αἷμα ζητεῖσθαι τοῦ διὰ τῆς ῥομφαίας ἀπολωλότος· οὗτος ὁ φόβος καὶ πρότερον καὶ νῦν ποιεῖ, τέκνον μου ἠγαπημένον, μὴ σιωπᾶν ἅμα δὲ καὶ λογισμός τις ἐπὶ τοῦ παρόντος εἰσῆλθέ με, ὅτι εἰ καὶ μὴ πρότερον, ἀλλά γε νῦν ἡ σὴ καλὴ καὶ ἥμερος ψυχή, ὅσα ἐγὼ τὴν σὴν φύσιν ἐνόησα τὴν ὀλίγην ἐκείνην ὥραν ἐν ᾗ ἑνωθῆναι ὑπῆρξε, δέξεται πατρὸς τὸν υἱὸν ἀγαπῶντος παραίνεσιν, καὶ σβέσει τὸ πῦρ καὶ τὴν φλόγα τὴν τέως ἀνάπτειν φιλονεικοῦσαν καὶ διαλυμαινομένην Ῥωμαίους καὶ Βολγάρους· πάλιν οὖν δυσωπῶ, πάλιν οὖν παραινῶ, πάλιν αἵματι δακρύων τὰ παρόντα γράμματα ἐπιστέλλων· καὶ γὰρ εἰ δάκρυσιν ἀντὶ μέλανος δυνατὸν ὑπῆρχε γράψαι τὰ γράμματα, ἐθεάσω ἂν τὴν τῶν ἐμῶν δακρύων φύσιν ὡς οὐ παρὰ πολὺ αἵματος ἀποδέουσι· καὶ πῶς γὰρ οὐ μέλλω τοιαῦτα δάκρυα φέρειν, ὅταν ἐπὶ νοῦν ἀναλήψωμαι τὰ πάθη καὶ τὰς συμφοράς, τὴν οὐκ ἔχουσαν παράδειγμα τῶν κακῶν τραγῳδίαν, ἣν φιλονείκησεν ὁ σατανᾶς ἐξ αἱμάτων χριστιανικῶν, καὶ σφαγῶν, καὶ ὀλέθρου τοσούτου ἐπισκοπείων, μοναστηρίων ἰδιωτικῶν οἴκων, εἰς τὸν βίον εἰσαγαγεῖν, καὶ τῷ μετέπειτα γένει τὴν τοιαύτην παραπέμπει διήγησιν;

Διὰ τοῦτο, υἱέ μου ἠγαπημένε, ἃ καὶ πρὸς τοὺς θεοστεφεῖς ἡμῶν βασιλεῖς γλώσσῃ προσφθέγγομαι, ταῦτα καὶ σοὶ τῷ γράμματι διαλέγομαι· ἀποβλέψατε πρὸς τὸ τῆς εἰρήνης ἀγαθόν, ἀποβλέψατε πρὸς τὴν τῶν ὑπηκόων σωτηρίαν, μὴ ἐπιμείνητε τῇ κακίστῃ φιλονεικείᾳ, μὴ δὲ προτιμήσητε τὰς σφαγὰς καὶ τὰ αἵματα, τὰς χηρείας, τὰς ἀπαιδείας· ἀναμνήσθητε τῶν καλῶν πραγ-

IV.

Хотя и часто писалъ я, сынъ мой, о мирѣ и спасеніи общихъ чадъ Іисуса Христа и Бога нашего (чада бо Его и Римляне и Болгаре, искупленныя Его честною кровью и народъ Его присный), но, хотя и часто объ общей обоихъ народовъ пользѣ писалъ я и хотя все писанное мною ни во что вмѣнено, не перестаю писать и неперестану исполнять долгъ свой, избѣгая сколько возможно наказанія, угрожающаго всякому, кто, будучи призванъ къ предусмотрѣнію, не предостережетъ виновнаго о повинности карающему мечу, мечемъ взыскать кровь погибшаго. Страхъ такого наказанія какъ прежде такъ и послѣ заставляетъ меня не молчать предъ тобою, сынъ мой возлюбленный. Внушаюсь притомъ мнѣніемъ, что если не прежде, такъ нынѣ, твоя добрая и кроткая душа, на сколько могъ я узнать нравъ твой въ короткое свиданіе наше, внемлетъ увѣщанію отца, преданнаго сыну и потушитъ пылающій огонь, непрестанно вспыхивающій между Римлянами и Болгарами. Снова молю, снова увѣщеваю, снова кровавыми слезами обливаю посылаемое писаніе. Если былобы возможно слезами писать, то ты увидѣлъ бы, что слезы мои мало отличны отъ крови. Какъ же такія слезы не проливать, когда душу потрясаютъ страданія при безпримѣрномъ зрѣлищѣ всякихъ золъ, слагающихся изъ кровопролитія среди христіанъ, изъ побоищъ и разореній епископій, монастырей и частныхъ домовъ, которыя сатана непрестанно являетъ для настоящей жизни и для преданія грядущему поколѣнію.

По этому то, сынъ мой возлюбленный, писаніемъ своимъ бесѣдую съ тобою о томъ, что устами произношу предъ Боговѣнчанными царями. Обратите вниманіе на

μάτων καὶ ἡδίστων, ὅσα ἐκ τῆς εἰρήνης Ῥωμαίοις καὶ Βουλγάροις περιεγίνετο· ἀλλ' οἱ μὲν τῶν Ῥωμαίων Βασιλεῖς φασιν, ἕτοιμοι πειθαρχεῖν τῇ παραινέσει, καὶ δέχονται τὴν παράκλησιν, καὶ οὐ μνησικακοῦσιν, οὐδ' ἐπιζητοῦσι τὸν πόλεμον ἔτι, κἂν δεινὰ παρὰ Βουλγάρων πεπόνθασι, κἂν ἐλπίδα φέρουσιν ἐξ ὧν ἀδίκως ὑπέστησαν παρ' ὑμῶν, καὶ ἐξ ὧν ἱκανοὶ μάλιστα μετὰ τῆς ἄνωθεν δικαιοσύνης ἀνακαλεῖσθαι τὴν ἑαυτῶν ὡς ὑμεῖς νομίζετε κάκωσιν· σὲ δὲ πρὸς τὴν ὁμοίαν καταστῆναι γνώμην δυσωπῶ, καὶ ἀναλαβεῖν ὅμοιον φρόνημα, καὶ ἀρκεσθῆναι τοῖς φθάσασι χαλεποῖς· ἱκανὸς γὰρ ὁ παραλυληθὼς χρόνος, μᾶλλον δὲ καὶ πέρα τοῦ ἱκανοῦ τοσαύτας δημιουργήσας συμφορὰς ἀνεπιλήπτους μεταξὺ Ῥωμαίων καὶ Βουλγαρων· ἐνθυμήθητι, τέκνον μου, τῶν ἐκκλησιῶν τοῦ Θεοῦ τὴν ἀπώλειαν, ὅσαι εἰς τάξιν ἐπισκοπείων, ὅσαι μοναστηρίων, τὸν φόνον τῶν ἱερέων, τὴν φθορὰν τῶν παρθένων, τῶν μοναζόντων τὴν ὕβριν· μὴ ταῦτα παρόψεται ὁ Θεός; οὐχὶ τὴν μακροθυμίαν ἣν ἐπεδείξατο μέχρι τοῦ παρόντος ὡς φιλάνθρωπος ὡς ἀνεξίκακος τὴν ἐπιστροφὴν ἀναμένων, πρὸς ὀργὴν ἐκκαύσῃ; καὶ τὴν ἐκδίκησιν τῆς τοσαύτης ἐπάξει μιαιφονίας; καὶ τίς ἂν λογικὴν σύνεσιν ἀποσώζων οὐ συνθήσεται; ἐπάκουσον ἡμῶν ἄνθρωπε τοῦ Θεοῦ, ἄκουσον πατρὸς ἀγαπῶντος σε καὶ τὸ σὸν ἔθνος· ὁ Θεὸς γὰρ οἶδεν ὅτι ἀγαπῶ ὑμᾶς, καὶ ἀλγῶ καθὼς ὑπὲρ τῶν Ῥωμαίων, οὕτως καὶ ὑπὲρ Βουλγάρων.

Ἀλλὰ περὶ μὲν τῶν Ῥωμαίων ἔχω τινὰς ἐλπίδας χρηστοτέρας, ἀποβλέπων ὡς ἄδικα πάσχουσι, καὶ εἰδὼς ὅτι ἀεὶ τοῖς ἀδικουμένοις Θεὸς ὑπερέχει βοηθείας χεῖρα, ὅποτε παρκστῇ τῇ τούτου ὑπερσόφῳ κρίσει· καὶ ἐνίοτε ἀναβάλλεται τὴν ὑπομονὴν, ἐκκαλύπτειν βουλόμενος τῶν πασχόντων τα ἄδικα· περὶ Βουλγάρων οὐκ ἔχω τινα χρηστοτέραν ἐλπίδα θεωρουμενην· ἐδόξατε γαρ εὐτυχίαν τινα περιβάλλεσθαι· ἀλλα τί τὸ εὐτύχημα, ὅταν οὐκ ἔχει στρατηγοῦσαν τὴν δικαιοσυνην; συνέβη καὶ ἄλλα ἔθνη κατὰ καιροὺς τινὰς εὐτυχῆσαι, καὶ ὡς ἐνόμισαν αὔξησιν τινὰ προσλαβεῖν, ἀλλὰ τῇ φιλοπολέμῳ προαιρέσει κατεστησαν εἰς τελείαν ἀπώλειαν, καὶ οὐδ' ὄνομα περιλείπε-

благо мира, на спасеніе вашихъ подданыхъ, не упорствуйте въ злѣйшемъ соперничествѣ, ниже предпочитайте убіеніе, кровопролитія, сиротства, безчадія, вспомните о добрыхъ последствіяхъ, грядущихъ отъ миролюбія Болгаръ и Римлянъ. И цари отвѣчаютъ мнѣ, что они готовы подчиниться увѣщанію моему и принимаютъ ходатайство, что они незлопамятствуютъ, ниже ищутъ войны, хотя и пострадали много отъ Болгаръ, что они, судя по претерпѣнному отъ васъ, чаютъ, при помощи Божьей, забвенія зла, понесеннаго вами. И такъ, прошу тебя къ такому же образу мыслей пристать, подобное мнѣніе возъимѣтъ и на совершенномъ злодѣяніи остановиться. Много, даже слишкомъ уже, прошло времени въ подобныхъ невыносимыхъ распряхъ Болгаръ и Римлянъ. Вспомни, сынъ мой, гибель церквей, епископій, монастырей, убійство священниковъ, растлѣніе дѣвъ, поруганіе иноковъ. Что? Богъ развѣ презритъ это? Не воспламенится ли онъ гнѣвомъ, тщетно ожидая обращенія по человѣколюбію и долготерпѣнію своему? Не пошлетъ ли онъ отмщенія за такое душегубство? И кто, сохранившій здравый разумъ, не согласится? Такъ послушай же меня, человѣче Божій, послушай отца любящаго тебя и твой народъ. Богу вѣдомо, что васъ я люблю, и что равно какъ о Римлянахъ такъ и о Болгарахъ скорблю.

Но о Римлянахъ имѣю еще благія надежды, взирая на то, сколько неправды они переносятъ и знаю, что Богъ обиженнымъ руку помощи подаетъ всякій разъ какъ по Его премудрымъ судьбамъ настоитъ нужда, иногда же отлагаетъ, желая, чтобы неправды страждущихъ раскрылись. О Болгарахъ немогу возъимѣть какую либо благую надежду. Вы мните, что счастіе васъ поддерживаетъ; но что за счастіе, когда правды съ нимъ нѣтъ? И другимъ

ται αὐτῶν τὰ νῦν ἐν ἀνθρώποις γινωσκόμενον, πλὴν ὅσα οἱ τὰς ἱστορίας ἀναλεγόμενοι τὴν μνήμην αὐτῶν περιφέρουσιν· οἶδα ὅτι καὶ αὐτὸς, υἱέ μου ἠγαπημένε, φιλομαθὴς ὢν καὶ τῶν παλαιῶν διερχόμενος τὰς βίβλους, ἐπιγινώσκεις ἃ γράφομεν· ἀπεύχομαι τοίνυν, φοβοῦμαι δὲ, μὴ ἐπιμενόντων ὑμῶν ταῖς σφαγαῖς καὶ τοῖς πολέμοις, ἄπρακτος ἡ εὐχὴ καταστῇ, τοῦτο καὶ ἐφ᾽ ὑμῖν συμβήσεται· ἀλλὰ μὴ εἴη τοῦτο, μηδὲ γένηται, μηδ᾽ ἀπαντήσῃ χριστιανοῖς οὖσιν ὑμῖν πρὸς τοιοῦτον καταντῆσαι τέλος, ἀλλὰ μᾶλλον ἐκ μέσου γενέσθαι τὰ σκάνδαλα ἃ ὑπέβαλεν πονηρὸς, καὶ τῆς σπορᾶς ἐκείνου τὰ ζιζάνια· καὶ τὸ Βουλγάρων ἔθνος πάλιν τὴν τοῦ Χριστοῦ εἰρήνην ἐπανελομένους ἐν εὐπαθείᾳ ἐν εὐζωίᾳ διατελεῖν τῇ μιᾷ κεφαλῇ τῷ Χριστῷ καὶ Θεῷ ἡμῶν, οὗ τινος καὶ Ῥωμαῖοι καὶ Βουλγάροι σῶμα τυγχάνουσι, και φυλαττομένους καὶ αὐξανομένους.

народамъ бывало счастіе служило и они мнили быть сильными, въ враждебныхъ, однакожъ, предпріятіяхъ они доводили себя до конечной гибели такъ, что ниже имя ихъ оставалось извѣстнымъ у людей, развѣ у тѣхъ, которые, читая исторіи, хранять о нихъ память. Знаю, что и ты, любознательно прочитывая книги древнихъ, подтвердишь то, что пишу. И такъ отрицаю, страшусь, дабы не осталась молитва моя тщетною, если упорствовать будете въ убійствахъ и войнѣ, и дабы не сбылось и на васъ такое забвеніе. Не быть же тому, не случиться, дабы васъ, христіанъ, постигъ такой конецъ но да изведутся соблазны, да потреблятся плѣвелы, посѣянныя лукавымъ, да опять народъ Болгарскій возвратится къ миру и, подчиняясь единой главѣ, Іисусу Христу, котораго Болгаре и Римляне одно тѣло, да охраняются и приращаются въ довольствѣ и благополучіи.

ПОСЛѢСЛОВІЕ

и

ОБЩЕЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

Кромѣ общеизвѣстныхъ памятниковъ, Литература греческая среднихъ вѣковъ обиловала еще памятниками, открытіе которыхъ составилобы существенное пособіе при изученіи отношеній Византіи къ разноплеменнымъ, окружавшимъ ее, народамъ. Эти памятники, дополняя историческія свѣдѣнія, недосказанныя въ лѣтописяхъ, привели бы насъ къ важнымъ заключеніямъ о бытовомъ значеніи племенъ, стремившихся въ соперничествѣ съ Римлянами восточной Имперіи доказать свое болѣе или менѣе сознанное призваніе.

Къ сожалѣнію еще мало обращаемо было вниманія на такія пособія со стороны самихъ Грековъ, сосредочившихъ свою пытливость болѣе на общія, чѣмъ на частныя изслѣдованія. (1) Замѣтно, однакожъ, что и они, подобно другимъ народамъ, начали обнаруживать достойную поощренія ревность къ изысканіямъ, отъ которыхъ ожидать можемъ справедливой оцѣнки жизни народовъ византійскаго періода. (2)

Дай Богъ, чтобы эти изысканія не замедлили, ибо

---

(1) См. *Ζαμπελίου Βυζαντίναι μελέται περὶ π. νεοελ. ἐθνότητος.*

(2) Кромѣ изданій Ралли и Потли, могу указать на періодич. изд. *Πανδώρα*, гдѣ помѣщены весьма замѣчательные документы.

памятникамъ, служащимъ имъ основою, угражаетъ опасность пренебреженія, забвенія и истлѣнія. Они тогда только замѣчаются, когда какой либо труженикъ, нещадя издержекъ и силъ, открывъ ихъ, изданіемъ извѣститъ, что они находились на Аѳонѣ, въ Солунѣ; Серресѣ, Охридѣ и прч.

Забывъ о трудѣ и платѣ того, кто открылъ, ревнители, спустя много лѣтъ, прибѣгаютъ къ складыванію небылицъ, вдохновляясь недоброжелательными поклепами.

Такъ ревнующимъ къ неоцѣненнымъ благамъ лучше бы было теперь еще допустить ученаго Грека къ обзору всего того, что обветшало и лежитъ кучами на чердакахъ и въ чуланахъ монастырей. Кто знаетъ, можетъ быть, подбирая дряхлые листки, онъ воскреситъ память о Фотіи и его преемникахъ въ сферѣ дѣятельности, выражавшей заботливость о просвѣщеніи сѣверныхъ народовъ.

Дай Богъ ученымъ Грекамъ совершить этотъ подвигъ, ибо труженика словянина ожидаютъ за это навѣты, глумленіе и осужденіе. Его не спрашиваютъ, что ему стоило это и, какъ рядовому, недадутъ вѣры очевидному доказательству его крайняго самоотверженія.

Поощреніемъ къ открытіямъ можетъ конечно послужить обнародованіе писемъ Патріарха Николая къ Симеону, князю Болгарскому. Въ нихъ такъ много указаній на самыя важныя задачи, предлагаемыя настоящими отношеніями! По нимъ можемъ заключать, какъ много могла бы открыть искренняя ревность на пользу церкви, просвѣщенія и мира.

Письма эти открыты въ ватиканской библіотекѣ и изданы извѣстнымъ ученымъ Анджело Маіо. (3) Они уже

---

(3) Spicilegium Romanum. T. X. Romae MDCCCXLIV.

обратили вниманіе первостепенныхъ духовныхъ ученыхъ въ отечествѣ нашемъ и намъ, мірскимъ труженикамъ, осталось только продолжать ихъ изученіе. ([4])

Считая эти письма важнымъ для себя пособіемъ, я старался непосредственно съ ними ознакомиться и на нихъ основалъ тотъ взглядъ на значеніе церкви, который выше изложилъ. Преимущественно воспользовавшись четырьмя посланіями, прилагаемыми здѣсь въ переводѣ, считаю небезполезнымъ дать и съ своей стороны отчетъ о всѣхъ посланіяхъ. При этомъ укажу на замѣчательныя мѣста, дополняющія предъидущее краткое изложеніе.

Сперва скажу вообще, что время отправленія этихъ посланій къ Симеону князю можно опредѣлить между 914 и 923 годами. Содержаніе ихъ преимущественно вращается около соперничества Симеона, замыслившаго поставить себя въ центрѣ Византійской Имперіи. Поэтому, при обычныхъ увѣщаніяхъ, въ нихъ повторяются одни и тѣже мысли. Тѣмъ неменѣе въ каждомъ изъ нихъ глубоко вникающему въ смыслъ посланій представятся замѣчательныя черты, изображающія характеръ X-го столѣтія.

Кромѣ двухъ первыхъ, отправленныхъ къ Симеону и Архіепископу Болгарскому по частному дѣлу, о выходцѣ, прочія посланія ведутъ рѣчь о замыслахъ Симеона.

И такъ, въ третьемъ посланіи ([5]) Патріархъ, узнавъ о замыслѣ Симеона быть Византійскимъ Императоромъ, *ἁρπάσαι βασιλείαν, ὡς τυραννίδος ἐπιθυμεῖς*, не внимая договорамъ—*τὴν παράβασιν τῶν φρικτῶν ὅρκων ποῦ θήσομεν*;—изум-

---

([4]) См. примѣч. 14.

([5]) Посланія эти обозначены въ Spicilegium Rom. римскими цифр. и начинаются съ IV. По счету третье посланіе въ изд. носитъ цифру V.

ляясь неразумному предпріятію, *θαμβούμενος ἐπὶ τῷ παραλόγῳ τοῦ ἐγχειρήματος* и довѣряя высокимъ качествомъ Симеона, *ὁ πολλὰ μετακλαυσάμενος τὴν πονηρὰν ἐκείνην ἐκστρατείαν*, (войну 890 года,) пытается отвлечь его отъ замысла и сожалѣетъ что нашлись люди, склоняющіе его къ тому.

Въ четвертомъ и пятомъ, основываясь на примѣрахъ исторіи, Патріархъ желаетъ устранить соперничество и удостовѣряетъ, что не думалъ внушать кровопролитія, о которомъ Симеонъ заключалъ по ложному слуху. Условія мира выражены въ четвертомъ такъ: *ἀπαγγελεῖ δὲ σοι τὸ ἡμέτερον γράμμα ἔνορκον ἀσφάλειαν γενέσθαι τοῦ μὴ τοὺς βουλγάρους ἀσύμφορον τι πράττειν καὶ τελεῖσθαι μὲν καθὼς ἐξ ἀρχῆς το λεγόμενον Κομβεντον, στέλλεσθαι δὲ καὶ τὰ ἐκ τῆς ρωμαϊκῆς βασιλείας ὡς ἔθος πρὸς σε στελλόμενα μέχρι τῆς Δεβελτοῦ, ἐκεῖθεν τὲ διὰ τῶν ὑμετέρων ἀνθρώπων κομίζεσθαι πρὸς τὴν σὴν ἐξουσίαν καὶ ἀρκεῖσθαι τούτων οὕτω γινομενων.*

Въ шестомъ посланіи, писанномъ послѣ свиданія съ Симеономъ, Патріархъ упоминаетъ о бывшемъ искреннемъ согласіи(*ἀνάκρασις*) Болгаръ и Римлянъ. Здѣсь выражена также мысль о назначеніи народовъ, см. эпиграфъ.

Въ седьмомъ посланіи, разсказавъ о приготовленіяхъ Грековъ къ войнѣ, представляетъ доказательства тому, что Болгаре сами, сносясь съ Печенѣгами и нападая на южныя греческія области, подали поводъ къ нарушенію мира. Вообще мнѣніе Николая осуждало Грековъ и Болгаръ въ непримирительности: *τὸ μὲν καὶ ἡμῶν πταισάντων, το δὲ καὶ ὑμῶν.*

Въ осьмомъ посланіи, писанномъ послѣ сраженія у Анхіала, отражая обиды Симеона, который по праву побѣды требовалъ признанія себя Императоромъ Римскимъ, *ὡς ἕνεκεν τοῦ σε τῶν Ρωμαίων κατασχεῖν ἐξουσίαν* — напоминаетъ ему, что Болгаре — отметники и рабы Аваръ — *τὰ τῶν Ἀβάρων γέ-*

νη, ὧν ὑμεῖς ἀποσπάδες καὶ—δοῦλοι καὶ δραπέται γεγόνατε. Поэтому лучше оставить суетныя надежды—*ῥίψον τὰς ματαίας ἐλπίδας.*

Въ девятомъ, порицая злые совѣты людей, *ἀνθρώπων κακοβουλίαι*, Патріархъ выражаетъ желаніе лично переговорить съ Симеономъ о мирѣ.

Въ десятомъ и одинадцатомъ посланіяхъ, отправленныхъ къ Архіепископу Болгарскому, единомысленному съ Патріархомъ—*ἐπιστάμεθα τὴν ὑμῶν ἀρχιερατικὴν τελειότητα—τὰ αὐτὰ φρονεῖν*—и къ первому сановнику Симеона, Николай проситъ ихъ посредничества въ дѣлѣ мира.

Въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ Патріархъ выражая желаніе свиданія съ Симеономъ и порицая его притязанія, признаетъ ему высокія качества. Въ первомъ Николай такъ изображаетъ Симеона: *ὅτι Συμέων ὁ διὰ φρόνησιν μεγάλην, ὁ διὰ τὸ θεοφιλὴς εἶναι εἰς μέγα δόξης τὸ βουλγάρων ἔθνος ἀγαγών, ὁ πονηρίαν εἴ τίς ποτὲ ἀνθρώπων μισῶν, ὁ δικαιοσύνην τιμῶν, ὁ βδελυσσόμενος ἀδικίαν, ὁ κρείττων ἡδονῶν, ὁ τὴν γαστέρα κατάγχων ὀυδεν ἧττον εἰς ἓν ὄρεσιν ἡ ζωὴ, ὁ οἴνου ἄγευστος, ὁ κατ᾽ ὀυδὲν παραλλάσσων τῶν ἔξω τοῦ κόσμου ζῆν ἐπαγγελλόμενων, ἢ ἐν μόνῃ τῇ κυβερνήσει τῆς παρὰ θεοῦ δεδομένης αὐτῷ ἀρχῆς. τίς ἂλ σῦν προσδοκίαν ἔσχεν κ. τ. λ.*

Въ четырнадцатомъ посланіи Николай, извѣщая Симеона о томъ, что Романъ сдѣлался соправителемъ, совѣтуетъ ему женить сына своего на дочери Романа, или выдать дочъ свою за сына послѣдняго. И прежде Симеонъ желалъ породниться съ Императорскимъ домомъ, *ἐπεζήτεις πρὸ τούτου κηδεῖσαι βασιλεῖ, καὶ τὴν σὴν ἐξαίτησιν παρὰ φαῦλον ἐποιήσαντο εἰς ἔδοξε τοῦτο ποιεῖν. νῦν ἔξεστί σοὶ τῇ τοιαύτῃ κηδείᾳ σεμνύνεσθαι.*

Въ пятнадцатомъ, извѣщая, что самъ царь будетъ предводительствовать ополченію противъ Симеона, Патріархъ совѣтуетъ принять условія мира

Въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ, Патріархъ, отрицая требованіе Симеона, чтобы Романъ низведенъ былъ съ престола, предлагаетъ условія мира.

Въ восемнадцатомъ Патріархъ, озабоченный возстановленіемъ мира—*ἀνασῶσαι εἰρήνην ἀπωλωλυῖαν ἀνθρώπων κακοβουλίᾳ*,—когда не состоялось свиданіе, увѣщеваетъ Симеона указаніемъ на примѣры изъ исторіи—*διότι σπουδαῖον σὲ ὄντα ὑπολαμβάνω, καὶ εἰς τὸ τας ἱστορίας ἀναλέγειν τῶν παλαιῶν τὴν αὐτὴν διασώζειν σπουδὴν*.

Въ девятнадцатомъ посланіи Патріархъ, возражая на иронію Симеона, употребившаго какую то притчу въ своемъ письмѣ, особенно опровергаетъ притязаніе его, будто основанныя на волѣ Божьей—*ἀλλὰ λέγεις—οὕτω βούλεσθαι τὸν Θεὸν, ἀλλὰ βούλημα τοῦ Θεοῦ τὴν τῶν Ῥωμαίων ἐξουσίαν ὑμας λαβεῖν*.

Въ двадцатомъ Николай, посылая свое приближеннаго, проситъ условиться о мирѣ.

Четыре слѣдующія посланія напечатаны выше съ переводомъ.

Въ двадцать пятомъ Николай, удостовѣряя Симеона, что ему не возможно ни овладѣть царемъ городомъ, ни присвоить весь западъ Имперіи, склоняетъ его къ миру, припоминая, что онъ есть сынъ мира [вѣроятно Симеонъ родился въ 863 году].

Въ двадцать шестомъ посланіи Патріархъ грозитъ посредничествомъ Папы, такъ какъ слухи объ его распрѣ по всей землѣ распространились. Упоминаетъ о Ѳеофилактѣ и Карѣ, посланцахъ Папы, и о томъ, что онъ въ мирѣ съ Папою. Укоръ зачѣмъ Симеонъ не къ царю обращаетъ письма, а къ сенату.

Въ двадцать седьмомъ и восьмомъ, писанныхъ послѣ извѣстнаго свиданія Симеона съ Императоромъ Романомъ,

Патр. Николай, укоряя Симеона, которому тогда было около 60 лѣтъ, въ непостоянствѣ, опревергаетъ навѣты, указывая на исторію, которую Симеонъ—изучаетъ *ἀνάγνωσον—ἀγέγραφα, καὶ ἐκ τούτων πρὸς τὰς παλαιοτέρας ἱστορίας, οἶδα γαρ ὅτι καὶ ταύτας ἐν μελέτῃ ποιῇ, ἀνάβηθι*—и извѣщаетъ, что, хотя царь желаетъ мира, но теперь весь народъ, всѣ сословія поощряютъ его къ войнѣ съ Симеономъ. Притомъ Патріархъ указываетъ на то, что война навлекла на Симеона проклятія не только Грековъ, но и Болгаровъ. *Στῆσον τὰ κοινὰ πάθη—καὶ τὰς κατάρας ὅσας ἐπὶ σὲ πάντες ἄνθρωποι, καὶ Βούλγαροι καὶ Ῥωμαῖοι, πλούσιοι, καὶ πένητες, μονάζοντε, καὶ ἱερεῖς, καὶ λαϊκοι καταπέμπουσιν.* Условія мира и посредничество.

Представивъ въ возможной краткости содержаніе всѣхъ посланій Николая, предваряю, что предлагаемыя мною четыре посланія заключаютъ существенныя данныя для выясненія отношеній Константинопольской церкви къ Болгарамъ Переводя ихъ, я преимущественно соблюдалъ близость перевода къ подлинику и потому нерѣдко нарушалъ требуемую плавность изложенія.

Надѣюсь, что, съ помощью ихъ, содержаніе предъидущей статьи найдетъ хотя нѣкоторое оправданіе у тѣхъ, которые раздѣляютъ со мною мнѣніе, что изученіе древнихъ документовъ греческихъ можетъ содѣйствовать къ болѣе примирительному выясненію и настоящихъ недоразумѣній.

2007050703